Д16 1693

НАУЧНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА Р. К. К. А.
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Д16 1693

ПОЛКОВНИК БАЗАРЕВСКИЙ

НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 9-й РУССКОЙ АРМИИ ИЮНЬ 1916 ГОДА

ВОЕНИЗДАТ · МОСКВА · 1937

ВОЕНИЗДАТ

НАУЧНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА РККА

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Д16 1693

Полковник Базаревский

НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 9-й РУССКОЙ АРМИИ

Июнь 1916 года

Прорыв укрепленной полосы и форсирование реки

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА 1937

А. Базаревский. „Наступательная операция 9-й русской армии в июне 1916 года".

Автор описывает в оперативно-тактическом разрезе прорыв австро-венгерского фронта и форсирование р. Прут 9-й русской армией в южной Галиции и Буковине. Цель труда — проследить на историческом примере взаимодействие пехоты и артиллерии и влияние местных условий на ход операции и боя.

Книга предназначена для командного и начальствующего состава всех родов войск Красной армии.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
595852 М
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

I

ПОЛОЖЕНИЕ И ПЛАНЫ ДЕЙСТВИЙ СТОРОН К ВЕСНЕ 1916 г.

(схема 1)

Общее состояние русских вооруженных сил

К весне 1916 г. 11 русских армий, соединенных в три фронта,—всего 61 армейских и 8 кавалерийских корпусов, 146 пехотных и 44 кавалерийских дивизий с 6 800 орудиями, общей численностью 2 000 000 активных винтовок,—занимали линию протяжением около 1 200 *км* от Рижского залива до русско-румынской границы.

В частности четыре армии юго-западного фронта (8-я, 11-я, 7-я и 9-я) ген. Брусилова, имевшие в своем составе 18 армейских и 4 кавалерийских корпуса, $40^1/_2$ пехотных и 14 кавалерийских дивизий и насчитывавшие в общем 630 батальонов, 600 000 активных винтовок, 1 980 орудий, из которых 168 тяжелых, и около 100 действовавших самолетов, располагались от Пинских болот до румынской границы на фронте протяжением около 420 *км*[1].

Таким образом, юго-западный фронт, занимая 35% общего протяжения русского фронта против Германии и Австро-Венгрии, имел в своем составе 27% общего числа пехотных, 32% кавалерийских дивизий и около 29% общего числа орудий.

Гибель большинства кадровых офицеров и солдат в продолжение первых полутора лет войны привела

---

[1] Численность русских вооруженных сил весной 1916 г.—приложение 1.

к тому, что русская армия к указанному времени была укомплектована малообученными рядовыми бойцами и не достаточно подготовленным младшим и средним командным составом. В солдатских массах стало расти понимание того, что война ведется ради интересов богачей, помещиков и капиталистов. Желание поскорее покончить с войной преобладало в мыслях солдат, и эти мысли уже стали иногда высказываться открыто.

Транспортная разруха в стране резко обострила продовольственный кризис, который начал ощущаться и в армии. Паек армии, состоявший из 1 230 *г* хлеба, 409,5 *г* мяса, 48 *г* сахара, 8 *г* масла, круп, чая и пр., давал до 4 000 калорий на человека, но продукты поступали не всегда в достаточном количестве.

Снабжение вооруженных сил, и в частности, как будет видно ниже, 9-й армии, предметами вооружения и боевыми припасами в 1916 г. несколько улучшилось, однако, потребности армий, особенно армий юго-западного фронта, полностью не удовлетворялись, как в отношении тяжелой артиллерии, так и снарядов для нее и для 122-*мм* гаубиц и ружейных патронов.

Что касается снарядов для легких 76-*мм* пушек, то производство их в России увеличилось с 9 до 12 снарядов в день на пушку и, казалось, должно было удовлетворить потребность в них. Но опасение вновь оказаться без снарядов, плохо налаженный учет, преувеличенные требования войск, в частности в 9-й армии, ввиду предстоявшего наступления ее, привели к тому, что из-за границы доставлялось еще около 20% общего числа снарядов для орудий этого калибра.

Прочие потребности вооруженных сил более или менее удовлетворялись. Наиболее жгучим вопросом было обеспечение действующих армий обувью.

Транспортные возможности на театре военных действий были таковы, что нельзя было думать не только о совершении железнодорожного или автомобильного маневра, но и о более или менее энергичном продвижении вперед. Автотранспорт был ограничен; всего на фронте было около 7 000 машин, в том числе в 9-й армии около 200 легковых и грузовых; конский транспорт справлялся с подвозом лишь при стоянии

армий на месте; ресурсы для восстановления железных дорог были весьма недостаточны[1].

Войска были укомплектованы до штата. Существовали возможности и для дальнейшего пополнения их людьми и лошадьми.

В общем материальное питание широкой наступательной операции должно было встретить громадные затруднения. Но русское высшее командование, недостаточно учитывавшее тяжелое хозяйственное положение страны, которая не могла удовлетворить все растущие потребности вооруженных сил, считало, что имеются все данные надеяться на успех наступательных действий на всем австро-германском фронте.

План действий русского командования

Несмотря на внешне значительные результаты кампании 1915 г. на русском фронте, центральные державы по существу не выполнили поставленных себе задач. Россия была надломлена, но вывести ее из строя не удалось. С другой стороны, сосредоточение австро-германских усилий на востоке дало возможность Англии, Франции и Италии развернуть свои армии до невиданных размеров. Уверенность Антанты в благоприятном для нее исходе войны росла по мере обострения отношений между Германией и Соединенными штатами Америки и постепенного перехода последних на сторону Антанты.

Однако, еще непоколебленная мощь Германии, выявившаяся при атаке немцами Вердена, недостаточное еще развитие военной промышленности Англии и Франции, колебания Румынии, наконец, тяжелое положение Италии, создавшееся в результате наступления австро-венгерцев из Трентино, — все это побуждало союзников настаивать на наступлении русских, как только оно станет возможным по климатическим условиям.

Совещание союзных представителей при французской главной квартире 14 февраля 1916 г. постановило

[1] Снабжение русских вооруженных сил и транспорт — приложение 2.

начать общее наступление всех армий в мае, причем русская армия должна была начать его в начале мая (по старому стилю), а прочие — в половине мая [1]. Впоследствии этот срок был перенесен на более позднее время, отчасти вследствие значительных потерь, понесенных французами под Верденом, и большого расхода у них снарядов [2].

Главный удар, согласно решения русского верховного главнокомандующего, должны были наносить армии западного фронта из района Молодечно в направлении Ошмяны, Вильна. Северный и юго-западный фронты оказывали ему содействие. При этом последний должен был „тревожить" противника на всем протяжении своего расположения. „Главную атаку должны были производить войска 8-й армии в общем направлении на Луцк" [3]. Длительность операций рассчитывалась, примерно, на 20 дней.

Наступление должен был начать юго-западный фронт.

25 мая главнокомандующий юго-западным фронтом ген. Брусилов, оптимистически оценивавший обстановку, отдал директиву, согласно которой главный удар наносила ближайшая к западному фронту 8-я армия четырьмя корпусами на фронте Дубище, Корыто, протяжением около 30 *км*; 11-я и 7-я армии должны были атаковать, каждая на небольшом участке одним корпусом, а 9-я армия—на участке Онут, Доброноуц 11-м и 12-м корпусами.

Общее состояние австро-венгерских вооруженных сил

Весной 1916 г. на русском фронте были развернуты 13 австро-венгерских и германских армий и групп, частью самостоятельных, частью входивших в состав четырех групп армий (фронтов).

---

[1] Телеграмма русского представителя при французской главной квартире ген. Жилинского в ставку № 95 от 28 февраля.

[2] В конце концов было установлено начало наступления на французском фронте 1 июля, а на русском — 15 июня.

[3] Директива верховного главнокомандующего № 2017 от 24 апреля 1916 г. (В. И. А., Дело ставки и А. Брусилов, Мои воспоминания, стр. 170)

Южнее р. Припять против русского юго-западного фронта располагалась группа армий германского генерала Линзингена, состоявшая из трех групп и одной армии [1], к югу от нее—группа армий венгерского генерала Бем-Эрмолли — две австро-венгерские армии, а еще южнее — южная и 7-я отдельные армии. Австро-германские армии, находившиеся к югу от р. Припять, насчитывали в своем составе около 45% общего числа активных винтовок центральных держав на всем русском фронте. Севернее р. Припять располагались почти исключительно немцы, южнее же этой реки были почти лишь одни австро-венгерцы [2].

Огромные потери, понесенные австро-венгерцами в 1914 и 1915 гг. в борьбе, главным образом на русском фронте, повели к тому, что даже первоочередные дивизии их сохранили лишь самые незначительные кадры. В дивизиях же, сформированных после объявления войны, таковых и вовсе не было. Качество австро-венгерских войск при этих условиях не могло быть особенно высоким.

В многонациональной австро-венгерской армии крепче и упорнее были венгерские, а затем немецкие части; наименее „надежными“ были части, укомплектованные чехами и сербами.

Победы австро-германцев в 1915 г. на русском и сербском фронтах и возникшие в связи с этим надежды на облегчение продовольственного кризиса, поддержка империалистических планов правительства австрийской социал-демократией и, наконец, помощь,

---

[1] Северная граница группы ген. Линзингена проходила несколько севернее р. Припять. Но это не существенно, так как в Пинских болотах располагались относительно очень незначительные части.

[2] Фалькенгайн („Верховное командование“, стр. 267) говорит, что севернее р. Припять из 590 000 винтовок было 30 000 австро-венгерских, а южнее реки из 486 000 винтовок 30 000 германских. По русским официальным сведениям, южнее р. Припять было всего 441 000 австро-германских винтовок, а по официальным австрийским („Österreich-Ungarns letzter Krieg“, стр. 663) на русском фронте было 620 000 австро-венгерских винтовок и 30 000 карабинов. Последние две цифры надо считать верными. Но в это число включены все бойцы, вооруженные винтовками, входившие в состав армий, находившихся против русского юго-западного фронта.

оказанная Австро-Венгрии Германией, — все это в известной мере подняло настроение командной верхушки австро-венгерской армии. Однако, в рядах ее все больше начинало сказываться неверие в успешный исход войны. Страна находилась в тяжелом экономическом положении, что резко сказывалось на снабжении армии.

Предметами вооружения и огнеприпасами австро-венгерские войска были снабжены, благодаря помощи Германии, лучше, чем русские. Однако, транспортные возможности и австро-венгерского вооруженного фронта были ограничены. Они не позволяли надеяться на широкое использование железнодорожного и автомобильного транспорта для оперативных перевозок в случае наступления русских.

План действий австро-венгерского командования

Предпринимая без согласия германского главного командования решительную наступательную операцию на итальянском фронте, австро-венгерское командование перебросило туда часть войск с восточного фронта. После кампании 1915 г. и неудачного наступления русских в марте 1916 г. между Дрисвяты и Поставы, по обеим сторонам озера Нарочь и в других местах русская армия особых опасений центральным державам не внушала. Возможность же выступления Румынии против Австро-Венгрии была к весне 1916 г. сведена до минимума. Оборона фронта южнее р. Припять возлагалась на Австро-Венгрию, которая для этого получила в подкрепление несколько германских дивизий.

До австро-венгерского командования, особенно с конца апреля 1916 г., доходили кое-какие сведения о предстоявшем наступлении русских. Но, ввиду отсутствия передвижений более или менее крупных сил вдоль фронта и спокойствия на русских позициях и в их тылу, смутных слухов о каких-то дипломатических переговорах с Россией и распутицы на русском фронте, австро-венгерское командование считало мало вероятным, что ослабленные русские смогут перейти в наступление и оказать действительную помощь

итальянцам. Оно имело основания не предпринимать особых мер для усиления своего восточного фронта. К этому решению австро-венгерцы пришли отчасти и под влиянием оптимистического мнения о прочности восточного фронта, создавшегося у начальника австро-венгерского генерального штаба ген. Конрада фон-Гетцендорфа при личном его объезде. Такую оценку обстановки на русском фронте он высказал 23 мая и ген. Фалькенгайну, начальнику германского генерального штаба:

„Русское наступление в Галиции с шансами на успех могло бы быть предпринято не ранее 4—6 недель после того, как австрийцам стала бы известна его неизбежность“ [1].

---

[1] Фалькенгайн, Верховное командование, стр. 220 и 223.

II

ОБСТАНОВКА НА ФРОНТЕ 9-й РУССКОЙ И 7-й АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ АРМИЙ

(схемы 2 и 3)

9-я русская армия

В результате кампании 1915 г. 9-я русская армия остановилась не на каком-либо заблаговременно намеченном и укрепленном рубеже, а на случайной линии, дальше которой не пожелали или не могли итти австро-германцы.

Корпусам 9-й армии было предписано не терять больше „ни клочка земли", примениться к занятому расположению и исправить его недостатки. Это войска в большей или меньшей мере и выполнили, расплачиваясь впоследствии кровью за слабость укреплений.

К маю 1916 г. 9-я русская армия (штаб в Каменец-Подольске) располагалась на позиции от Латач на Днестре до Бойян на Пруте, на фронте протяжением около 90 *км*, соприкасаясь на севере с позициями 7-й русской армии [1], а на юге с румынской границей.

[1] 7-я армия ген. Щербачева в составе 7 пех. и 2 кав. дивизий при 349 орудиях, из которых 23 тяжелых, занимала фронт от Бенява до Латач, протяжением 67 *км*. 9-я армия, как будет видно ниже, была сильнее 11-й и 7-й армий и слабее 8-й. 11-я армия к 4 июня имела 8½ пех. и 1 кав. див. и 382 орудия, из которых 22 тяжелых на фронте в 105 *км*, а 8-я армия — 15 пех. и 3 кав. див. при 704 орудиях, из которых 76 тяжелых, на фронте в 158 *км*, частью в Полесье. Таким образом, в общем силы и средства Брусилова были распределены по армиям в соответствии со значением каждой из них в предстоявшей операции фронта.

Во главе 9-й армии находился ген. Лечицкий [1], выдвинувшийся во время русско-японской войны, человек знающий, энергичный, твердый и заботливый.

Позиция армии на первых 16 *км* шла непосредственно по левому берегу Днестра, а затем по прямой линии на юго-восток, отходя от реки на 10—12 *км*. У Колодрубка позиция перекидывалась на правый берег Днестра. Отсюда она шла западнее Ржавинцы, Калинковцы, а затем прямо на юг к румынской границе.

После перегруппировки, связанной с предстоявшим переходом армии в наступление, корпуса ее с севера на юг в начале мая 1916 г. располагались в следующем порядке: от Латач до Выгода на фронте протяжением около 34 *км* находился 33-й корпус; далее на юг искл. до Онут на участке в 12 *км* располагался 41-й корпус; еще южнее вкл. до выс. 458 на фронте около 13 *км* занимал позицию 11-й корпус; наконец, на левом крыле армии находились сводный корпус до р. Гукеу и 3-й конный корпус до румынской границы. Сводный корпус оборонял участок в 26 *км* и 3-й конный — 5 *км* [2]. 12-й корпус находился в армейском резерве севернее ст. Новоселица.

Каждый из этих корпусов имел по 2 дивизии. Кроме того, в армии было 2 отдельных кавалерийских дивизии. Таким образом, армия состояла из 10 пехотных и 4 кавалерийских дивизий, или из 160 батальонов, 128 эскадронов и сотен, насчитывавших в своем составе свыше 170 000 бойцов [3].

В каждой пехотной дивизии было 4 пехотных полка по 4 батальона. По штату в полку положено было иметь одну пулеметную роту с 8 станковыми пулеме-

---

[1] Единственный в то время командующий армией не из офицеров генерального штаба, т. е. не получивший общего высшего военного образования.

[2] Сводный корпус был сформирован 28 апреля 1916 г. В его состав были включены 82-я и 103-я пех. дивизии. 12 июня он был расформирован. В состав 3-го кон. корпуса входили 10-я кавалерийская и 1-я Терская казачья льготная дивизии.

[3] В это число входят 3 206 офицеров, 145 640 винтовок, из которых кавалерийских 17 640, бойцы артиллерии, инженерных, авиационных и броневых частей (В. И. А. Д. № 239).

тами, но в действительности каждый пехотный полк имел их обычно 30—40, столько, сколько сумел захватить у противника в предшествовавших боях [1].

Однако, командиры полков и начальники штабов дивизий тщательно скрывали наличное число пулеметов, так как в прошлом имели место случаи отобрания сверхштатных пулеметов для снабжения ими тех полков других дивизий, которые их не имели. Поэтому официально их числилось много меньше. Число бомбометов в дивизиях было крайне разнообразно и колебалось от 7 до 45. Больше всего их имелось в двух дивизиях 11-го корпуса. В армии же их было 221. Минометов было мало.

Орудий в армии числилось 489, из них 47 тяжелых [2], т. е. в среднем на 1 *км* фронта приходилось около 5,5 орудий, в том числе 0,5 тяжелых. Жалобы со стороны русской пехоты на слабость артиллерии слышались часто, особенно потому, что противник, как будет видно ниже, в отношении числа орудий был в более благоприятных условиях.

Авиации в 9-й русской армии было мало, впрочем как и в остальных русских армиях,— всего 1 дивизион и 5 отрядов, имевших около 50 разведывательных самолетов, из которых действовавших было 28 [3].

Прорыв на главном направлении должен был произвести 11-й армейский корпус ген. Баранцева. Дивизии же 12-го корпуса предназначались для развития возможного успеха. В состав 11-го корпуса входили 11-я и 32-я пех. дивизии (начальники дивизий генералы Бачинский и Лукомский), те же, что числились в нем в мирное время, и, кроме того, временно ему была придана 19-я пех. дивизия 12-го корпуса.

Весь командный состав армии к весне 1916 г. обновился в лучшем смысле слова, так как на строевые

---

[1] Поэтому пулеметы были нескольких систем, но в большинстве Максима и Шварцлозе. Официально в армии числилось 473 пулемета.

[2] Тогда 122-*мм* гаубицы считались также тяжелыми орудиями; с ними было 71 тяжелое орудие. „Österreich-Ungarns letzter Krieg" на стр. 418 считает, что только южнее р. Днестр у русских имелись 482 орудия. Это неверно.

[3] Состояние русской авиации весной 1916 г.— приложение 3.

должности, начиная с ротного командира и выше, уже выдвинулись офицеры, успевшие хорошо зарекомендовать себя во многих боях.

Рядовое офицерство в пехоте значительно изменилось сравнительно с контингентом, выступившим на войну.

Вследствие потерь, в начале 1916 г. кадровые офицеры в пехоте были редкостью. На полк их приходилось не более 8—10. Главную офицерскую массу составляли к этому времени бывшие прапорщики запаса, окончившие ускоренные офицерские курсы, и подпрапорщики, фельдфебели и унтерофицеры, произведенные в офицеры.

Кадры подготовленных в мирное время унтерофицеров растаяли Часть унтерофицеров была произведена в офицеры, а большинство, не получив при мобилизации соответствующих должностей, было поставлено в строй в качестве рядовых и было выбито. Правда, к весне 1916 г. унтерофицерами стали бойцы, выдвинувшиеся личной храбростью, но соответствующих знаний и навыков в управлении вверенными им подразделениями они еще не имели.

Кадровых же рядовых солдат можно было встретить лишь в командах пулеметных, связи [1] и других, а главным образом в обозах. Всю остальную массу бойцов пехоты составляли почти исключительно крестьяне, прибывшие из запаса, или новобранцы, прошедшие кратковременный курс в запасных частях, а поэтому обученные слабо.

В иных условиях были артиллерия и конница. Эти роды войск за два года войны понесли относительно незначительные потери. Но личный состав артиллерии был ослаблен командированием офицеров и лучших солдат для новых формирований, преимущественно тяжелой артиллерии. Подготовка артиллерии была хорошая, подготовка же конницы, как и в 1914 г., была односторонней: пешего боя избегали. Тем не

[1] Телефонная команда штаба 11-й пех. дивизии была укомплектована почти исключительно народными учителями, призванными на военную службу в 1915 г., частью не пожелавшими, а частью не успевшими попасть в школы прапорщиков.

менее конница 9-й армии — 4 кав. дивизии и 4 отдельные полка корпусной конницы [1] — подвижная масса винтовок, как тогда казалось, была способна к выполнению серьезных самостоятельных задач. В ожидании их конница до июня или занимала второстепенные участки, или находилась в резерве, накапливая энергию и подкармливая коней, которые были в отличном состоянии.

7-я австро-венгерская армия

Перед фронтом 9-й русской армии к концу мая 1916 г. располагалась 7-я австро-венгерская армия ген. Пфлянцер-Балтина со штабом армии в Коломыя. Помимо 13-го и 6-го корпусов, располагавшихся против 7-й русской армии, армия насчитывала около 9—10 пех. и 4 кав. дивизий, имевших 131 батальон и 92 эскадрона, численностью в общем около 130 000 бойцов, не считая запасных частей.

От Латач до Выгода, на фронте протяжением около 30 *км*, располагалась группа ген. Гадфи из 2 пех. (21-й ландверной и 51-й гонведной) и 6-й кав. дивизий, в общем, численностью до 30 000 бойцов [2]. Южнее, до Доброноуц, на фронте около 28 *км*,— группа ген. Бенигни, состоявшая из 42-й гонведной дивизии, 3 кав. диви-

---

[1] Текинский конный и 2-й Екатеринодарский казачьи полки были приданы 11-му корпусу, 2-й Кубанский казачий полк — 12-му корпусу, Крымский конный полк — по-дивизионно 33-му и 12-му корпусам. Армейскую конницу составляли дивизии: 1-я Донская казачья, 10-я кав., Туземная кавказская (сформированная в начале войны и обученная слабо; в пешем бою сражаться она не хотела), 1-я Терская казачья льготная. Последняя была второочередной и не обладала в полной мере качествами, необходимыми для современной конницы. Лучше других были Текинский и Крымский конные полки и отчасти 10-я кав. дивизия. Из кавалерийских начальников выделялся своей личной храбростью командир 3-го кон. корпуса ген. Келлер; другими свойствами, необходимыми для высшего начальника, он не обладал.

[2] Официальное австро-венгерское описание не содержит указанных сведений о численности соединений 7-й австро-венгерской армии, но имеются указания, что они были укомплектованы до штатов. Русские насчитывали в 7-й австро-венгерской армии 112 000 бойцов. Ландверные войска — это резервные войска австрийцев, а гонведные — венгерцев.

зий (5-й гонведной, 3-й и 8-й) и 32-го венгерского ландштурмного полка, в общем численностью около 26 000 бойцов; наконец, до румынской границы на фронте протяжением в 32 *км* располагался 11-й корпус ген. Корда — 24-я пех., 40-я гонведная дивизии, бригада 36-й пех. дивизии, 202-я гонведная бригада, бригада ген. Паппа, спешенная кавалерийская бригада полк. Кранц (4 эскадрона) и сборная группа ландштурмистов ген. Шольца — 48 000 бойцов. 5-я пех. дивизия[1] 11-го корпуса и 30-я дивизия — 26 000 бойцов — находились в резерве. Таким образом, в армии было 7 старых кадровых пехотных дивизий, сохранивших в известной мере боевые традиции. Остальные пехотные части, в общем по числу батальонов, составлявшие около двух-трех дивизий, были случайного состава, качественно слабые, но самостоятельные, не входившие в состав дивизий. Для прочного прикрытия Венгрии эта армия могла считаться достаточно сильной, особенно если принять во внимание, что позиция, ею занимаемая, была крепка, а позади имелись тыловые укрепленные полосы и Лесистые Карпаты. Слабой стороной 7-й австро-венгерской армии было то, что ее резервы были малы, а резервы высшего командования находились далеко.

Группировка австро-венгерских войск показывает, что главное внимание ген. Пфлянцер-Балтина в этот период времени было обращено на южный участок фронта армии. Здесь на протяжении 32 *км* занимали позицию части, получившие наименьшие участки. Это объясняется близостью Румынии с ее двусмысленным поведением, необходимостью в связи с этим обеспечить правый — южный — фланг австрийского фронта, важностью перевалов через Карпаты, находившихся позади этого участка фронта, а также желанием удержать в своих руках г. Черновиц.

Какова была организация соединений 7-й австро-венгерской армии, выявить трудно. Вряд ли представляли

---

[1] 42-я гонв. дивизия была укомплектована сербами и хорватами. 5-я дивизия — немцами, поляками и чехами, а 24-я дивизия—русинами и поляками.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ее ясно и сами австрийцы—настолько сложен, разнообразен и непостоянен был ее состав. Во всяком случае австрийские источники, даже официальные, об этом ничего не говорят; судя же по разведывательным данным, находившимся в распоряжении русских [1], в дивизии было по 3—4 полка, имевших от 10 до 14 батальонов. Каждый батальон насчитывал около 800 винтовок и 4 пулемета. Орудий в 7-й австро-венгерской армии было около 500—600, из них около 100—150 тяжелых. Снаряды имелись в достаточном количестве. Ощущался недостаток лишь в гаубичных снарядах [2]. Станциями снабжения армии были Юркоуц и Садагура.

Район предстоящих действий. Позиции обеих сторон

Наступательные действия 9-й русской армии должны были разыграться в Буковине и в южной части Галиции.

Буковина — горная область, имеющая протяжение с севера на юг в среднем около 100 *км*, а с востока на запад — до 80 *км*; ныне входит в состав Румынии. На севере, западе и частично на востоке Буковина граничит с Польшей (с Галицией). При этом северная, а частью восточная границы Буковины идут по Днестру на протяжении около 35 *км*. На востоке Буковина граничит с Бессарабией (в 20—35 *км* от территории СССР).

---

[1] Боевое расписание австро-венгерской армии — изд. штаба юго-западного фронта 1916 г. и разведсводки штабов армий, корпусов и дивизий. В состав каждой пехотной дивизии, как правило, входили: полевой пушечный полк — 4—5 батарей по шесть 8-*см* пушек, полевой гаубичный полк — 4 батареи по четыре-шесть 10-*см* гаубиц и полевой тяжелый арт. полк — 2 батареи по две 10,4-*см* пушки обр. 1915 г. Все эти полки составляли арт. бригаду, в которой, следовательно, было 56—70 орудий, из них 16 тяжелых. Кроме того, дивизиям, по мере надобности, придавались отдельные батареи различного калибра, но не все дивизии имели арт. бригаду подобного состава, например 42-я гонв. дивизия имела 6 легких пушечных и 2 легких гаубичных батарей. Сборные же группы имели орудий еще меньше. Кавалерийские дивизии имели по 16 пушек, не считая приданной некоторым из них мелкокалиберной артиллерии (четыре 37-*мм* пушки обр. 1915 г.)

[2] „Österreich-Ungarns letzter Krieg", 4-й том, стр. 419.

Буковина и Галиция, входившие в состав Австро-Венгрии, раскинуты на восточных отрогах Лесистых Карпат, постепенно, а иногда круто снижающихся к юго востоку. Это давало австро-венгерцам возможность при их отходе на запад занимать оборонительные рубежи, командовавшие над расположением русских. Самый хребет Лесистых Карпат суров, средняя высота его доходит до 1 340 *м*. Этот покрытый лесами хребет и его отроги, особенно в Буковине, стесняли и замедляли наступательные действия русских войск. Хребет являлся для Венгрии сильной оборонительной линией, особенно в центральной, наиболее дикой, части. Преодоление его вне перевалов для крупных войсковых соединений невозможно.

Район изобилует реками. Берущие свое начало преимущественно в Карпатах, они имеют более или менее горный характер. В начале июня, по спаде весенних вод, они обычно не представляют особых затруднений для наступательных действий крупных войсковых соединений, за исключением Днестра. Но как раз в июне 1916 г. большие дожди вызвали повторение половодья. Реки стали много шире и глубже, а течение их быстрее, что имело неблагоприятное влияние на скорость продвижения 9-й армии.

Самая большая река района — Днестр, входившая в расположение 9-й армии у Латач. До Колодрубка эта армия владела лишь левым его берегом. От Колодрубка и почти до Онут одна русская дивизия занимала плацдарм на правом его берегу. И, наконец, от Онут к югу Днестр уже обоими берегами входил в район армии. Прорезав его, он уходил в пределы России. При средней ширине в 100—120 *м*, глубине до 2—3 *м*, при крутых и высоких берегах, Днестр являлся серьезным препятствием при наступлении правого крыла армии.

Важное значение для армии имела р. Прут, приток Дуная, преграждавшая пути в Венгрию и Буковину. При продвижении 9-й армии на юго-запад и при направлении австро-румынской границы восточнее г. Черновиц на юг, части армии не могли избегнуть необходимости форсирования Прута. Протекая по району

от Коломыя до Новоселица, Прут в июне обычно имеет ширину 30—40 *м* при глубине до Снятын до $1^1/_2$—2 *м*, а далее к югу иногда до 3 *м*, при наличии нескольких бродов и довольно большого числа мостовых переправ. Течение реки быстрое — до 1 *м* в секунду. При подходе русских к Пруту он от дождей сильно вздулся. Ширина его дошла до 50—70 *м*. Все броды ниже г. Снятын закрылись. На всем протяжении от Коломыя до Новоселица южный берег командует над северным, на некоторых участках значительно.

Другой левый приток Дуная — р. Серет, протекает по району своим верхним течением. Как Серет, так и притоки его и Прута большого значения не имеют. Но форсирование их для русских было трудно, так как неприятельский — правый — берег всегда командует над левым.

Почва района известково-глинистая. Верхний слой ее покрыт тонким, а в северо-восточной части толстым слоем чернозема. Даже небольшой дождь обращал все не-горные грунтовые пути и окопы в густую, непролазную грязь[1]. Наличие такого грунта требовало большого труда для поддержания в порядке дорог и соответствующего оборудования окопов и ходов сообщения.

Лесами покрыты не только Лесистые Карпаты, но и их отроги до линии Станиславов, Коломыя, Черновиц, Гура-Гумора. Дороги, прорезая леса, часто представляют собой длинные лесные теснины. Это позволяло австро-венгерцам задерживать русских относительно малыми силами, что также тормозило развитие успеха наступления.

Путями сообщения район богат только восточнее линии Надворна, Куты, Гура-Гумора.

---

[1] Ком. 3-й роты 126-го полка 17 мая доносил, что его рота залита водой, занесена грязью, отрезана от тыла, люди за обедом не идут, все винтовки залеплены грязью, ничего нет сухого (В. И. А., Д. 13—311, стр. 13). В такой грязи обувь быстро портилась, отваливались подметки. Нередко из грязи нельзя было вытащить сапоги.

Артиллерия 11-й пех. дивизии при отходе в марте 1916 г. в резерв из района Бойян в район севернее ст. Мамалыга 24 *км* шла 24 часа.

В исходном положении 9-я русская армия имела две железнодорожные линии: от Проскуров на Каменец-Подольск и от Окница на Новоселица. При дальнейшем продвижении армии на запад железнодорожными участками военных дорог могли служить: продолжение последней железнодорожной линии на Черновиц, Коломыя, Делатынь, Мармарош-Сигет с ответвлением от Коломыя на Станиславов и далее на северо-запад и одноколейный путь от Черновиц на юг, на Кимполунг, Дорна-Ватра. Железнодорожный путь Окница — Новоселица, Черновиц, Коломыя, Делатынь был хорошо оборудован и частью обладал, а частью мог обладать большой пропускной способностью — до 20 пар поездов. Но к началу операции участок, прилегающий к позициям от Новоселица до Черновиц, был полуразрушен и не эксплоатировался. Путь, идущий от Черновиц на Дорна-Ватра, был оборудован много слабее. Из вышесказанного видно, что в исходном положении каждый из противников мог пользоваться двумя сквозными железнодорожными линиями, не считая ответвлений местного значения, в большинстве тупиковых, из которых важен был лишь двухколейный участок Коломыя, Залещики. Это показывает, что русские при своем продвижении на запад и юг могли организовать подвоз снабжения, но для этого необходимо было быстрое восстановление участков, разрушенных как до начала операции (например, Новоселица — Черновиц), так и во время ее при отступлении австро-венгерцев. При этом надо было подготовиться к перешивке европейской колеи на русскую, если бы не удалось захватить у противника достаточного подвижного состава.

Для австро-венгерцев в их исходном положении имел большое значение рокадный путь от ст. Лужаны до ст. Залещики, проходивший в непосредственной близости фронта, но вне сферы огня русской артиллерии, широко использованный ими для снабжения 7-й армии, и ветка от него (от ст. Веренчанка) к ст. Окна.

К расположению частей 9-й русской армии севернее Днестра от бывшей русско-австрийской границы под-

ходили два шоссе небольшого протяжения и магистральное шоссе от Проскуров на Каменец-Подольск, Жванец, Мельница. К югу от Днестра одно шоссе шло от м. Жванец, где был свайный мост через Днестр[1], и далее до Шиловцы, а другое шло от Липканы до Новоселица и далее на Бойян и Черновиц.

При продвижении на запад 9-я русская армия в отношении возможности использования шоссе попадала в лучшие условия. К г. Черновиц с севера шли три шоссе магистрального типа: одно через Залещики, другое от д. Колодрубка через Окна вдоль линии фронта и третье от Доброноуц. От Черновиц на запад и на юг шли также три шоссе (магистрального типа) — на Коломыя, Делатынь и через Карпаты в Венгрию, затем через Сторожинец на Гура-Гумора и третье — вдоль бывшей австро-румынской границы, на Сучава. Третье шоссе у Гура-Гумора сливается со вторым и через Кимполунг идет в Венгрию, разветвляясь у Якобени. Следовательно, г. Черновиц, административный, торговый и культурный центр Буковины, в то же время являлся узлом шоссе и важнейших железнодорожных линий района. Вдоль главного хребта Лесистых Карпат идет шоссе от г. Станиславов через Коломыя на Куты и Сторожинец, и кроме того, имеется шоссе от Залещики на Станиславов и довольно много коротких ответвлений от магистральных шоссе по разным направлениям.

Все эти шоссе при ширине в 6—8 *м* содержались всегда в хорошем порядке. Поэтому при подготовке к операции и во время ее они в значительной степени могли облегчить действия войск и подвоз к ним снабжения.

Для поддержания в проезжем состоянии грунтовых дорог командование и отчасти местное население проявляли много забот, но часто тщетно. Дожди и беспрестанное движение по ним войск и многочислен-

[1] Другой временный мост через Днестр был построен западнее у Ольховец. Но этот мост допускал движение только в одну сторону и был настолько расшатан, что стал ненадежным. 3 июня было отдано распоряжение рядом с этим мостом с наступлением темноты навести понтонный мост.

ных транспортов быстро приводили их в печальный вид. Это причиняло много хлопот русскому командованию и заставило управление военных сообщений армии при подготовке операции и во время ее хода приложить все силы и средства для укрепления их полотна, с тем чтобы дожди и движение не отразились гибельно на подвозе снабжения продвигающимся вперед войскам.

Многонациональное население района, преимущественно русины и румыны (последних в Буковине было 34%), живет большей частью в городах и крупных поселках. На 1 *кв. км* приходилось 77 жителей. Чем ближе к Лесистым Карпатам, тем населенных пунктов меньше. Такое размещение населения не всегда позволяло надеяться на расположение войск по квартирам. Но ведение операции летом, а также наличие в районе большого числа богатых имений и фольварков давало основание надеяться, что войска будут в состоянии размещаться на отдых в относительно благоприятных условиях. Население района до 76% крестьянское и до войны в общем зажиточное, к лету 1916 г. сильно обеднело. Рассчитывать на местные средства 9-я армия не могла, тем более что операция предпринималась в начале лета, когда хлебные и фуражные запасы обычно иссякают. Промышленного пролетариата почти не было. Видя свое непрекращающееся разорение, местное население, утомленное войной, желало только мира. Прежнее пребывание русских в Южной Галиции и Буковине оставило у него довольно тяжелое впечатление; нередки были случаи реквизиций, мародерства и насилий. Поэтому можно было ожидать эвакуации населения при приближении русских, как это и случилось в действительности. Но в прошлом каких-либо враждебных действий против русских местные жители не предпринимали. Поэтому не было нужды в отвлечении сил для охраны тыла.

Климат района умеренно теплый, здоровый, вполне благоприятный для действия крупных войсковых соединений в мае, июне, июле.

В общем 9-я русская армия могла считать, что подготовка операции и затем продвижение ее на запад

не встретит серьезных затруднений вплоть до линии Надворна, Куты, Кимполунг, находившейся в 80—100 *км* по воздуху от исходного положения армии, при условии быстрого восстановления железных дорог и поддержания остальных путей в надлежащем порядке.

Позиции 9-й русской армии находились в 300—1 000 *м* от австро-венгерских передовых окопов. Позиции русских состояли из трех-четырех линий окопов. Первая линия, расположенная в общем невыгодно по отношению к расположению австро-венгерцев, шла непрерывной ломаной линией. Последующие линии были прерывчатыми, но тактически располагались более удачно.

Глубина окопов доходила до $2^1/_2$ *м*, ширина — до $1^1/_2$ *м*. В окопах имелось большое число траверсов. Насыпь была невысокая, местами замаскированная. В насыпи имелись бойницы, в большинстве прикрытые козырьками. Между первой и второй линиями, а иногда и в первой линии были устроены убежища для защиты от артиллерийского огня и отдыха стрелков. Перед первой линией окопов имелись проволочные заграждения в две и даже три полосы по 4—6 рядов каждая. Пулеметы помещались или в первой линии окопов, или в особых гнездах, вынесенных несколько вперед. Линии окопов были соединены довольно многочисленными ходами сообщения, в большинстве не приспособленными к обороне, но достаточно глубокими (до 2,5 *м*) для движения по ним пехоты укрыто от взоров противника.

Вся эта укрепленная полоса, и без того оборудованная мало удовлетворительно, во всяком случае хуже, чем австро-венгерская, весной 1916 г. производила неблагоприятное впечатление. Таяние снега разрушило окопы, козырьки и даже проволочные заграждения. Глинистая почва долго не просыхала. В связи с большими участками, занимавшимися дивизиями, которые при таком условии не могли успешно восстанавливать разрушенное, эта полоса не могла считаться хорошим и удобным исходным положением для плотного боевого порядка, предназначенного для атаки.

Австро-венгерская позиция, первый ряд окопов которой был расположен на командующих по отношению к русским возвышенностях, была оборудована на основании опыта, приобретенного немцами на французском театре военных действий. Позиция обычно состояла из трех почти непрерывных линий окопов. Особенно заботливо была укреплена и оборудована первая линия их. Местные предметы, имевшие более или менее важное тактическое значение, были обращены в сильные опорные пункты, значительно лучше укрепленные, чем промежутки между ними. Эти опорные пункты составляли остов обороны данного участка и фланкировали промежутки до соседних столь же основательно укрепленных узлов. Таким образом, даже после потери связующих их окопов первой и даже второй линий, отступавшие могли оправиться под прикрытием флангового огня с двух сторон, чтобы затем перейти в контратаку и выбить противника, ворвавшегося в их расположение. Одними из важнейших опорных пунктов являлись г. Залещики и высоты 272 и 458, находившиеся южнее Днестра. Вторая линия окопов располагалась за первой в 70—100 *м*, а третья в 300—400 *м*. Таким образом, глубина оборонительной полосы не превышала 500 *м*. Глубина окопов первой линии не превосходила 2 *м*. Вторая линия окопов местами имела двухъярусную оборону. Перед первой линией окопов были обычно 2—3 полосы проволочных заграждений по 4—15 рядов, местами усиленных засекой или пропущенным электрическим током. Перед проволочными заграждениями иногда имелись окопы для полевых караулов, которые в свою очередь были защищены проволочными заграждениями. Полевые караулы имели сообщение с первой линией окопов по ходам сообщения под проволокой. Все ходы сообщения, приспособленные к обороне и окаймленные проволочными заграждениями, образовывали в то же время отсеки, которые могли задержать распространение русских, ворвавшихся в соседние участки.

Центр тяжести обороны лежал в удержании первой линии окопов — переднего края оборонительной по-

лосы. Подступы к нему обстреливались всеми огневыми средствами. Во всех исходящих и входящих углах ее были расположены тщательно замаскированные станковые пулеметы в гнездах, обеспечивающих их от русского артиллерийского огня. Особенно сильно первая линия занималась с наступлением темноты. На день боевой порядок первого эшелона сильно разрежался, так как части отводились на отдых во вторую и третью линии. Во второй линии окопов были устроены прочные убежища. В третьей, помимо расположения частных резервов — по существу вторых эшелонов батальонов, а иногда полков, находились безопасные и хорошо замаскированные помещения командного состава и штабов.

Таким образом, эшелонирования обороны в глубину австро-венгерцы тогда почти не применяли. Подвергая все свои части первого эшелона ужасам артиллерийской подготовки, а затем теряя первую, самую сильную линию окопов, они сразу же ставили себя в опасное положение, тем более что при лабиринте окопов производить частные контратаки было трудно. Некоторой гарантией и страховкой на случай неудачи являлись сильные опорные пункты. Устройство австро-венгерской позиции в деталях стало известно русским только после занятия ее. Но наиболее существенные черты ее были известны еще до начала операции, благодаря атакам в декабре 1915 г. и в январе 1916 г., авиаразведке, показаниям пленных и работе разведывательных партий всех родов войск.

Позади первой оборонительной полосы австро-венгерцев находился целый ряд вчерне подготовленных тыловых позиций. Позиции, расположенные глубоко в тылу, были обозначены только на картах штабов. Обычно они состояли из одной, часто несплошной, линии окопов с одним или несколькими рядами проволочных заграждений. Особенно важное значение для русских при их продвижении на запад на участке южнее Днестра имела позиция Синькув, Окна, Юркоуц, Кучурмик и далее к югу, находившаяся в 4—6 *км* позади основной позиции австро-венгерцев с довольно сильными опорными пунктами Окна и Кучурмик.

Таким образом, австро-венгерское расположение было очень сильным. К тому же 7-я австро-венгерская армия имела преимущество в охватывающем базировании на северо-запад, запад и юго-запад. Для прорыва фронта австро-венгерцев русским следовало выбрать широкий участок, включавший по крайней мере два соседних опорных пункта. Для того же, чтоб русская пехота могла выйти из своих окопов, дойти до австро-венгерских, и прогрызть всю оборонительную зону австро-венгерцев необходимо было иметь много сил и средств. Особенно сложная задача выпадала на русскую артиллерию. Она должна была во время артиллерийской подготовки одновременно пробивать проходы в неприятельских проволочных заграждениях, нейтрализовать огневые средства противника и подавлять оборону его в отсеках, а также во второй и третьей линиях окопов.

Выбор участка для прорыва

Наступление севернее Днестра теми небольшими силами, которыми располагала 9-я армия, не могло обещать крупных оперативных успехов. К тому же русским пришлось бы в этом случае форсировать Днестр и считаться с сильными предмостными позициями противника у г. Залещики. С другой стороны, оборона русскими этого участка облегчалась наличием отличных естественных позиций по восточным берегам левых притоков Днестра, частью усиленных фортификационными сооружениями.

Наступление к югу от Днестра в оперативном смысле было более выгодно. Даже небольшое продвижение на запад, — на значительное рассчитывать нельзя было, — приводило к захвату важного узла путей — г. Черновиц и к угрозе Венгрии. Успех здесь, непосредственно у границ Румынии, и захват русскими территории, частично населенной румынами, мог произвести на Румынию большее впечатление. К тому же в этом районе располагался правый фланг всего неприятельского фронта. Поэтому можно было предполагать, что наступление здесь, даже накоротке, отвле-

чет внимание и силы австро-венгерцев от направления главного удара русского юго-западного фронта.

При направлении главного удара 9-й армии южнее р. Днестр правый, северный, фланг армии на некотором расстоянии мог прикрываться р. Днестр, а левый — румынской границей. Подвоз снабжения для наступавших войск обеспечивался наличием двух железных дорог — Проскуров — Каменец-Подольск и Могилев — Новоселица, а также двумя шоссе: Липканы — Новоселица, и Каменец-Подольск — Шиловцы.

Развивать наступление далеко вглубь неприятельского расположения не предполагалось, так как наступление предпринималось частное, с ограниченной целью отвлечь внимание и силы с ковельского и косвенно с виленского направлений.

На самом крайнем южном фланге восточнее Черновиц противник располагался плотнее. Его позиции в этом районе были сильнее также и по природным условиям. При наступлении 9-й армии на этом участке ей пришлось бы тотчас же форсировать или р. Гукеу, или р. Прут.

Поэтому наиболее благоприятным для атаки оказывался участок в 15 — 16 *км*, прилегавший к Днестру. Но совершить прорыв на таком фронте с имевшимися средствами было трудно, хотя ген. Брусилов и указывал, что фронт главного удара армии не должен быть меньше 15 —20 *км*, дабы части, атакующие в центре, не могли простреливаться с флангов действительным артиллерийским огнем. Для прорыва приходилось наметить небольшой участок с тем, чтобы наличная артиллерия была в состоянии расчистить путь своей пехоте, а последняя имела бы возможность использовать результаты работы своей артиллерии.

В выборе участка для прорыва принимали участие командование армии, командиры 11-го, 41-го и 12-го корпусов, начальники армейских управлений, начальники артиллерии корпусов и т. д. В результате весьма тщательной разведки было решено, что 11-й корпус атакует австро-венгерцев западнее Баламутовка и Ржавинцы. Здесь неприятельская позиция располагалась на высотах 272 и 458, командующих над всей окружающей

местностью, с довольно пологими скатами во все стороны. Расстояние между наивысшими точками этих высот — 8 *км.* Австро-венгерская позиция на этом участке, очень сильная по своим природным свойствам, была укреплена особенно тщательно. Ближайший тыл противника с русских наблюдательных пунктов можно было наблюдать лишь в промежутке между обеими упомянутыми высотами. Что делалось в тылу остальных участков неприятельского расположения, видно не было. Это делало невозможным нейтрализацию второй и третьей линий окопов неприятельской укрепленной полосы с исходных позиций русских батарей. Впоследствии, по овладении первой линией окопов, поддержка русской артиллерией пехоты во время неизбежных контратак противника становилась затруднительной. Через указанный промежуток в более глубоком тылу астро-венгерцев виднелся остов их тыловой позиции.

Но зато для русских являлась благоприятной занимаемая ими местность к востоку от упомянутых высот, т. е. исходное положение для атаки. Холмы, разрушенные деревни Баламутовка и Ржавинцы, рощи и кусты давали возможность скрыто подготовиться к атаке. Район изобиловал относительно хорошими наблюдательными пунктами и отличными артиллерийскими позициями.

Не было никакого сомнения в том, что заметный успех мог быть возможен лишь при атаке обеих высот и промежутка между ними. Местные условия благоприятствовали бы закреплению русских частей на этих высотах. По захвате выс. 458 русские могли обстреливаться только с северо-запада, так как в лесу западнее и юго-западнее ее австро-венгерцы артиллерийских позиций почти не имели; открытая же местность западнее выс. 272 затрудняла организацию австро-венгерских контратак. Но эти благоприятные для русских свойства высот могли бы быть лишь использованы в том случае, если бы они были взяты русскими войсками одновременно. При взятии только одной из этих высот австро-венгерцы могли сосредоточить по ней перекрестный огонь, и положение ворвавшихся,

лишенных солидной артиллерийской поддержки, стало бы тяжелым.

При обстреле промежутка между высотами 272 и 458 можно было использовать фланговый огонь, так как здесь австро-венгерское расположение делало выступ на восток. Но захват русскими только одного этого промежутка поставил бы их в тяжелые условия. Атакующие в этом случае вплотную подошли бы ко второй укрепленной полосе противника, которую разрушить заблаговременно нельзя было; переезд вперед артиллерии был невозможен; контратаки свежих австрийских сил во фланг продвинувшихся русских из укрытого района к югу от линии Доброноуц, Юркоуц были неизбежны. Не только о развитии успеха, но и о закреплении за собой седловины между этими высотами, без взятия затем их обеих, не могло быть и речи. Сил же для одновременной атаки высот 272 и 458 и промежутка между ними было недостаточно. Казалось, задача была неразрешима. И действительно, вспоминая все предшествовавшие неудачи, высшие войсковые начальники опасались брать на себя ответственность за выбор участка для прорыва.

При этих обстоятельствах командир 11-го корпуса созывает в конце апреля ряд совещаний в Блищадь. Там разместились штабы 11-й и 32-й пех. дивизий в бараках — домиках, построенных войсками. На этих совещаниях присутствовали начальники дивизий, начальники штабов дивизий, артиллерийские начальники, инженеры. Принимая во внимание, главным образом, силы, предоставленные для наступления ген. Лечицким, всего три пехотные дивизии с 211 орудиями, из которых 35 тяжелых, с относительно достаточным числом снарядов, пришли к решению—главный удар направить в промежуток между командующими высотами 272 и 458, от отметки 266 до отметки 218 на фронте в 3 $^1/_2$ *км*, ясно представляя все отрицательные стороны такого решения и возможные неблагоприятные его последствия. По овладении этим участком предполагалось атаковать затем высоты 272 и 458 одновременно с фронта и со стороны промежутка между ними, а выс. 272, кроме того, и с севера при помощи 3-й Заамурской диви-

зии 41-го корпуса, которая должна была наступать севернее на Окна. На успех атаки такого невыгодного участка в связи с малыми силами, предоставленными для этой цели[1], в среде старших начальников смотрели пессимистически. К такому же мнению постепенно склонилась часть и тех начальников, которые сначала как будто верили в успех. В конце концов и сам ген. Лечицкий, часто навещавший корпус, признался, что и он перестал надеяться на удачу. Такой почти общий пессимизм возник отчасти под впечатлением неудач в декабре 1915 г. и январе 1916 г., вызвавших неверие в свои силы и страх будущих поражений. Утешением являлось лишь то, что 9-я армия выполняла задачу второстепенного характера. Однако, несмотря на отсутствие веры в успех, все начальники принялись за работу добросовестно и энергично [2]. При виде успешных результатов подготовки операции и пессимизм как будто начал исчезать.

Что касается участка для прорыва, который предполагалось совершить на фронте 3-й Заамурской дивизии, то на этом второстепенном направлении никаких затруднений при выборе направления главного удара не возникло. Решено было атаковать участок

---

[1] Брусилов предлагал прорывать фронт в 15 *км* пятью дивизиями, т. е. на метр фронта прорыва иметь $3^1/_2$ винтовки.

[2] Около середины мая, когда подготовка к операции близилась к концу, нач. штаба 19-й пех. дивизии Неймирок, не будучи осведомленным о мотивах принятия решения атаковать только промежуток между высотами 272 и 458, а не эти обе высоты с промежутком, подал по начальству рапорт. В этом рапорте Неймирок, оценивая местность, говорил, что наши войска по взятии неприятельской укрепленной полосы в промежутке между высотами попадут в ловушку и что катастрофа неизбежна. Начальник 19-й дивизии Нечволодов в настойчивой форме поддержал мнение Неймирок (В. И. А., Д. 151—809). Это заявление произвело тягостное впечатление на командование 11-го корпуса. Командир корпуса тотчас же созвал совещание начальников дивизий, их начальников штабов и высший командный состав для обсуждения создавшегося положения. На совещание был вызван и ген.-квартирмейстер армии. Последний высказал удивление и негодование и заявил, что об отмене атаки или об изменении участка прорыва не может быть и речи, в особенности принимая во внимание, что подготовка уже закончена и что назначение дня атаки ожидается с минуты на минуту.

австро-венгерской позиции, прилегающий к Молочной ферме: он был укреплен слабее прочих и прикрывался более слабыми проволочными заграждениями [1].

План действий 9-й русской армии (схема 4)

2 июня в 18 ч. 3 м. ген. Лечицкий отдал приказ о наступлении [2]. 11-й и 12-й корпуса, нанося удар южнее Днестра [3], должны были „прорвать укрепленную позицию на фронте Миткеу, Онут, Доброноуц с целью овладеть высотами Дорошоуц, Юркоуц, Хорошоуц, корчма Коцюба". Корпусам армии ставились такие частные задачи: „11-му корпусу с приданной ему тяжелой артиллерией, дивизионом 12-й арт. бригады, 19-й пех. и 1-й Донской казачьей дивизиями 4 июня [4] атаковать неприятеля, прорвать его укрепленную позицию на фронте высота 266 с крестом, что севернее кордона П., выс. 218, что 2 *км* к югу, и овладеть высотами на фронте Похорлоуц, Доброноуц; развивать успех в общем направлении на Юркоуц, правым флангом содействовать атаке 41-го корпуса; при успехе самым решительным образом использовать приданную корпусу конницу, выбросив ее в общем направлении на Дорошоуц для захвата и разрушения находящихся там мостов через Днестр".

В то же время остальные корпуса армии должны были: 41-й корпус (3-я Заамурская дивизия и 2 полка 74-й пех. дивизии) прорвать укрепленную позицию на фронте Миткеу, Онут и, овладев хребтом на линии высот 231 и 238, развивать успех в общем направлении на Окна; 33 й корпус—атаковать противника на участке по усмотрению командира корпуса и, в случае успеха атаки 41-го корпуса и отхода противника, решительно его преследовать; сводный корпус — содействовать наступлению 11-го корпуса решительными действиями своего правого фланга; 3-й кон. корпус— удерживать занимавшиеся им позиции.

---

[1] В. И. А., Д. 69—397.
[2] В. И. А., Д. 66—625, стр. 508.
[3] Надо понимать — главный удар.
[4] В приказе сказано „22 мая" — по старому стилю.

В резерве командующего армией оставались: бригада 74-й пех. дивизии в Кшивце и 1-я бригада 12-й пехотной дивизии в районе Динауцы, а в резерве главнокомандующего — 2-я бригада 12-й пех. дивизии с дивизионом артиллерии в районе Должок.

Этот приказ, подписанный ген. Лечицким 2 июня, т. е. за два дня до начала операции, имел лишь формальное значение, так как его содержание в общих чертах было известно исполнителям еще в апреле, когда и было приступлено к подготовке операции.

Новым, неизвестным до 2 июня указанием являлся лишь срок начала операции.

В соответствии с приказом Лечицкого командиры 11-го и 41-го корпусов отдали свои распоряжения, согласно которым в первом эшелоне этих корпусов должны были быть 3-я Заамурская, 11-я и 32-я пех. дивизии. Первая должна была атаковать на фронте Миткеу, Онут, а 11-я и 32-я дивизии — участок между отметками 266 и 218, с тем чтобы в дальнейшем, расходясь на север и на юг, на корчму Коцюба, обтекать эти высоты, выходя им в тыл.

III

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ

Русские

Неудача наступления 11-го корпуса восточнее Черновиц в декабре 1915 г. и в январе 1916 г. побудила командиров войсковых соединений, на которых была возложена новая наступательная задача, заняться изучением причин, вызвавших тогда приостановку атаки перед неприятельскими проволочными заграждениями. Вместе с тем надлежало изучить и учесть опыт атаки укрепленной полосы во Франции. Этому способствовали указания Брусилова [1], изданные штабом верховного главнокомандующего инструкции и наставления французского и германского командований, а также и ознакомление с этим вопросом на месте, во Франции, ген. квартирмейстера штаба 9-й армии Келчевского.

Учтя причины упомянутых неудач и опыт предшествующих лет войны на французском и русском театрах военных действий, командиры войсковых соединений 9-й армии, в конце концов, пришли к следующим выводам: помимо выбора соответствующего участка для прорыва, необходимы тщательная разведка позиций противника, предварительное оборудование местности, скрытность подготовки операции, разработка плана атаки на месте совместно с исполнителями, искусное развертывание пехоты и артиллерии, забла-

[1] № 999 и 1039. Последнее от 6 апреля (В. И. А., Д. 55—825, стр. 126).

говременная постановка задач, внезапность атаки после мощной и умело организованной артиллерийской подготовки, достаточное снабжение войск огнеприпасами, предоставление до наступления отдыха войскам, которые за это время должны научиться атаковать укрепленные позиции, и, наконец, благоприятная погода. Вся подготовка к операции как в 11-м корпусе, так и в 3-й Заамурской дивизии собственно и сводилась к использованию приобретенного опыта.

Разведка

Тотчас же после окончательного выбора участка прорыва высшие начальники, офицеры генерального штаба, артиллеристы и инженеры тщательно рекогносцировали местность и противника, выбирали наблюдательные пункты, намечали цели, ставили на местности задачи пехоте и артиллерии, составляли планы устройства плацдарма и связи, обсуждали на месте вопросы организации тыла, постройки и ремонта дорог, мостов и пр. В результате этой разведки была начата огромная работа по подготовке операции.

В то же время во избежание непредвиденной встречи уже во время проведения операции с какими-либо неожиданностями в расположении противника, как то имело место в декабре 1915 г. и январе 1916 г., разведывательные партии под начальством офицеров каждую ночь предпринимали поиски, захватывали пленных. Пехотные и артиллерийские офицеры, а иногда и саперные из первой линии окопов тщательно изучали расположение противника. Каждая перемена в его расположении, новый окоп, вновь обнаруженный пулемет или бомбомет наносились на планы крупного масштаба, специально заготовленные штабом армии[1]. Эти данные дополнялись тщательным опросом пленных и перебежчиков. Существенную помощь при разведке расположения противника оказала и немногочисленная авиация. Ее фотоснимки и наземная разведка дали довольно ясную картину расположения австро-венгерцев и их фортификационных сооружений.

[1] 1 : 21 000, 1 : 42 000, а важнейших участков и 1 : 10 500.

Меры скрытности подготовки

Не говоря о мерах, принятых для маскировки всей подготовки предстоявшей операции, о чем речь будет ниже, весь начальствующий состав предпринимал все возможное для того, чтобы атака оказалась внезапной для противника. Увольнение офицеров и солдат в отпуск продолжалось. Последнее было прекращено только за неделю до атаки, но без объявления этого распоряжения в приказах. Письменных распоряжений почти не отдавалось. Все мероприятия по подготовке к операции разрабатывались и сообщались начальствующим лицам лично командиром корпуса и начальниками дивизий на совещаниях, которые созывались по два раза в неделю. Производить разведку крупными партиями начальствующих лиц запрещалось. 19-я дивизия, находившаяся тогда еще в армейском резерве, все время находилась в глубоком тылу, а для устройства убежищ она высылала вперед лишь рабочих, и то по ночам. Для ознакомления с расположением противника и с местностью ей было разрешено командировать только начальствующих лиц и разведчиков.

Организация артиллерийской подготовки

Артиллерия, предназначавшаяся для подготовки прорыва на главном направлении, состояла из 11-й, 32-й и 19-й арт. бригад [1], одного дивизиона, 12-й арт. бригады, 1-го Донского казачьего конно арт. дивизиона, 11-го и 12-го мортирных дивизионов [2], 8-го Сибирского горного дивизиона, двух дивизионов 4-й и 6-й тяжелых арт. бригад, двух осадных арт. дивизионов и одной батареи 3-й тяжелой арт. бригады. Всего в распоряжении командира корпуса имелись 40 батарей, включавших 138 легких и 14 горных пушек, 24 легких гаубицы, 8 тяжелых 152-*мм* гаубиц, 24 тяжелых 152-*мм* пушки и 3 пушки 107-*мм*, т. е. 211 орудий, из которых 35 тяжелых.

[1] В артиллерийской бригаде было 2 дивизиона по 3 батареи, в каждой батарее имелось 6 легких 76-*мм* пушек.

[2] Эти дивизионы были вооружены 122-*мм* гаубицами.

Организация артиллерийской подготовки была возложена формально на начальника артиллерии корпуса, а фактически — на его помощника, подполк. Кирея [1].

Все батареи избрали позиции в соответствии с возложенными на них задачами. Легкие пушечные батареи расположились в среднем в 2 *км* от первой линии окопов противника, а гаубичные и тяжелые не далее 3—4 *км*. Каждой батарее на время подготовки атаки был дан точный сектор обстрела, при этом стремились фланкировать атакуемые участки. Все цели были пронумерованы, и составлены перспективные чертежи неприятельского расположения. Копии этих чертежей были даны командирам батальонов и рот. О современных методах подготовки стрельбы на поражение тогда представления еще не имели, почему задолго до начала артиллерийской подготовки легкими пушечными батареями была произведена поочередно пристрелка. Каждое орудие было пристреляно отдельно, для чего участок каждой батареи был разделен на орудийные участки.

Из всего числа снарядов, отпущенных на пристрелку, была израсходована лишь незначительная их часть [2]. Тяжелые и гаубичные батареи должны были пристреляться в день атаки непосредственно до начала артиллерийской подготовки.

В каждом дивизионе одна легкая пушечная батарея в конце апреля произвела опыт разрушения гранатами австрийских проволочных заграждений. В этой опытной стрельбе приняли участие те батареи, которые стояли не далее 2 *км* от этих препятствий противника. Опыты показали, что при стрельбе на такую дистанцию, при наличии достаточного числа снарядов и про-

---

[1] Подполк. Кирей, офицер 32-й арт. бригады, за несколько лет до войны кончил два курса по 2-му разряду академии генерального штаба, автор ценной книги: „Артиллерия атаки и обороны. Выводы из применения артиллерии на руском фронте в 1914—1917 гг.", изданной ГВИЗ в 1926 г.

[2] Например, из 280 бомб или 380 гранат, отпущенных на каждое орудие средней группы, на пристрелку по окопам было израсходовано по 10 бомб или 10 гранат, а по проволочным заграждениям — по 30 гранат.

чих благоприятных условий, проделывание проходов в проволочных заграждениях больших затруднений не представит. Но так как пробитие таких проходов, так же как и разрушение окопов во время артиллерийской подготовки, возможно лишь при систематическом наблюдении за результатами артиллерийского огня и его корректировании, то для обучения этому делу от каждого пехотного полка были прикомандированы к артиллерии своей дивизии по 16, а от кавалерийского полка по 6 толковых солдат.

Особо серьезное внимание было обращено на установление связи между пехотой и артиллерией, между общевойсковыми начальниками, а также и артиллерийскими. В большинстве случаев было проложено по два провода[1]. Тем не менее телефон не в полной мере выполнил свою задачу. Вследствие индукции, шума от артиллерийского огня и включения в немногие центральные станции слишком большого числа абонентов говорить по телефону было трудно. Из других средств связи были применены лишь бегуны и ракеты, да и то в ограниченном числе. Голубей, собак, оптической связи не было. В артиллерии лучше всего была организована связь между наблюдательными пунктами командиров батарей и огневыми позициями батарей. Передовые артиллерийские наблюдатели, находившиеся в тех ротах и батальонах, которые предназначались для атаки участков, разрушаемых соответственной батареей, всегда имели запасный провод. На случай перерыва телефонной связи эти наблюдатели были снабжены для сигнализации красными и зелеными ракетами. Телефонные провода, связывавшие передовых артиллерийских наблюдателей с батареями, во избежание разрыва проводов при движении пехоты в атаку, были проложены в восьми специальных телефонных ходах сообщения.

---

[1] Для охранения телефонных линий от штабов полков к центральной станции штаба 11-й дивизии в Баламутовке были выставлены специальные караулы. О внимательном отношении к проводам, проложенным в ходах сообщения, среди пехотинцев была проведена разъяснительная кампания, в общем имевшая успех. Провода имели бирки для обозначения части, которой принадлежал провод.

Снарядов по тогдашним расчетам хватало на подготовку атаки в продолжение шести часов и на удержание в наших руках захваченной территории. В погребках на батареях было сложено на каждую легкую пушку в среднем по 300 гранат и 200 шрапнелей, на каждую легкую гаубицу и тяжелое орудие — по 250 бомб и 50 шрапнелей. Кроме того, до начала боя были пополнены передки и зарядные ящики.

Для немедленного выдвижения в случае успешного продвижения пехоты вперед были намечены в качестве батарей сопровождения[1], вся горная артиллерия, а в каждом легком, конном и мортирном дивизионах по 2 взвода[2]. Все эти орудия были готовы быстро взяться на передки и выехать в распоряжение командиров полков. Для переезда через ходы сообщения в окопы были заготовлены мостки и доски, сложенные в заранее избранных местах. В некоторых местах через окопы и ходы сообщения можно было переезжать по низу по аппарелям.

Инженерная подготовка

Инженерная подготовка атаки состояла в усовершенствовании занимаемой войсками позиции, устройстве перед нею плацдарма, сооружении блиндажей и лисьих нор для резервов, постройке дорог, мостов, гатей и в исправлении существующих, оборудовании командных и наблюдательных пунктов, маскировке и в заготовке необходимых материалов. Для введения австро-венгерцев в заблуждение инженерная подготовка атаки проводилась на всем фронте армии, но, естественно, с различной полнотой.

Усовершенствование позиции, занимаемой 11-м корпусом, заключалось в том, что вторая линия окопов, существовавшая до конца апреля в виде отрезков,

---

[1] Полковой артиллерии тогда не было. Батальонная артиллерия существовала в виде минометов, бомбометов и 37-*мм* пушек. Организация батальонной артиллерии была случайной. В дивизиях 11-го корпуса имелось несколько 37-*мм* пушек. В 1915 г. они с небольшим числом снарядов были отобраны у австрийцев.

[2] Во взводе было два орудия.

в начале мая получила вид сплошного окопа. Она находилась в среднем в 150 *м* от первой линии и была соединена с последней большим числом ходов сообщения, по два на роту через каждые 60—100 *м*. Все ходы сообщения были приспособлены для обороны. Они были выведены в тыл, где оканчивались в глубокой складке местности, в районе, не обстреливавшемся пулеметным огнем. На каждую роту, которая должна была принять участие в операции, было устроено по одному убежищу. Третья линия окопов, предназначавшаяся для размещения резервов перед атакой, была тщательно оборудована. Для содействия этим работам на двухнедельный срок — с 21 апреля до 8 мая — 11-му корпусу были приданы по 2 батальона от 12-й и 19-й дивизий.

Удаление первого ряда русских окопов от австро-венгерских, как указывалось выше, было слишком велико (300—1 000 *м*). Русской пехоте пришлось бы при этом условии после окончания артиллерийской подготовки долго наступать по сильно обстреливаемой местности. О возможности выдвижения батальонов первого эшелона дивизий на дистанцию атаки внезапно в ночь, предшествующую артиллерийской подготовке, или во время ее, что впоследствии проводилось немцами и французами, тогда не было и речи. Поэтому было необходимо заблаговременно приблизиться к австро-венгерскому расположению на 120—250 *м*, чтобы тотчас же по окончании артиллерийской подготовки броситься непосредственно из окопов на штурм.

Постепенное сближение с противником и устройство инженерного плацдарма, который должен был служить исходным положением для атаковавших войск, производилось каждую ночь, начиная с конца апреля. С наступлением темноты цепь стрелков внезапно выходила из ближайших к противнику окопов и совершала перебежку на заблаговременно, еще днем намеченную линию. Достигнув ее, цепь тотчас же зарывалась; одиночные окопы соединялись между собой и с находившимися позади окопами[1]. Обычно австро-венгерцы

[1] На некоторых участках, в частности в 3-й Заамурской дивизии, сближение совершалось сапой.

тотчас же по обнаружении при помощи прожекторов и осветительных ракет продвигавшихся вперед русских открывали по ним сильный огонь всех видов. Содействие артиллерии этому постепенному сближению русской пехоты с противником было ограниченным вследствие малого числа снарядов, отпущенных для этой цели, из опасения, что их нехватит на проведение самой операции. Поэтому русская пехота понесла в этот чрезвычайно тяжелый период подготовки значительные потери — по 2000 каждая из двух дивизий 11-го корпуса. Необходимо при этом отметить, что наибольшие потери несли не перебегавшие вперед части, а подразделения, остававшиеся позади в уже возведенных окопах плацдарма, очевидно, пристрелянных противником. В эти тягостные ночи передовые артиллерийские наблюдатели находились при командирах батальонов, от которых зависело указание целей и времени открытия и прекращения огня. Расход снарядов определял начальник артиллерии корпуса. Тяжелые орудия не стреляли во избежание обнаружения их присутствия.

В результате этих ночных действий впереди русских основных окопов против участка, избранного для прорыва, к 20 мая был возведен хорошо видимый австро-венгерцами плацдарм, где могли поместиться не две дивизии, как то указывалось командующим армией, а всего лишь 4 полка, по два 11-й и 32-й дивизий, в сомкнутом порядке [1]. Ближайшая к противнику параллель была прикрыта рогатками. На участке главного удара она отныне находилась в 100—150 *м* от неприятельских проволочных заграждений, а в прочих местах — в 600 *м*. Из ближайшей к австро-венгерцам параллели русские до 4 июня пытались разрушать проволочные заграждения противника бомбометами и ручными гранатами, но почти без результата. Для возведения заграждений перед плацдармом и для усиления основной оборонительной полосы требова-

[1] В „резервных батальонных колоннах": 2 роты батальона в первом эшелоне и 2—во втором; каждая рота во взводной колонне. В полку 2 батальона в первом эшелоне и 2 — во втором. Полк занимал по фронту в среднем около 900 *м*, а в глубину до 400—700 *м*.

лось много проволоки. Транспортных средств специально для этой цели выделить нельзя было; поэтому каждая повозка, подвозившая продовольствие или снаряды, брала в головном складе по одному мотку колючей проволоки и соответствующее число досок, кольев и пр. Все линии окопов плацдарма были соединены ходами сообщения с основным окопом, по четыре на каждый батальон; два из них предназначались для движения вперед, а два для выноса раненых и отправлявшихся назад [1].

Во избежание каких-либо недоразумений при занятии плацдарма непосредственно перед атакой, два раза были проведены ночные репетиции занятия его с фактическим вводом туда полков.

19-я дивизия, которая должна была перейти в корпусный резерв, построила для себя убежища восточнее основной позиции 11-го корпуса в районе Ржавинцы.

Острая нужда в воде вызвала необходимость постройки большего числа колодцев. Они строились гидротехническими отрядами, приданными для этой цели корпусу. Для устройства дорог и мостов корпусу были приданы 3 роты военно-дорожного отряда, 23-я отдельная саперная рота и одна рота ополчения [2]. Важнейшие дороги приходилось делать наподобие гатей, так как даже незначительный дождь прекращал сообщение по обычным грунтовым дорогам. Настил этих гатей делался настолько прочным, что по ним могла двигаться тяжелая артиллерия. Все эти работы принесли большую пользу при подвозе снабжения дивизиям.

Командные пункты общевойсковых начальников в общем были избраны удачно. Все работы по их оборудованию производились ночью. Командный пункт командира корпуса представлял собой целую квартиру,

---

[1] На всех перекрестках окопов и ходов сообщения были устроены указатели, сильно помогавшие сообщению в этом лабиринте, но они часто уничтожались солдатами для варки чая.

[2] Например, на участке 3-й Заамурской дивизии, находившейся на западном берегу Днестра, через эту реку, между деревнями Колодрубка и Самушин, были возведены 3 моста, 2 парома и был оборудован брод глубиной 1,5 *м*.

вполне обеспечивавшую штаб корпуса даже от 152-*мм* бомб.

В основной линии окопов были устроены на всякий случай склады рогаток, мостков, досок, ножниц, дымовых шашек и пр.

Маскировка была применена широко и искусно: все новые насыпи маскировались ветками или травой. Батареи были так хорошо замаскированы от воздушного и наземного наблюдения, что даже точно знающим места их позиций трудно было найти их. Было устроено много ложных батарей. Участки дорог, видимые противнику, были усажены деревьями так, чтобы можно было незаметно для противника совершать по ним движение и днем. Но все передвижения частей войск совершались исключительно ночью.

Для всех этих работ требовалось огромное инженерное имущество, преимущественно нештатное. На месте его, конечно, не было. Поэтому на станциях Мамалыга и Новоселица был создан корпусный склад нештатного инженерного имущества и строительных материалов.

Химическая подготовка заключалась в том, что в районе Чарны Поток в первой линии основных окопов были положены 9-й химической командой баллоны с удушливыми газами. На случай газовой атаки противника в основных окопах были заготовлены нефть, керосин, вода и материал для костров. В каждом полку были образованы особые команды под начальством офицеров, ознакомленных со всеми средствами противохимической обороны. Все бойцы имели противогазовые маски.

Обучение войск

Во время пребывания корпуса в армейском резерве, в марте, в районе севернее ст. Мамалыга, его дивизии, впрочем как и остальные дивизии армии, довольно усердно обучались прорыву оборонительной полосы в соответствии с приобретенным опытом и указаниями, данными ген. Брусиловым.

Сущность этих указаний заключалась в том, что артиллерия должна была массировать огонь. Целью ее действий было уничтожение проволочных загражде-

ний и окопов ближайших двух линий противника при пристрелке отдельно каждого орудия. При движении пехоты в атаку тяжелая артиллерия должна была перенести огонь на места скопления резервов, на неприятельские окопы, примыкавшие с флангов к атакуемому участку, и на третью линию окопов. Борьба с артиллерией противника в этот период возлагалась преимущественно на 107-*мм* пушки и на легкую пушечную артиллерию. Часть последней организовывала неподвижный заградительный огонь. По овладении первой и второй линиями неприятельских окопов вся легкая артиллерия и часть тяжелой выдвигались вперед.

Пехота должна атаковать тремя-четырьмя волнами цепей, за которыми следуют резервы. Атакующие волны следуют одна за другой в 150—200 шагах. Первая и вторая волны снабжаются ручными гранатами и приспособлениями для уничтожения проволочных заграждений; вторая волна заполняет бреши, образующиеся в первой волне, третья волна служит им ближайшей поддержкой, а четвертую волну образует резерв командиров полков. Резервы не должны отставать. Они должны оказывать содействие при отбитии контратак и закреплять за собой захваченное пространство. Передовые волны должны одним броском захватить две линии неприятельских окопов, прочно закрепиться на захваченных рубежах и приводить себя в порядок. Захват неприятельской артиллерии возлагался только на отдельные особо назначенные роты [1].

Мероприятия против контрподготовки противника

Помимо вышеуказанных мер, на случай перехода австро-венгерцев в предупредительное наступление

[1] Для нас такое указание (В. И. А., Д. 66—214, стр. 54 — приказ 12-й пех. див. № 81-1 от 9 июня 1916 г. и Д. 150—036, стр. 39) звучит странно. Оно объясняется крайним расстройством в предшествовавших боях пехоты, стремившейся овладеть главной массой артиллерии противника. Русская артиллерия не имела возможности подавить неприятельскую артиллерию, а вторые свежие эшелоны пехоты противника контратаками быстро останавливали продвижение расстроенных частей русской пехоты.

(приспособление ходов сообщения для обороны, усовершенствование основной позиции, ПХО и пр.), в работах по оборудованию и укреплению плацдарма и исходного положения принимали участие только по два батальона от каждого полка. Остальные были свежими, в полной боевой готовности и соответственно эшелонированными. Они должны были, в случае наступления противника, действовать активно, переходя в контратаку немедленно после проникновения противника в наше расположение, чтобы не дать ему устроиться и закрепиться. Артиллерия днем и ночью была готова поддержать пехоту своим огнем по требованию командиров полков.

Состояние людского запаса, вооружение и снабжение армии

Все пехотные дивизии были укомплектованы до штата — до 15 500 бойцов, в том числе 12 672 винтовки. Кроме того, в запасных частях дивизии[1] и в армии численность укомплектований для 11-го корпуса доходила, примерно, до 50% числа бойцов его. Хотя эта цифра была и велика, но опыт предшествовавших боев, когда в короткий срок части несли огромные потери, давал основания считать, что при затяжке операции этих укомплектований нехватит, что и случилось в действительности. Некомплекта в конском составе в дивизиях почти не было.

Винтовки (3-линейные обр. 1891 г.) в строевых частях, отсутствие которых так болезненно сказалось в 1915 г., имелись полностью. Но для нестроевых команд и всякого рода тыловых учреждений их нехватало. Тыловые части были вооружены австрийскими винтовками, захваченными в предшествовавших боях. Если для австрийских винтовок патронов было в изобилии, то для русских их имелось, как видно из прилагаемой таблицы, недостаточно, хотя надо сказать, что войска обычно их не берегли. При наступлении и отступлении

[1] В каждой пехотной дивизии находился запасный батальон в составе 6 рот по 250 чел. каждая. Этот батальон должен был развернуться в полк четырехбатальонного состава (В. И. А., Д. 266—649). Кроме того, в армию следовали 15 000 пополнений.

патроны бросались массами. Как бы то ни было, но при ежедневном расходе винтовочных патронов по всему русскому фронту летом 1916 г. в 3 500 000 шт. подвозились в день 3 000 000 [1]. Артиллерийских снарядов было дано армии много меньше, чем требовали командиры корпусов и дивизий, что видно из таблицы (стр. 47).

Таким образом, нехватало русских винтовочных патронов, нехватало около 200 000 гранат для легких орудий, 2 700 бомб для 152-*мм* гаубиц и около 10 000 бомб для 152-*мм* пушек. Шрапнелей для всех видов орудий, а также и остальных огнеприпасов имелся больший или меньший сверхкомплект. Но, как показала действительность, требования армии были несколько преувеличены — наличного запаса огнеприпасов хватило и для вполне успешного начала операции и для ее развития.

Продовольствие в армии в мае было поставлено хорошо. К началу операции все носимые и возимые запасы [2] имелись полностью. Кроме того, головные склады корпуса имели запасы хлеба, крупы и жиров на 12 суток, мяса в живом скоте и фуража на трое суток [3].

Санитарное состояние 9-й армии было вполне удовлетворительным, чему способствовали хорошо поста-

---

[1] Потребность всех русских армий в 3-линейных винтовках удовлетворялась на 50%. За весь 1916 г. на вооруженный фронт были посланы 2 700 000 русских и иностранных винтовок и 14 466 пулеметов. Ружейно-пулеметных патронов за весь 1916 г. военное министерство получило от русских заводов и из-за границы 2 600 000 000, в том числе 3-линейных 33% потребности (В. И. А., Д. 266—649 и Клембовский, Стратегический очерк войны 1914—1918 гг., стр. 56).

[2] В дивизии имелся дивизионный обоз с двухдневной дачей продовольствия, а в корпусе — корпусный продовольственный транспорт с двухдневной дачей и подвижная хлебопекарня.

[3] Кроме 74-й пех. дивизии, которая к этому времени имела скота лишь на одни сутки, и 3-го конного корпуса, который имел продовольствия на 8 суток и мяса в скоте на 9 суток. В 1916 г. ежемесячно русские сухопутные вооруженные силы на фронте требовали около 300 000 *т* муки и крупы, 100 000 *т* мяса, около 810 000 голов рогатого скота и 16 000 *т* жиров. Для доставки этого груза на фронт требовалось до 2 500 поездов.

		Патроны				Гранаты			Бомбы			
		винтовочные		пулеметные								
		русские	австрийские	русские	австрийские	русские	японские[1]	горные	122-*мм* гаубичн.	152-*мм* гаубичн.	152-*мм* пушечн.	107-*мм* пушечн.
Требовалось	На одну винт., на один пулем., на одно орудие	200	529	12 000	12 000	2 500	3 000	1 350	274	2 000	390	500
	Всего	30 000 000	—	5 700 000		300 000			5 200	6 000	17 000	500
К 2 июня состояли[2]	На одну винт., на один пулем., на одно орудие	143	более 529	12 000	12 000	895	1 015	457	396	1 105	170	566
	Всего	21 000 000	—	5 700 000		99 900			7 500	3 300	7 380	1 698

[1] Японские легкие пушки имелись на вооружении Заамурских и 103-й пех. дивизий.

[2] Расчет в основном сделан в штабе 9-й армии. Число орудий, из которого исходил штаб армии, несколько расходилось с тем числом, каковое было в действительности. На каждую легкую 76-*мм* пушку в батарее имелось 2 зарядных ящика, т. е. 212 снарядов. В парке, подчинявшемся начальнику артиллерии дивизии, находилось, кроме того, около 160 снарядов. Артиллерийских транспортов в дивизии, корпусе и армии не было. Во второй эшелон парков снаряды подвозились из головного склада армейскими транспортами.

вленное продовольствие войск, здоровый климат и постоянное пребывание людей на воздухе. Лечебные учреждения были в порядке. Эвакуация была налажена вполне хорошо[1].

Железные дороги от Проскуров до Каменец-Подольск и от Окница до Новоселица, предоставленные 9-й армии, справлялись с подвозом. Станциями снабжения армии являлись разрушенная ст. Новоселица, Мамалыга и Каменец-Подольск.

33-й и 41-й корпуса базировались на Каменец-Подольск, до которого было 50 *км*; 11-й и 12-й корпуса — на Каменец-Подольск и Мамалыга, до которых было также около 50 *км*; сводный и 3-й кон. корпус — на ст. Новоселица, находившуюся в 20—30 *км* от линии их фронта. Сколько было армейских транспортов, выяснить не удалось. Но известно, что и при таком относительно незначительном удалении линии фронта 11-го и 12-го корпусов от станций снабжения дивизионные, корпусные и армейские транспорты с трудом выполняли свои обязанности, конечно, отчасти вследствие того, что дороги были скверные, а подвоз чрезвычайно усиленный. При незначительном продвижении армии на запад в район, где никаких местных и перевозочных средств не было, можно было ожидать крупных осложнений, если не удастся станции снабжения немедленно перенести ближе к фронту.

Срок начала наступления

Вся подготовка к атаке должна была быть закончена к 11 мая, но дожди привели дороги в полное рас-

[1] В пехотной дивизии были дивизионный перевязочный отряд, 2 госпиталя и санитарно-дезинфекционный отряд, не считая отлично оборудованных и хорошо работавших санитарных учреждений общества Красного креста, Всероссийского земского союза и др. Например, при 11-й пех. дивизии, кроме штатных учреждений военного ведомства, постоянно были 12-й госпиталь Всероссийского земского союза, банно-прачечный отряд, гидротехнический отряд и на время операции был придан эвакуационный автомобильный отряд. В корпусе были 2 госпиталя, санитарно-гигиенический отряд, эвакуационные автомобильные отряды и много общественных лечебных учреждений.

стройство, подготовка затянулась. Начало наступления всех армий юго-западного фронта постепенно откладывалось. В конце концов, начало наступления на русском фронте было намечено на 15 июня.

Но прежде чем было достигнуто окончательное соглашение о дне начала наступления, из Рима последовали в ставку настойчивые призывы о помощи, о скорейшем наступлении. Еще 12 мая итальянский премьер, обеспокоенный подготовкой наступления австро-венгерцев из Южного Тироля против левого фланга итальянского расположения, обратился в Петроград с напоминанием об обещанном наступлении русских в конце мая. Успешное наступление 15 мая австро-венгерской армии против итальянцев заставило итальянскую дипломатию развернуть лихорадочную деятельность в Петрограде, чтобы побудить Россию скорее предпринять наступление против Австро-Венгрии. Итальянское правительство предприняло также шаги в Париже и в Лондоне, чтобы оттуда воздействовать в этом смысле на русское командование. 19 мая начальник итальянской военной миссии при ставке просил Алексеева о скорейшей помощи. Когда положение итальянцев в Ломбардии еще более осложнилось, 23 мая итальянское главное командование стало просить об этом непосредственно ставку через русского военного агента в Риме [1]. Италия грозила даже заключить сепаратный мир [2]. В результате всех этих настояний ставка 31 мая послала распоряжение начать наступление 4 июня [3]. 3 июня начальник штаба фронта ген. Клембовский телеграфировал командующим армиями от имени ген. Брусилова: „Настало время дать вновь врагу почувствовать нашу силу“ [4].

Австро-венгерцы

Австро-венгерское командование знало о постепенном приближении русских окопов к австро-венгерскому

[1] В. И. А., Д. № 887, стр. 14, 32, 56, 70, 92.
[2] „Монархия перед крушением“, стр. 248.
[3] Телеграммой Алексеева № 2 703.
[4] В. И. А., Д. 56—599, стр. 40.

расположению, об усиленной деятельности русских разведчиков, о наличии в тылу южного участка 9-й русской армии армейского корпуса и двух кавалерийских дивизий, о вводе в первую линию русских свежих полков[1].

Тем не менее австро-венгерцы спокойно относились к возможному наступлению русских. Австро-венгерское командование после неудачных наступлений русских в конце 1915 г. и в начале 1916 г. твердо верило в стойкость своих войск и в силу своих позиций[2]. Оно не допускало скорого начала русскими активных действий. По свидетельству лиц командного состава 7-й австро-венгерской армии, позже попавших в плен, они не могли получить ясного представления, где и когда будет предпринята атака, несмотря на непрерывное наблюдение за действиями русских, на густую сеть постов подслушивания и на внимательный допрос русских перебежчиков. Это было следствием умелой маскировки всей подготовки русских к операции и проведения этой подготовки с почти одинаковой интенсивностью на всем фронте от р. Припять до румынской границы.

Однако, большее оживление русских перед фронтом ген. Бенигни и слишком большое протяжение позиции 42-й гонведной дивизии в 13 *км* побудили ген. Пфлянцер-Балтина произвести перегруппировку, которая сводилась к сокращению участка 42-й гонведной дивизии, к усилению артиллерии, увеличению числа минометов, пулеметов, гранатометов в районе Миткеу, Доброноуц, к переброске части армейских резервов с юга и с севера в район к западу от участка Бенигни с передачей в его распоряжение части их.

Для переброски резервов в район атаки русских в Заставна был расположен автогрузовой парк, а на железнодорожной линии Черновиц—Городенка стояли готовые железнодорожные составы. Усовершенствовались старые и возводились новые фортификационные сооружения, частично средствами армейского резерва. Резервы готовились к нанесению контрудара русским.

[1] „Österreich-Ungarns letzter Krieg", стр. 368 и 369.
[2] Там же, стр. 419—420.

Разбор планов действий и подготовки обеих сторон

Силы и средства

Приказы Брусилова на наступление ограничивались указаниями овладеть укрепленными позициями противника. Какова дальнейшая цель действий армий, никто не знал. Это обстоятельство несомненно, повлияло на то, что при выборе армиями районов прорыва не учитывалась необходимость согласования действий ударных групп соседних армий.

В 9-й армии в среднем одна пехотная дивизия с 50 орудиями, из которых около 5 тяжелых, приходилась на 9 *км* линии фронта. Пехотные дивизии по числу батальонов и штыков были тогда сильными, но пулеметов они имели в 3—4 раза меньше, чем современные дивизии, не говоря уже о полном отсутствии в русских пехотных дивизиях танков, впрочем как и в армиях всех воевавших государств. Плотность боевого порядка русских была такова: на 1 *км* линии фронта приходилось менее, чем по 2 батальона, или почти по 1 700 винтовок, 5,5 орудий и по 5 пулеметов. Имевшееся число орудий для наступления, а на второстепенных участках для сковывания противника являлось слишком незначительным, особенно принимая во внимание бо́льшее число орудий у австро-венгерцев. Если учесть силу австро-венгерских позиций и по природным условиям, и по инженерному оборудованию, а также не меньшую, чем у русских, плотность австро-венгерского боевого порядка, то расчеты командования 9-й армии на прорыв расположения австро-венгерцев могут показаться несколько наивными. Силы обеих сторон были почти равными. У австро-венгерцев одна пехотная дивизия, но с 50—60 орудиями, из которых до 15 тяжелых, приходилась также на 9 *км* линии фронта, или на 1 *км* боевой линии приходилось 1,5 батальона — 1 200 винтовок, примерно, с 6 орудиями, из которых до полутора тяжелых, и с 5—6 пулеметами.

Если сравнить другие средства, которыми обладали обе эти армии, то вряд ли русские и в этом отноше-

ний имели какие-либо преимущества. В отношении же шоссе и железных дорог австро-венгерцы находились в несравненно лучших условиях, чем русские.

Их станции снабжения (Юркоуц, Садагура) подходили к линии фронта на предельно близкую дистанцию — 4—12 *км*. Подвоз грузов к войскам и эвакуация не встречали, в противоположность русским, никаких затруднений. В случае необходимости можно было относительно легко использовать железные дороги даже для железнодорожного маневра, правда, в малом масштабе. Местность в тылу австро-венгерского фронта благоприятствовала оборонительным действиям.

Следовательно, соотношение численности обоих противников и местность ни в какой мере не могли способствовать наступательным действиям 9-й армии. Предпринимая наступление, русское командование могло рассчитывать как будто только на особую доблесть своих войск, на опыт, приобретенный ими в предшествовавших боях, и на искусство командования. Но разве русские солдаты не хорошо сражались в декабре 1915 г. и январе 1916 г.? Между тем результат был самый плачевный [1]. А разве австро-венгерцы не приобрели также опыта?

Главным, на что командование русских могло рассчитывать, помимо личного опыта командного состава и морального состояния войск, являлось: тщательная подготовка операции, рациональное использование относительно ограниченных средств, умение поставить свои войска в наиболее благоприятную обстановку для ведения боя и, наконец, беззаботность и неосведомленность противника.

Удовлетворительное разрешение задачи прорыва находилось в сильной зависимости от выбора соот-

---

[1] Правда, русское командование в декабре 1915 г. и январе 1916 г. совершило ряд грубейших ошибок: не учло особенностей действий зимой, не приняло во внимание силы австро-венгерской укрепленной позиции, не дало атаковавшим дивизиям необходимой артиллерии и боевых припасов и пр. Тем не менее на некоторых участках русская пехота ворвалась в австро-венгерские окопы, и в этот момент австро-венгерцы должны были проявить много упорства, чтобы восстановить положение.

ветственного участка. Как видно из вышеизложенного, командование стремилось к прорыву на участке в 8 *км*, но не имело для этого средств, главным образом, артиллерии, в частности тяжелой. Наличие в этом случае 26 орудий, из которых только 4 тяжелых, на 1 *км* участка прорыва и тогда никак не могло считаться сколько-нибудь достаточным. Пехота, имевшаяся в относительно большем количестве, не могла помочь горю перед 20 рядами проволочных заграждений. Развертывание же на участке прорыва больших сил для армии, конечно, было непосильно. И без того 11-му корпусу, занимавшему участок протяжением около 13 *км*, т. е. 14% длины всего фронта армии, было дано 14 пех. полков (считая в том числе бригаду 12-й дивизии, хотя и числившуюся в армейском резерве, но предназначавшуюся для развития действий 11-го корпуса, на участке которого к тому же стояла часть ее артиллерии), т. е. 35% всей пехоты 9-й армии, 43% артиллерии и почти 75% общего числа тяжелых орудий, не говоря уже о шести полках конницы[1], т. е. опять-таки 27% общего числа кавалерийских полков, входивших в состав армии. Дальнейшее усиление 11-го корпуса вряд ли было возможно без опасения слишком ослабить другие корпуса.

Выбор участка прорыва

При этих условиях прорыв на фронте даже в 8 *км*, который также считался слишком узким, был явно невозможным. Если русской артиллерии трудно было подготовить атаку выс. 458 из-за лесов, ее окружающих, то овладение только выс. 272, учитывая опыт прошлого, не обещало сколько-нибудь существенного успеха. В данном случае артиллерия не могла бы оказать помощь пехоте, овладевшей выс. 272, так как местность к западу от нее была скрыта от взоров с русских исходных наблюдательных пунктов, а местами и от обстрела их батарей. Подавление неприятель-

[1] 1-я Донская казачья дивизия, 2-й Екатерининский казачий и Текинский конный полки.

ского расположения на всю его глубину не могло иметь места тем более, что подвижных сил, кроме конницы, армия не имела. Немедленное же продвижение части артиллерии вперед за своей пехотой было весьма затруднительно вследствие отсутствия мало-мальски удовлетворительных позиций. Если бы русской пехоте и удалось удержаться на выс. 272, то дальнейшее ее продвижение на запад по открытой местности было более чем сомнительно.

Овладение высотами 272 и 458 ставилось непременным условием, но как дальнейший этап операции при развитии первого удара. При этом части 41-го корпуса, наступавшие севернее выс. 272, могли в немалой степени способствовать ее падению.

Таким образом, и выбор участка для прорыва, выбор вынужденный и связанный с довольно тяжелым положением 9-й армии, не мог внушать войскам особо радужных перспектив.

Не лучше ли было при таких неблагоприятных условиях вовсе не предпринимать каких-либо активных действий? Неудача 9-й русской армии не только ободрила бы австрийцев, еще раз подтвердив незыблемость части их восточного фронта, но и могла иметь непосредственное влияние на Румынию, близ границ которой она находилась. Такое решение, повидимому, было бы наиболее благоразумным, если смотреть с точки зрения собственной колокольни 9-й армии. Но наступление ее было необходимо с точки зрения общих интересов всего юго-западного фронта, как они представлялись главному командованию и ген. Брусилову.

Подготовка прорыва

При сложившейся обстановке надо было нейтрализовать все препятствия, стоящие на пути 9-й армии, и использовать в наиболее полной мере все факторы, которые могли способствовать успеху. Главнейшими такими факторами являлись учет опыта первых лет войны и возможность тщательной подготовки операции. В этом отношении было сделано все, что только было возможно. Здесь в первый раз на русском фронте

были приняты меры, чтобы ни один артиллерийский снаряд не был выпущен даром, чтобы действия всех частей и всех родов войск были согласованы, чтобы резервы не запоздали чтобы вся подготовка к операции была произведена скрытно и атака последовала внезапно. Правда, вся 12-я дивизия с 18-ю легкими пушками была оставлена позади и сразу не могла поддержать штурмующих, но для прорыва на фронте в 3,5 *км* и предоставленных восьми полков было пока достаточно. 18 легких пушек 12-й дивизии, конечно, правильнее было бы поставить на позицию, ни одной пушки при артиллерийской подготовке атаки лишней не бывает. Оставление их в резерве фронта можно объяснить тем, что точное направление действий бригады 12-й дивизии, при которой они находились, предугадать пока было не так легко.

Скрытность подготовки прорыва и заблаговременное устройство инженерного плацдарма впереди основной оборонительной зоны, казалось бы, понятия несовместимые. Но так как инженерный плацдарм возводился на фронте всех армий юго-западного фронта, правда, не на всех участках его с одинаковой интенсивностью, то австро-венгерцы, видя перед собой свои многочисленные ряды проволочных заграждений, веря в их силу и хорошо помня опыт атаки их русскими 5 месяцев тому назад, мало беспокоились о грядущем.

Между тем положение армии ген. Пфлянцер-Балтина было не из легких. Его резервы были недостаточны— всего две пех. дивизии, т. е. около 22% общего числа бойцов его армии. Рассчитывать на скорое прибытие фронтовых резервов он никак не мог, так как знал, что они более чем слабы. Да и вряд ли транспортные возможности позволяли провести быстрый железнодорожный или автомобильный маневр в необходимом масштабе. Неверия австро-венгерцев в возможность прорыва их расположения не могли поколебать ни показания русских перебежчиков, ни некоторое оживление в тылу русских, на которое они смотрели как на демонстрацию, не считая его действительной подготовкой атаки. Тем не менее угрожающее положение русских против промежутка между высотами 272 и

458 оказало влияние на группировку частей 7-й австрийской армии к утру 4 июня.

Конечная цель операции

Тщательно и медленно готовясь к атаке, русские войска не могли не учитывать всех трудностей ее. Отсюда скептицизм многих начальников. При виде успеха подготовки к атаке этот скептицизм уменьшался. Но все же он сказался реально в том, что при организации тыла армии для прорыва не было принято никаких мероприятий для восстановления железных дорог и снабжения армии, удаляющейся от своих головных складов. Правда, задача, поставленная 9-й армии, выполнявшей вспомогательные функции, не предусматривала движения ее далеко вперед. Но трудно себе представить какие-либо активные действия без перспектив на успех. А здесь таковых как раз не было. Рассчитывать на более или менее быстрое получение свежих сил из резерва фронта также нельзя было потому, что наступали все армии ген. Брусилова, причем наносила главный удар не 9-я армия, а 8-я. В результате, если задуманная операция и соответствовала обстановке, а самый прорыв был организован хорошо, то операция начиналась и без достаточных резервов и без возможности затем выделить таковые вследствие неизбежного тотчас же по продвижении армии вперед удлинения ее фронта к югу без надежды на сокращение ее участка с севера. Достаточного запаса огнеприпасов не было. Надо было вследствие наличия впереди рек Прут, Черемош и пр. позаботиться о заблаговременной придаче дивизиям понтонных средств, но об этом никто не подумал.

Не было предположений широко использовать многочисленную армейскую конницу для нарушения системы управления обороной, сковывания и изоляции резервов, чтобы нанести противнику поражение по частям, 3-й кон. корпус должен был оборонять укрепленную полосу в 30 *км* от участка прорыва, вместо того чтобы готовиться к оперативному развитию прорыва.

В общем, если план первоначальных действий по прорыву австрийского расположения был разработан неплохо, то для его незамедлительного развития, для обхода оголенных флангов или фланга главной группировки противника, для уничтожения его на поле боя не только ничего не было сделано, но нет даже никаких намеков на то, как предполагало командование продвигать армию вперед. Весной 1916 г., наоборот, все внимание командования было обращено исключительно на преодоление укрепленной полосы. Рубеж, на который должны были выйти дивизии 11-го корпуса, находился всего в 4 *км* впереди. Дальнейших задач никто ясно себе не представлял, хотя глухо и не совсем понятно было как будто указано обходить оба оголенных фланга противника („11-му корпусу развивать успех в общем направлении на Юркоуц", т. е. обтекать южный оголенный неприятельский фланг; „правым флангом содействовать атаке 41-го корпуса, выбросив конницу в направлении на Дорошоуц для захвата и разрушения находящихся там мостов через Днестр", т. е. обволакивать северный оголенный фланг противника).

Метод выработки плана

Надо остановиться еще и на методе разработки плана наступления. В необходимости разрабатывать план прорыва на месте, а не по карте сомнений возникать не может. Что касается привлечения исполнителей к его выработке, то при современных, часто очень сложных и трудных операциях, повидимому, нередко будет правильнее, прежде чем дать задачу в окончательной форме, сначала отдать предварительное распоряжение, в частности о направлении главных сил. Это будет иметь особенно важное значение для своевременной готовности артиллерии, производства боевой разведки, для ознакомления с тем, как исполнитель предполагает выполнить задачу и какова помощь, которую должен оказать ему начальник для извлечения из операции наиболее значительных результатов.

Естественно, так поступать возможно далеко не всегда, а лишь тогда, когда в распоряжении имеется от-

носительно много времени. Ныне при быстро развивающихся операциях и боях время для этой цели часто будет отсутствовать. Но во всяком случае командиры полков, батальонов и дивизионов должны иметь несколько часов светлого времени для разведки, целеуказаний и организации на месте взаимодействия. В данном случае привлечение исполнителей к выработке окончательного решения не было „военным советом". В 9-й армии исполнители привлекались не к обсуждению задач, на них возлагаемых, а принимали деятельное участие лишь в том, чтобы наиболее полно вскрыть все препятствия, стоявшие на пути атакующих, и изыскать наилучшие способы для их преодоления в пределах поставленной им основной задачи и организовать на месте взаимодействие между родами войск и с соседями. Во всяком случае при таком методе разработки плана прорыва весь командный состав, беря на себя часть ответственности, проявил большой интерес к делу подготовки, и это, несомненно, явилось одной из основных причин успешных действий частей 9-й армии, и в частности 11-го корпуса. Одному начальнику с его штабом и в настоящее время не всегда возможно учесть всю обстановку и препятствия, стоящие на пути к выполнению задачи. Было бы непрактично и неосмотрительно в интересах дела не использовать опыта и знаний тех, кто будет проводить в жизнь предначертания штаба. Авторитет же начальника от этого понизиться в глазах подчиненных никак не может, скорее наоборот, что и имело место в 9-й армии.

Потерю до начала наступления нескольких тысяч бойцов во время устройства плацдарма впереди основной позиции русских никак нельзя считать простительной. Но рассчитывать на успешное преодоление сильно обстреливаемого австрийцами пространства, отделявшего русскую основную позицию от австрийской, нельзя было: наступательный порыв русской пехоты мог иссякнуть раньше, чем она дошла бы до проходов в проволочных заграждениях, пробитых русской артиллерией. Поэтому плацдарм, как тогда казалось, был необходим. Другого средства сблизить пе-

хоту с противником не было. Раз русская артиллерия не была в состоянии во время артиллерийской подготовки подавить австро-венгерские батареи и огневые точки, надо было только более эффективно помочь пехоте, перебегавшей до штурма вперед по открытой местности, предоставив артиллерии на этот период значительно большее число снарядов, чем то было в действительности. Тогда и потерь было бы много меньше, а напряжение и беспокойство в рядах противника было бы значительно большим.

План артиллерийской подготовки

Для организации основательного и продуктивного ведения артиллерийского огня и скрытной его подготовки было сделано все возможное. Ни разу до этого в русской армии за время мировой войны не проявлялись такая пунктуальность и продуманность всех мероприятий, основанных на богатом опыте прошлого. Особенно обращают на себя внимание относительная кратковременность предстоявшей артиллерийской подготовки, правда, вызванная отчасти отсутствием достаточного числа снарядов, но все же не позволившая австро-венгерцам надлежащим образом подготовиться к встрече атаки, умелая организация связи артиллерии с пехотой и импровизация полковой артиллерии. Без последней трудно было рассчитывать на энергичное продвижение вперед пехоты в случае успеха первого удара.

Приемы отыскания целей авиацией и корректирования ею огня артиллерии были по сравнению с нынешними примитивны. Тем не менее авиация и привязные аэростаты были использованы полностью с немалыми результатами.

Артиллерии резерва главного командования тогда не было. Поэтому к участку главного удара пришлось собрать артиллерийские дивизионы из различных общевойсковых соединений. Сначала и те и другие, естественно, выражали неудовольствие. Это и неудивительно, так как временная придача войсковых частей другим высшим войсковым соединениям всегда сопря-

жена со многими неудобствами. Лишь впоследствии, видя умелое руководство ими, все они примирились с этой необходимостью. Возложение организации артиллерийской подготовки на начальника артиллерии корпуса возражений встретить не может. Только при этом условии можно было достигнуть полной согласованности действий артиллерийских соединений.

Чрезмерный запрос армией огнеприпасов непростителен. Но слишком тяжелы были воспоминания о кампании 1915 г. и боях зимой 1915/16 г., когда недостаток снарядов в 9-й армии сказался на пехоте весьма гибельно. С другой стороны, явилось желание подражать французам и немцам. Но их нормы оказались для русских и недоступными и, как показала действительность, излишне большими.

Своевременно были приняты меры для скрытности сосредоточения большого количества артиллерии, а именно, вся артиллерия усиления заняла позиции в течение нескольких ночей, предшествующих дню атаки, и ничем себя не обнаруживала.

Подготовка к атаке длилась около месяца. Такой большой срок затруднял достижение полной внезапности и позволил противнику принять ряд мер для усиления обороны: подкрепление первого эшелона на атакуемом участке половиной 40-й гонведной дивизии, подтягивание сюда резервов и пр.

Итак, наступало испытание, которое должно было показать, в какой мере соединения 9-й русской армии научились бороться с неприятельскими укрепленными позициями, какова подготовка и состояние русских войск по сравнению с австро-венгерцами.

IV

БОЙ

Развертывание сторон к утру 4 июня на участке от Днестра до высоты 458 вкл.

Русские (схема 4)

Против австро-венгерцев, занимавших позицию от отм. 266 до отм. 218, в плацдарме к 2 часам 4 июня разместились четыре полка — с севера на юг 44-й Камчатский, 43-й Охотский, 128-й Старооскольский и 126-й Рыльский. Каждый из этих полков развернулся на фронте около 900 *м*.

Севернее их на участке от р. Днестр у Онут до отм. 266, протяжением около 7 *км* развернулись 41-й Селенгинский полк и 2 батальона 42-го Якутского полка. Южнее их 125-й Курский полк занял окопы восточнее участка неприятельской позиции от отм. 218 до выс. 458 вкл. протяжением около 3 *км*.

В ближайших к противнику окопах были оставлены лишь наблюдатели и караулы. Головные роты находились в среднем не ближе 200 *м* от неприятельских проволочных заграждений. За четырьмя полками первого эшелона 11-й и 32-й дивизий стали саперные роты, получившие задачу при атаке уничтожать проволочные заграждения, заваливать бойницы противника, рвать провода к минам [1]. Вторые эшелоны дивизий заняли исходное положение для атаки в ночь на 4 июня.

[1] В. И. А., Д. 150—036, стр. 39.

В дивизионных резервах находились: в 11-й дивизии 2 батальона 42-го полка — за 44-м полком, в 32-й дивизии — 127-й Путивльский полк[1] — за левым флангом 126-го полка.

Одна бригада корпусного резерва (73-й и 76-й полки 19-й дивизии) к началу атаки была введена в основные окопы 32-й дивизии; 74-й полк находился за левым флангом 32-й дивизии, а 75-й полк и с 16 ч. 4 июня 1-я Донская каз. дивизия — в Блищадь. Текинский кон. полк располагался в Перебийковцы.

Таким образом, на главном направлении на фронте в 3,5 *км* развернулись в первом эшелоне корпуса 17 батальонов, во втором — 5 и в третьем — 12. Каждый из батальонов первого эшелона получил участок по фронту в 450 *м*. Глубина боевого порядка полков первого эшелона не превосходила 700 *м*. Глубина всего боевого порядка пехоты корпуса (кроме 75-го полка) доходила до 2 *км*.

Самушинский участок протяжением около 3 *км* занимала только что сформированная 3-я Заамурская дивизия — 16 батальонов, 28 легких и 8 тяжелых орудий[2], имевшая один полк в резерве в Самушин, а один батальон по восточному берегу Днестра между Самушин и Онут. Дивизии был придан взвод из 4 бронированных автомобилей, из которых один пушечный. Для развития успеха были предназначены 3 эскадрона Крымского кон. полка[3].

Артиллерия, предназначенная для подготовки главной атаки от отм. 266 до отм. 218, была объединена в руках подполковника Кирея. Эта артиллерия, насчитывавшая в своем составе 159 орудий, из которых 35 тяжелых, т. е. 75% всей артиллерии корпуса и 100%

---

[1] 3 батальона, так как один батальон был придан 128-му полку.

[2] Четыре 152-*мм* пушки в 120 пудов обр. 1877 г. и 4 пушки системы Кане. Последние были подвезены на позицию на баржах. 3-я Заамурская пограничная пех. дивизия состояла из 7-го, 8-го, 9-го и 10-го Заамурских пограничных пех. полков и тогда не имела даже своей дивизионной артиллерии. Дивизии были приданы дивизион 74-й арт. бригады, горная батарея (8 орудий), 22-й взвод автоброневиков, легкая гаубичная батарея (4 орудия) и 2 саперных роты (В. И. А., Д. 69—397, стр. 6 и 15 и 68—562).

[3] Полк комплектовался крымскими татарами.

тяжелой, была разделена на 4 группы. Правой группой, состоявшей из 40 орудий (24 легких пушки, 4 легких гаубицы и двенадцать 152-*мм* пушек), командовал командир 11-й арт. бригады; средней в составе 50 орудий (24 легких и 2 горных пушки, 8 легких и 8 тяжелых 152-*мм* гаубиц и восемь 152-*мм* пушек) — командир 32-й арт. бригады; левой в составе 42 орудий (30 легких пушек, 8 легких гаубиц и четыре 152-*мм* пушки) — один из командиров дивизионов, и, наконец, в противобатарейную группу было назначено 27 орудий (24 легких и три 107-*мм* пушки).

Артиллерийскую подготовку на сковывающих участках производили 18 легких пушек для обстрела района от Днестра у Онут до отм. 266, а 18 легких пушек и 4 легких гаубицы подготавливали атаку на участке от отм. 218 до выс. 458 вкл. Эти орудия находились в распоряжении начальников дивизий. Командирам полков, наносивших главный удар, были даны в общем 8 горных пушек (по 2 на полк). Для стрельбы по самолетам были выделены 6 горных пушек (по 2 на дивизию).

Дивизии получили задачи для атаки неприятельских окопов и для первоначального продвижения в глубину в соответствии с местностью, расположением оборонительных линий противника и предельной дальностью действительного артиллерийского огня с исходных позиций батарей.

В частности 11-я дивизия должна была атаковать[1] на фронте от Онут до р. Хорошоуц, нанося главный удар от отм. 266 до р. Хорошоуц вкл. Ее ближайшей задачей было овладение линией высот 236 и 251, мостом через р. Хорошоуц у винокуренного завода, т. е. продвижение на 3 *км*, последующей — выход на фронт Окна, Похорлоуц, выс. 260, находившийся в 5 *км* впереди исходного положения дивизии. 32-я дивизия атаковала на участке от р. Хорошоуц до выс. 458 вкл., нанося главный удар своим правым флангом от р. Хорошоуц до отм. 218, имея ближайшей задачей овладение хребтом юго-восточнее винокуренного завода и северной окраиной Доброноуц, т. е. она должна была продвинуться на 3 *км*.

[1] В. И. А., Д 289—794, стр. 13 и 151—809.

41-й Селенгинский полк наносил главный удар своим правым флангом между Онут и Чарны Поток. Два батальона 42-го полка получили задачу овладеть выс. 272. На 125-й полк возлагалась обязанность по переносе огня тяжелой артиллерии на выс. 458 и взрыве горнов, под прикрытием дымовой завесы, овладеть этой высотой. Командиры трех последних полков знали о демонстративной цели их действий. Дивизионные резервы должны были следовать: 11-й дивизии — за 42-м полком на выс. 272, а 32-й дивизии — из-за левого фланга 126-го полка в промежуток между д. Доброноуц и выс. 458.

Каждая из трех артиллерийских групп поддержки пехоты получила задачу 12 орудиями пробить по 6 проходов в неприятельских проволочных заграждениях. Кроме того, правая группа должна была 28 орудиями разрушать неприятельские окопы, уничтожать пулеметы, пригибать пехоту противника к земле и морально подавлять ее на фронте протяжением 900 *м*; средняя группа — делать то же самое, но 36 орудиями и на фронте около 2 000 *м*[1], а двумя горными пушками обстреливать телефонные линии противника; наконец, на левую группу возлагалась задача 30 орудиями вести огонь по окопам противника на протяжении около 800 *м*.

Таким образом, по участку австро-венгерского расположения, на который направлялся главный удар русских, должны были стрелять: по окопам 94 орудия, по проволоке 36 орудий и по артиллерии (группа ДД) — 27 орудий. Батареи, оставленные в распоряжении начальников дивизий и командиров полков, всего 54 орудия, должны были вести огонь по остальным целям.

Всего, следовательно, на 1 *км* фронта главной атаки приходилось 48 орудий[2], из которых 11 тяжелых, а на 1 *км* фронта демонстративных действий — 4 легких орудия[3].

---

[1] Большое протяжение участка для разрушения, данное средней группе, объясняется тем, что направление неприятельских окопов позволяло их фланкировать.

[2] Включая 8 горных пушек, состоявших в распоряжении командиров полков.

[3] Не считая 6 горных пушек, выделенных для противовоздушной обороны.

С началом атаки почти вся артиллерия 11-й и 32-й дивизий переходила в подчинение начальников соответствующих дивизий. Те батареи, которые оставались в руках Кирея, после занятия пехотой на участке главного удара второй линии неприятельских окопов, частично получали новые задачи. Некоторые из них (3 тяжелых и 3 легких батареи) должны были усилить группу дальнего действия, а другие приступали к обстрелу окопов противника на высотах 272 и 458 для нейтрализации неприятельского огня и для возможности расширения фронта прорыва.

3-я Заамурская дивизия получила задачу атаковать участок Миткеу, Онут искл. овладеть хребтом 231—238, находившимся в $2^1/_2$—3 *км* впереди ее исходного положения, закрепиться на нем, а затем развивать успех в общем направлении на Окна.

Главный удар дивизия должна была наносить на Молочную ферму, затем развивать успех на Замок, обеспечивая оба своих фланга.

В надежде, что проходы в проволочных заграждениях удастся проделать в ночь на 4 июня ножницами, удлиненными пироксилиновыми зарядами и минометами, главное внимание артиллерии 3-й Заамурской дивизии было обращено на борьбу с австро-венгерской артиллерией, на подавление пехоты противника, занимавшей Молочную ферму, и на отражение ее контратак в этом районе.

Австро-венгерцы

В результате перегруппировки, предпринятой ген. Пфлянцер-Балтин в конце мая и начале июня для отражения ожидавшегося наступления русских, соединения и части под командованием ген. Бенигни южнее р. Днестр были развернуты следующим образом[1]: от Миткеу до р. Хорошоуц на фронте в 12 *км* были развернуты 3 полка 42-й гонведной дивизии — всего 12 батальонов, численностью в общем около 10 000 винтовок; 25-й ее полк, численностью 3 000 винтовок, находился в Окна в дивизионном резерве. Кордон „П"

[1] „Österreich-Ungarns letzter Krieg", стр. 369 и 420 В. И. А., Д. № 152—436.

и участок от р. Хорошоуц до отм. 218 в $2^1/_2$ *км* заняла 79-я бригада 40-й гонведной дивизии (80-я ее бригада стояла на позиции северо-восточнее г. Черновиц), причем в первом эшелоне находился 29-й гонведный полк, а во втором — 30-й гонведный полк. Южнее, в районе Доброноуц, позицию занимала 3-я кав. дивизия. Вся группа ген. Бенигни состояла из 29 батальонов и 165 орудий, из которых 20 тяжелых. Севернее группы Бенигни располагалась 8-я кав. дивизия, а к югу от группы до середины Топороуц — 24-я пех. дивизия со спешенной кавалерийской бригадой полк. Кранц.

В армейском резерве находились 16 батальонов: в Юркоуц, за стыком 40-й гонведной и 3-й кав. дивизий — 3 полка 30-й пех. дивизии (один ее полк располагался за 51-й гонведной дивизией в 15 *км* к северо-западу); в Чернавка за 24-й пех. дивизией — 72-я бригада 36-й пех. дивизии (71-я бригада ее находилась на позиции севернее р. Днестр), а за южным флангом армии севернее Черновиц, в 25 *км* от района прорыва, в корпусном резерве 11-го корпуса, — 9-я бригада 5-й пех. дивизии (10-я бригада ее стояла на позиции восточнее г. Черновиц). За 13-м и 6-м корпусами никаких крупных резервов не оставалось.

Расположение австро-венгерцев было известно частям 11-го русского корпуса достаточно точно, хотя, конечно, и имелись расхождения между действительным положением австро-венгерцев и положением, рисовавшимся русским.

В тылу австро-венгерцев, и в частности в Черновицком узле, русскими летчиками не было обнаружено какого-либо необычного оживления.

Утром 4 июня восходящее солнце ясно осветило расположение австро-венгерцев, хотя легкий туман долго не рассеивался. Наблюдение за русскими против солнца было затруднено. Было тихо, безветренно.

Разбор развертывания сторон

Из вышеизложенного видно, что на фронте от Днестра у Миткеу до выс. 458 вкл. протяжением 16 *км* к утру 4 июня 48 русских батальонов, включая сюда

полковые и дивизионные резервы с 247 орудиями, из которых 43 тяжелых, и с приблизительно 250 станковыми пулеметами, насчитывавшими в общем 46 000 винтовок и около 58 000 бойцов, развернулись против 29 австрийских батальонов[1] с 165 орудиями, из которых 20 тяжелых, со 150 станковыми пулеметами, насчитывавшими в общем около 20 000 винтовок и около 25 000 бойцов. Расположение русских было в 2 раза менее глубоким, чем расположение австро-венгерцев (2 и 4 *км*), что, естественно, вытекало из того, что первые развернулись для наступления, а австро-венгерцы приготовились к защите занимаемого ими положения.

Таким образом, если на всем фронте от Латач до румынской границы русские имели почти одинаковые силы с австро-венгерцами[2], то на участке, где русские собирались предпринять активные действия, они превосходили своего противника, примерно, в $2^1/_2$ раза (учитывая не только винтовки, но и остальные огневые средства).

На участке, составлявшем 18% протяжения всего фронта 9-й армии, русские развернули 34% общего числа бойцов, 50% общего числа орудий, 91% общего числа тяжелых орудий и около 50% пулеметов, а австро-венгерцы — соответственно только 20, 30, 20 и 27%. Еще более рельефно превосходство русских сказывалось на участке, где они наносили главный удар. Здесь 48 русских батальонов, 159 орудий и около 200 пулеметов стояли против 24 австро-венгерских батальонов (первый эшелон группы Бенигни и части в Юркоуц, Доброноуц и Хорошоуц) до 120 орудий (считая все те, которые могли вести огонь по атакующим в главном направлении) и около 120 пулеметов. Если же учесть все корпусные и армейские резервы обеих сторон, которые могли поспеть к месту прорыва через сутки и менее, то превосходство русских на упомянутом участке было меньшим: против 72 русских

---

[1] По русским сведениям, на этом участке было 23 австро-венгерских батальонов и свыше 100 орудий.

[2] Учитывая наличие у австрийцев большего числа орудий.

батальонов, 60 эскадронов[1], 265 орудий, из которых 43 тяжелых и 400 станковых пулеметов, австро-венгерцы могли развернуть до 50 батальонов, 300 орудий, из которых 50 тяжелых, и до 350 станковых пулеметов, т. е. русские могли превосходить австро-венгерцев к концу первого дня боя в числе винтовок и в коннице[2].

Иначе говоря, русское командование создало для войск, атаковавших в главном направлении, в известной степени благоприятную обстановку. Но это было только при штурме. В дальнейшем русские, ворвавшись в австрийское расположение и, естественно, расстроившись, должны были оказаться в трудном положении. Свежие австрийские резервы были готовы предпринять против них активные действия, противодействовать которым могли лишь дивизионные и корпусные резервы русских, поддерживаемые огнем главной массы артиллерии издалека с исходных позиций, так как до взятия высот 272 и 458 сопровождение пехоты сильной артиллерией было невозможно.

Создавая такую группировку сил, австро-венгерцы учитывали то, что происходило всегда в предшествовавших боях: овладение участком их укрепленной полосы русским нередко удавалось, но удержание захваченного при контратаке свежих резервов оборонявшегося обычно являлось делом неосуществимым, вследствие неизбежного расстройства и перемешивания атакующих частей. В данном случае ближайшие австро-венгерские резервы находились вне сферы огня русской артиллерии, поэтому они спокойно могли выжидать окончания русской артиллерийской подготовки, а затем атаковать во фланг с юга и прямо с фронта русских при попытках их продвинуться на запад, на Юркоуц. Эти предположения австро-венгерцев надо считать правильными и в полной мере обоснованными, в особенности если принять во внимание то, что на всем фронте от Миткеу до выс. 458 стояли хорваты, заре-

[1] Донская казачья дивизия, одна дивизия 3-го кон. корпуса, всегда бывшая в резерве, и 3 полка корпусной конницы.

[2] В русском батальоне было около 950 винтовок, в австро-венгерском—около 800, всего 68 000 русских винтовок против 40 000 австро-венгерских.

комендовавшие себя в прежних боях как отличные, стойкие бойцы, и мадьяры, чье мужество, кстати сказать, высоко ценилось и русскими войсками. Вопрос был только в том, каковы на этот раз будут силы атакующих и русская артиллерийская подготовка и как будут проведены в жизнь намерения австро-венгерского командования.

Вряд ли когда-либо артиллерия может оказаться в состоянии выполнить все предъявленные ей требования. В данном случае на участке главного удара русские артиллеристы сделали все, чтобы выполнить все возложенные на них задачи, т. е. подорвать силы защитников укрепленной полосы, частично разрушить окопы, пробить проходы в проволочных заграждениях и всем этим поднять моральные силы атакующих в той мере, чтобы они, не колеблясь, вышли из своих окопов и могли с уверенностью в успехе пробежать самые тяжкие 200—300 *м*, отделявшие их от противника. Задачи, поставленные артиллерии, показывают, что русске общевойсковые начальники не возлагали не нее неосуществимой задачи полностью парализовать всю оборону австро-венгерцев, уничтожить все выявленные огневые их точки. Они вполне понимали, что вопрос может итти лишь о частичном подавлении неприятельской обороны. В связи с этим русские ожидали, что интенсивный огонь австро-венгерских орудий, пулеметов и стрелков неизбежно будет открыт, как только русская пехота вылезет из окопов. Однако, подавление во время артиллерийской подготовки и артиллерии, и пехоты противника для русских было непосильно.

Наиболее опасным врагом, по мнению русских, была пехота. Поэтому центр усилий артиллерии был направлен на подавление огневых средств и моральных сил австро-венгерской пехоты. Этим обстоятельством легко объяснить слишком незначительное число орудий, назначенное для борьбы с австро-венгерской артиллерией, — всего 17% общего числа орудий, намеченных для обстрела участка главного удара. Эта группа дальнего действия усиливалась более чем вдвое, только после некоторого продвижения русской пехоты

вперед. Артиллерийская подготовка должна была состоять, главным образом, в борьбе с пехотой противника—в пробитии проходов в проволочных заграждениях, каждого двумя легкими пушками, и в разрушении окопов противника. На последнюю цель было намечено одно орудие на каждые 26—55 *м* в зависимости от того, фронтальный или фланговый огонь орудие должно было вести. Результаты деятельности артиллерии должны были повыситься вследствие того, что задачи группам и батареям давались на местности. Не говоря уже о том, что обычно не все местные предметы указаны на карте, целеуказание и ориентирование при таком методе постановки задач гораздо легче и точнее.

Организацию управления артиллерией в данном случае нельзя не одобрить. Объединение управления всей артиллерией, расчищавшей путь пехоте на главном направлении, в руках одного лица было правильно. Надо отметить, что этим лицом был начальник артиллерии корпуса, а не армии, хотя здесь была развернута артиллерия армейская и двух корпусов. Ничего нельзя возразить и против оставления части легкой артиллерии в подчинении начальников дивизий. Внимание начальника артиллерии корпуса от участка главного удара не отвлекалось; с другой стороны, вряд ли последний был в состоянии управлять столь многочисленной артиллерией, обстреливавшей такой большой участок австрийского расположения.

Пехота получила ближайшие задачи в соответствии с глубиной ее боевого порядка, при этом всюду пехота находилась под защитой огня артиллерии с ее исходных позиций. В частности на второстепенных участках русская пехота должна была одним броском продвинуться в среднем на 1 *км* вглубь неприятельского расположения, а на участке главного удара—на 3 *км*, т. е. на второстепенных участках на нее не возлагалось задачи дойти до позиций австро-венгерских батарей; она должна была овладеть лишь рядом наблюдательных пунктов противника. На направлении главного удара лишь передовые части пехоты получили задачу захватить неприятельские батареи, очевидно, лишь

наиболее выдвинувшиеся вперед. Несомненно, это было отрицательной стороной задач, возложенных на войска.

Газовая атака

День 4 июня начался газовой атакой, впервые предпринятой в 9-й русской армии.

В предрассветном тумане, в 3 ч. 15 м., на участке 41-го и на правом фланге 42-го полков, севернее и южнее Чарны Поток, 9-я химическая команда производит газобаллонную атаку. Густое облако, обстреливаемое сильным артиллерийским огнем австро-венгерцев, сначала идет правильно. Но легкий ветер, внезапно подувший с юга, направил часть газов на русские окопы. 51 солдат 41-го полка и 3 солдата 42-го полка были отравлены, несмотря на то, что 41-й и 42-й полки должны были быть в противогазах. Трое из отравленных умерли. Большинство остальных в скором времени возвратилось в строй.

Артиллерийская подготовка

Несмотря на эту неудачу, русская газовая атака наводит на австро-венгерцев панику[1].

В 4 часа легкие пушечные батареи начинают поверку пристрелки, а тяжелые и легкие гаубичные батареи — пристрелку. В соответствии с заблаговременно принятым планом, каждой батарее для этого дается определенный срок. Батареи поверяют пристрелку по очереди. В то время как одни батареи пристреливаются по своим основным целям, другие ведут пристрелку по целям второго периода боя, т. е. по тем целям, которые придется обстреливать с началом движения пехоты.

В 6 часов все батареи переходят к стрельбе на поражение. Они вносят по просьбе пехоты лишь не-

[1] Так показали впоследствии пленные. Однако, потери австро-венгерцев, благодаря противогазовым маскам, были незначительны — газовая атака 42-й гонведной дивизии и обстрел ее химическими снарядами вывели из строя всего 14 чел. (2 умерли и 12 отравлены) — „Österreich-Ungarns letzter Krieg", стр. 420.

значительные поправки в предварительно выработанный план стрельбы. Намеченный заранее расчет скорости стрельбы не нарушается.

Огонь ведется исключительно орудийным методичным огнем с равными промежутками времени между выстрелами. Ритмичный и непрерывный огонь производит на австро-венгерцев удручающее впечатление. Он не только разрушает препятствия и плотно занятые окопы, но надламывает старых бойцов[1]. Два раза через разные промежутки времени (в 9 и 11 часов) вся артиллерия одновременно прекращает огонь на 15 мин. Помимо этого, также два раза, каждый раз в течение 10—20 мин. русская артиллерия постепенно переносит огонь в тыл противника для обстреливания тех целей, по которым надо вести огонь во время атаки.

Со всех русских командных и наблюдательных пунктов можно видеть, что во время каждого перерыва и переноса огня мадьяры выбегают из лисьих нор и убежищ в окопы первой линии для встречи атаки. Но их ждет разочарование: вместо атаки огонь русской артиллерии по передним окопам возобновляется с прежней силой. Когда в третий и последний раз русская артиллерия переносит огонь в тыл, то четыре раза обманутые мадьяры, как впоследствии показали пленные, из убежищ некоторое время не выходят[2], а между тем как раз начинается движение русской пехоты вперед.

Для русских высших начальников это время является самым спокойным со времени начала подготовки операции. Никто по телефону не звонит. Никто ничего не спрашивает. Все предусмотрено. План проводится спокойно, систематически[3]. Австро-венгерская артиллерия отвечает достаточно энергично, но бессистемно. Она

---

[1] Österreich-Ungarns letzter Krieg, стр. 420.

[2] То же говорится в „Österreich-Ungarns letzter Krieg", стр. 420.

[3] Только Бачинский изредка волновался. Ему казалось, что Кирей, офицер 32-й арт. бригады, ведет огонь преимущественно по целям, которые будут атаковать полки 32-й дивизии, забывая об 11-й дивизии.

обстреливает преимущественно русские командные и наблюдательные пункты. На одном из них от тяжелого снаряда погибают командир 128-го полка Лурье и командир одного из тяжелых артиллерийских дивизионов. Немало снарядов австро-венгерцы выпускают по русским ложным батареям.

Атака

К 12 час. каждое русское орудие, разрушающее окопы, выпускает 200 бомб или гранат, а пробивающие проходы в проволочных заграждениях — 300 гранат. Пехотные передовые наблюдатели доносят, что проходы в проволоке имеются, а окопы сильно повреждены. Почти 30 000 снарядов, выпущенных по проволоке и пехоте противника, создают такие условия, что ровно в этот час, т. е. после шестичасовой артиллерийской подготовки, пехотные начальники в состоянии одновременно поднять предназначенные для главного удара четыре полка. Полки бегут вперед в слишком плотном порядке — в колоннах, но стройно, без выстрела, пренебрегая ходами сообщения. Тотчас же начинает неистовствовать австро-венгерская артиллерия. Она ведет шквальный огонь по наступающим. Дымки разрывающихся шрапнелей закрывают русскую пехоту от взоров начальников дивизий, командиров полков и артиллерийских командиров, напряженно наблюдающих за ее продвижением. К орудийному гулу присоединяется неумолкаемый удручающий треск австро-венгерских пулеметов и винтовок.

Русская артиллерийская группа дальнего действия, увеличенная на 6 батарей, усиливает огонь по австро-венгерской артиллерии, преимущественно нестойкими химическими снарядами. Группы артиллерии поддержки пехоты переносят огонь в тыл противника, стреляя, главным образом, по ходам сообщения, ведущим с тыла к первой линии окопов неприятельской позиции. Перенос огня происходит постепенно. Огонь ведется с такой же точно интенсивностью, как и раньше, чтобы русская и неприятельская пехота этого не заметила. Это удается.

В результате позади австро-венгерских бойцов, защищающих первую линию окопов, создается неподвижный заградительный огонь. Несколько батарей обстреливает химическими снарядами северную опушку леса восточнее Доброноуц, откуда ожидается контратака австро-венгерцев. Батареи теперь ведут более интенсивный огонь очередями.

Все эти меры приводят к тому, что наступательный порыв пехоты не сломлен. Полки идут вперед безостановочно быстрым шагом. Бойцы частью врываются в первую линию окопов австрийской позиции, а частью, как было указано, идут поверх их, перескакивая или накладывая на них заранее заготовленные мостки. Мадьяры, находящиеся в первом эшелоне 29-го полка, бросают ручные гранаты. На поддержку им спешат роты второго эшелона. Батальоны 126 го полка смяты, бегут назад в исходное положение. Все роты, батальоны перемешиваются. Но затем, повидимому, под влиянием примеров личной доблести командиров и успеха соседей, солдаты 126-го полка под руководством случайных офицеров вновь идут вперед[1]. Борьба неравная. Мадьяры постепенно сдаются, тем более, что русские резервы подаются вперед для поддержки выдыхающихся, совсем перемешавшихся штурмующих и для развития успеха, а русские батареи уже не жалеют патронов для расчистки пути своей пехоте[2]. Последняя, расстраиваясь при ведении ближнего боя и при преодолении окопов, все же продвигается вперед на указанный ей рубеж, стремясь распространиться к стороне наружных флангов, с целью дать возможность выполнить задачу 41-му и 125-му полкам. 30-й гонведный полк, пытающийся преградить путь русским, скоро убеждается, что сопротивление напрасно, и сдается в плен. К 14 час. полки 11-й и 32-й дивизий, наносившие главный удар, овладевают отм. 266, кордоном „П“,

---

[1] В. И. А., Д. 13—303, стр. 7 — донесение командира 3-го батальона 126 го полка.

[2] В. И. А., Д. 13—301. Полевая книжка командиров 9-й роты 126-го полка — сначала Микульского, затем Геркуль; Д. 13—311 — полевая книжка командиров 3-й роты этого полка Балдиса, стр. 21, Д. 170—343—128-го полка.

доходят до моста через р. Хорошоуц, захватывая выс. 250 и отм. 218[1].

Австро-венгерская артиллерия, угрожаемая русской пехотой, теряется и частично меняет свои позиции. Около 13 час. она на некоторое время прекращает свой огонь. Тем не менее продолжать продвижение дальше, несмотря на проникновение нескольких рот на запад от р. Хорошоуц и по направлению к Доброноуц, нет возможности.

Фланги продвинувшейся вперед почти на 2 *км*[2] русской пехоты обстреливаются с высот 272 и 458 пулеметным и артиллерийским огнем отдельных противоштурмовых орудий, так как вся эта пехота с этих высот отлично видна передовым наблюдателям батарей противника. В то же время переходят в контратаку 3 полка 30-й пех. дивизии с запада вдоль р. Хорошоуц, 16-й пех. полк, включенный в состав 3-й кав. дивизии, с юга и 2 батальона 42-й гонведной дивизии с севера[3]. Неоднократно, доблестно и энергично, но бессистемно и без достаточной огневой подготовки они атакуют выдвинувшиеся русские полки, отбрасывая в беспорядке зарвавшиеся вперед отдельные роты. В 16 час. австрийский эскадрон внезапно выскакивает из Доброноуц и атакует в конном строю вырвавшиеся передовые части 126-го полка, рассеивает их, но, обстрелянный артиллерией и пулеметами, в беспорядке скачет обратно.

---

[1] За несколько времени до этого со всех наблюдательных пунктов видны пленные, целыми толпами (без конвоя) бегущие в плацдарм 11-й и 32-й дивизий и далее на восток, обстреливаемые собственной артиллерией. Так как какие-либо донесения временно отсутствуют, а в подзорные трубы и бинокли в образовавшейся мгле невозможно различить, кто бежит, русские или австро-венгерцы, то мгновениями чудится, что это русская пехота в панике бежит обратно. Кошмар быстро проходит и сменяется всеобщим ликованием.

Между прочим начальник 32-й дивизии перед наступлением отдал следующее распоряжение: „Пленным обрезать на брюках пуговицы и ремни, чтобы они могли итти, лишь „поддерживая брюки".

[2] Австрийцы указывают на 5 *км* („Österreich-Ungarns letzter Krieg", стр. 422). Это неверно.

[3] „Österreich-Ungarns letzter Krieg", стр. 421.

Русская артиллерия, большей частью перешедшая к этому времени в подчинение начальников 11-й и 32-й дивизий, организует непосредственно впереди первого эшелона своей пехоты неподвижный заградительный огонь, а иногда стреляет по площадям по невидимому противнику. Это в сильной степени облегчает положение русских, пустивших в действие все свои пулеметы. Тем не менее полки, прорвавшие позиции австрийцев в главном направлении, нервничают. Свой успех они пока не считают вполне прочным. Для их поддержки и обеспечения флангов часть русских батарей сосредоточивает огонь по высотам 272 и особенно 458. В перерывы между контратаками австро-венгерцев в обстреле упомянутых высот принимает участие почти вся артиллерия корпуса.

В распоряжение начальника 32-й дивизии из корпусного резерва передаются 73-й и 76-й полки. Они выдвигаются вперед. Положение русских мало-помалу упрочивается. Активные действия австро-венгерцев к 18 час. прекращаются, если не считать одной ночной атаки, кончившейся также неудачей. Но о каком-либо дальнейшем продвижении на запад не может быть и речи до тех пор, пока высоты 272 и 458 остаются в руках австро-венгерцев. Попытки же взять их, несмотря на существенную помощь артиллерии и настойчивость пехоты, остаются безрезультатными. Около 15 час. роты 42-го Якутского полка ползут и перебегают на выс. 272 с юга и юго-востока, широко применяя ружейные и ручные гранаты против пулеметных гнезд и отдельных групп противника. Русская артиллерия не всегда может их поддерживать. Ее огонь становится опасным для своих. Якутцы неоднократно подходят к выс. 272, но вновь откатываются. Пулеметный огонь австро-венгерцев скашивает зарывающихся бойцов. Взять выс. 272 до наступления темноты якутцы были не в состоянии[1]. Начальник 11-й дивизии пред-

[1] Официальные документы (В. И. А., Д. 56—599) говорят, что выс. 272 была взята, а затем потеряна. Это неверно. Штаб 11-й дивизии поверил донесению командира 42-го полка и на радости, не убедившись в его достоверности, донес о взятии высоты в штаб корпуса.

полагает возобновить наступление ночью, когда успеют развернуться переданные в его распоряжение 2 батальона 75-го полка[1]. Но это предположение не осуществилось: якутцы выдохлись.

Батальоны, атаковавшие высоты 272 и 458 с востока, продвигаются лишь до проволочных заграждений противника и залегают. Удачный взрыв горнов под выс. 458 и дымовая завеса не имеют последствий. Зато селенгинцы (41-й пех. полк) в районе Чарны Поток неожиданно, отчасти благодаря газовой атаке, овладевают небольшим участком австрийской позиции, а на правом фланге захватывают, вследствие продвижения вперед 3-й Заамурской дивизии, выс. 238.

К наступлению темноты 4 июня полки 11-й дивизии закрепляются по линии: выс. 238, западнее отм. 236, западная окраина Чарны Поток, восточнее выс. 272, отм. 266, мост через р. Хорошоуц, что у винокуренного завода; севернее д. Доброноуц расположились 3 полка 32-й дивизии с приданными ей 8 батальонами 19-й дивизии. Против выс. 458 оставался 125-й полк.

В дивизионном резерве 11-й дивизии были 2 батальона 75-го полка, в резерве 32-й дивизии — 4 батальона 73-го и 74-го полков[2], переделывавшие взятые австрийские окопы. В корпусном резерве находились Донская каз. дивизия, Текинский кон. полк в районе Блищадь и 128-й полк, выведенный из первого эшелона на западную окраину Ржавинцы.

На участке 3-й Заамурской дивизии, между Миткеу и Самушин, артиллерия к 11 час. пробила в проволочных заграждениях ряд проходов. После этого ее огонь был сосредоточен по опорному пункту противника у Молочной фермы, куда дивизия направляла свой главный удар[3]. В 12 ч. 30 м. пехота пошла в атаку

---

[1] Другие 2 батальона этого полка на ночь с 4 на 5 июня были переданы в распоряжение командиров 44-го и 43-го полков.

[2] Позже эти батальоны были возвращены в корпусный резерв.

[3] Проходы начали делаться ночью пехотинцами, которые растаскивали проволоку. Таким способом удалось проделать 3 прохода. Одновременно с артиллерийской подготовкой проходы делались минометами и удлиненными пироксилиновыми зарядами. Огонь артиллерии успешно корректировал один самолет (В. И. А., Д. 68 — 541, стр. 17 и 20).

против частей 42-й гонведной дивизии и через час после упорного боя овладела Молочной фермой. Выйдя после этого в тыл укреплений Замка, заамурцы взяли их и окопы на северном склоне выс. 238. Правый фланг дивизии в то же время овладел Миткеу и выс. 231. К вечеру две линии неприятельских окопов, 4 140 пленных и 6 орудий были в руках заамурцев.

Ближайшая задача не была ими выполнена. Сами они сильно расстроились, потеряли свыше 400 чел. убитыми и 1 200 ранеными, т. е. около 10% общего числа бойцов.

Тотчас же использовать успех и продолжать наступление на вторую позицию австро-венгерцев по линии Синькув, высоты 221 и 208 дивизия оказалась не в состоянии. Сюда стала прибывать с севера сводная австрийская группа из частей 5-й и 8-й кав. дивизий и 305-й полк 51-й гонведной дивизии. Сводная группа заполнила прорыв у Миткеу, 305-й полк выбил заамурцев из подступов к Окна и занял район восточнее этой деревни. К ночи австро-венгерцы заполнили прорыв между р. Днестр и выс. 272. 3-я Заамурская дивизия стала закрепляться на вновь занятом фронте протяжением около 4 *км* в $1^1/_2 — 2^1/_2$ *км* впереди своего исходного положения.

Севернее Днестра части 2-й Заамурской дивизии 33-го корпуса к 16 ч. 40 м. при содействии автоброневика овладели небольшим участком окопов противника в районе западнее Винятынце, потеряв при этом 700 чел. Что касается Сводного и 3-го конного корпусов, то они ограничились обстрелом находившегося перед ними противника.

Таким образом, к вечеру 4 июня на главном направлении части 11-го корпуса более или менее выполнили свою ближайшую задачу, потеснив противника и углубившись в его расположение на 1—2 *км*. Но это было достигнуто дорогой ценой. 11-я и 32-я дивизии потеряли[1] убитыми 15 офицеров и 1 500 солдат, ранеными

[1] Цифры потерь за 4 июня приблизительные. Выявление потерь и трофеев в течение 4 июня при той обстановке, которая создалась на поле боя, оказалось неразрешимой задачей. Более или

50 офицеров, 5 500 солдат и, кроме того, без вести пропавшими около 100 солдат, т. е. всего около 25% общего числа бойцов. Но достигнутые успехи, а именно: продвижение 3-й Заамурской дивизии в среднем также на 2 *км*, захват 11 640 пленных (из которых 7 500 были взяты 11-й и 32-й дивизиями)[1], 140 орудий и 20 пулеметов, наличие свежих резервов, достаточный еще запас огнеприпасов, несмотря на израсходование за один день 81 000 легких пушечных снарядов (производство более чем одного дня всей русской промышленности), 9 700 гаубичных и почти 8 000 тяжелых[2] — все это создавало некоторые предпосылки для успешного развития наступления. Но оно могло быть выполнимо в более или менее крупном размере лишь по взятии высот 272 и 458. Полки 11-й и 32-й дивизий на это были неспособны. Они долго не могли быть приведены в порядок. Настроение их, несмотря на подъем духа, было нервным.

Командующий армией передает в 11-й корпус только что полученные из фронтовых складов по 100 гранат (бомб) на каждое легкое орудие, 1-ю бригаду 12-й пехотной дивизии, направляемую затем Баранцевым из района Шиловцы в Блищадь, оставляя 2-ю бригаду этой дивизии пока на месте (в районе Должок), и приказывает Сводному корпусу, ввиду оттяжки с его фронта резервов противника в район Миткеу, Доброноуц, действовать более энергично, а 11-му корпусу отдает распоряжение 5 июня взять эти обе высоты[3].

менее точно потери удалось установить только к вечеру 5 июня. За 2 дня боя 4 и 5 июня 11-я и 32-я дивизии потеряли убитыми 20 офицеров и 1 719 солдат, ранеными 72 офицера и 7 550 солдат, без вести пропавшими 1 390 солдат, т. е. всего около 35% общего числа бойцов. Большая часть пропавших без вести попала в плен при контратаках австро-венгерцев.

[1] Кроме того, были захвачены 233 офицера, в числе которых командиры и почти все офицеры 29-го и 30-го гонведных полков 40-й гонведной дивизии (79-й бригады).

[2] Расчет расхода снарядов в 9-й армии 4 июня—см. приложение 4.

[3] Приказ № 1506 от 23 ч. 30 м. 4 июня и доклад нач. штаба 11-го корпуса ген. квартирмейстеру 9-й армии (В. И. А., Д. 56—599). Между прочим пулеметная рота и обозы 48-го полка 6 июня во время движения из д. Должок в район Динауцы подверглись обстрелу с воздуха австрийским самолетом с небольшой высоты,

Почти вся артиллерия находится на своих исходных позициях. За ночь продвигаются вперед лишь горная батарея в Чарны Поток; ей помогают заблаговременно заготовленные мостки для перехода через окопы и полторы легких пушечных батареи к западной окраине Баламутовка. Сопровождению пехоты остальными батареями препятствует противник, занимающий высоты 272 и 458, и отсутствие впереди мало-мальски удовлетворительных наблюдательных пунктов и позиций.

Положение продвинувшейся вперед пехоты, лишенной достаточно продуктивной поддержки артиллерии, продолжает оставаться трудным. Сюда спешат с юга походным порядком, на автотранспорте и по железной дороге части трех полков 5-й австрийской пех. дивизии, причем часть 53-го полка направляется для поддержки 3-й кав. дивизии, а 9-я бригада ее (54-й и 93-й полки) и 5-й полк 51-й гонведной дивизии с севера в район Окна, Похорлоуц. Кроме того, из группы ген. Гадфи и из 11-го корпуса сюда идут по одной батарее, вследствие того, что помимо орудий, захваченных русскими, 32 [1] подбиты. 126-й полк 5 июня вновь атакован противником со стороны Хорошоуц. Со стороны Окна к выс. 272 идут свежие батальоны 5-го пех. полка австро-венгерцев.

11-я русская дивизия тем не менее возобновляет попытки взять выс. 272 с юга со стороны кордона „П“ и с севера от Чарны Поток[2], а 32-я дивизия нацеливается на выс. 458. Но все это не приводит ни к чему. При поддержке частей 5-й пех. дивизии остатки 40-й гонведной дивизии и 42-я гонведная дивизия немедленно же отбивают все попытки русских возобновить наступление.

он выпустил 50 патронов, но безрезультатно (В. И. А., Д. 66—216, стр. 15 и 16). 2-я бригада 12-й дивизии была передана ген. Брусиловым в армейский резерв.

[1] „Österreich-Ungarns letzter Krieg“, стр. 423.

[2] Официальные донесения (В. И. А., Д. 56—599) вновь говорят, что выс. 272 была взята русскими 5 июня. Это же повторяет по русским источникам „Österreich-Ungarns letzter Krieg“ на стр. 424. Но это неверно. Эта высота неизменно оставалась в руках австрийцев.

Неудачны активные действия и 3-й Заамурской дивизии. После артиллерийской подготовки, длившейся 2 ч. 30 м., дивизия своим центром преодолевает сильное сопротивление противника, овладевает хребтом 221—208, врывается при содействии двух автоброневиков в Окна, обстреливаемое русскими 107-*мм* пушками из района Баламутовка, а 152-*мм* и 120-пудовыми пушками из района восточнее Самушин, левым флангом подходит к отм. 251 и захватывает 800 пленных. Но от отм. 248 (восточнее Похорлоуц) и со ст. Окна части 5-й и 51-й гонведной дивизий идут в контратаку. Заамурцы под прикрытием автоброневиков отходят в беспорядке в исходное положение. Австро-венгерцы вновь закрепляются на хребте 221—208. Это неудачное наступление стоило 3-й Заамурской дивизии больших потерь [1].

В ее полках осталось по 800— 900 солдат и 15—18 офицеров. На некоторое время она стала не вполне боеспособной.

Большие потери, понесенные 5 июня 11-м корпусом и 3-й Заамурской дивизией, не смутили командование. Дополнительный отпуск корпусу снарядов, обещание 7-й русской армии наступать против северного фланга 7-й австро-венгерской армии и продвижение вперед

---

[1] В. И. А., Д. 68—562, стр. 43 и Д. 68—553, стр. 21. По поводу этого неудачного наступления командир 41-го корпуса Белькович 5 июня в 17 час. писал начальнику дивизии Осипову: „Печальный случай, имевший место сегодня, когда части вашей дивизии, зарвавшись, вынуждены были отойти, показывает, что мое приказание, посланное вам по телеграфу сегодня в 8 ч 50 м. за № 2779/4, коим ближайшей задачей ставилось занятие рубежа Миткеу 221—208 и 253, действуя на левом фланге в полной связи с 11-м корпусом, не было исполнено. При этом вы просили у меня передать вам почти весь корпусный резерв. Значит, к этому времени резерв и полков, и бригад, и ваш дивизионный уже были израсходованы. Придется вывести заключение, что резервы преждевременно израсходовались, что лишает, очевидно, возможности управлять. Приказываю мои директивы исполнять... привести в порядок отступившие части, образовать резервы, полковые не менее батальона и дивизионный, и после этого вернуть батальон Березанского полка (74-й дивизии) в корпусный резерв. Нахожу, что приказание командующего армией о дальнейшем наступлении должно быть сегодня исполнено".

еще нескольких батарей (1-й дивизион 11-й арт. бригады в Чарны Поток, 2-й на западную окраину Баламутовка) побудили ген. Баранцева отдать распоряжение 11-й дивизии с 75-м полком 6 июня взять выс. 272 и затем наступать на фронт[1] Похорлоуц, фл. Влайко вкл., трем полкам 19-й дивизии выйти на фронт фл. Влайко искл., Доброноуц искл., а 32-й дивизии овладеть Доброноуц и выс. 458. Донцы должны были выдвинуться в Баламутовка, откуда развивать ожидаемый успех, следуя в район Похорлоуц, Доброноуц. 1-я бригада 12-й дивизии корпусного резерва к утру 6 июня располагается в убежищах западнее Ржавинцы, 2-я бригада этой дивизии (армейский резерв) сосредоточивается в Шиловцы. Текинский кон. полк переходит в Блищадь, а 41-му корпусу передается бригада Туземной дивизии.

В то время как русские перегруппировываются, австро-венгерцы стягивают в район восточнее Юркоуц свежие силы с других участков своей 7-й армии. Сюда с юга из района 11-го австро-венгерского корпуса идут 3 батальона 202-й гонведной бригады и часть 1-го полка 5-й дивизии. Ныне ген. Бенигни располагал свыше чем четырьмя пехотными и двумя кавалерийскими дивизиями[2], причем во втором эшелоне находились 3 полка; кроме того, эта группа получила 37 орудий. Положение австро-венгерцев, казалось, значительно улучшилось.

Русские знали о значительном усилении противника на главном направлении. Однако, обстановка представлялась им смутной. Все это в связи с тяжелым положением пехоты 11-го корпуса и дождливой погодой, до полудня 6 июня мешавшей артиллерии начать артиллерийскую подготовку, привело к тому, что попытки возобновить наступление и взять в этот день высоты 272 и 458 также окончились неудачей.

---

[1] В. И. А., Д. 151—809.

[2] 42-я гонведная, бывшая 30-я пех. бригада 5-й пех дивизии, бригада 36-й пех. дивизии, 1/2 202-й гонведной бригады, остатки 79-й бригады, 40-й гонведной дивизии, отведенной в тыл и пополненной до 3 000 чел., части двух полков 51-й гонведной дивизии, 3-й и 8-й кав. дивизии.

В 11-й дивизии, имевшей в резерве за своим правым флангом 3 батальона 75-го полка, на выс. 272 тщетно наступали с севера 41-й полк, с востока 2 батальона 42-го полка и с юга по одному батальону 44-го и 75-го полков. В последующем до 9 июня, несмотря на необходимость экономить некоторые виды снарядов, Бачинский упорствовал в своем желании овладеть этой высотой. Эта настойчивость стоила значительных потерь, но не привела к каким-либо заметным результатам. Камчатцам, подкрепленным частью 73-го полка, 7 июня удалось продвинуться лишь к середине южного склона выс. 272.

Несколько лучше шли дела севернее Днестра в 33-м и 41-м корпусах. Группа ген. Гадфи, лишившись части 51-й гонведной дивизии, не была в состоянии с надеждой на успех удерживать этот район (схема 3). Поэтому южное крыло ее (5-я гонведная кав. дивизия) в ночь на 6 июня начало постепенно отход за Днестр, оставив в Синькув орудие и большой склад имущества, а 21-я ландверная дивизия пока оставалась в Залещикском предмостном укреплении на фронте Усьцечко, Бедриковце. К вечеру 6 июня части 5-й гонведной кав. дивизии заняли правый берег этой реки на участке Репужиньце, Зажулиньце. 8-я кав. дивизия расположилась в районе Таутена. Части 2-й Заамурской дивизии только на рассвете последовали за противником и заняли восточный берег Днестра от Бедриковце до Косьциельники, одновременно сменив на участке Косьциельники, Синькув бригаду 74-й дивизии, назначенную в армейский резерв.

Генерал Бенигни, стремясь не подвергать северный фланг 42-й гонведной дивизии обходу с севера из-за Днестра, в ночь на 6 июня стал отводить ее на запад на сильную позицию Зажулиньце, ст. Окна, выс. 251. Три полка 51-й гонведной дивизии, переданные в его распоряжение, он перевел из Таутена в район к югу от Похорлоуц, куда полки прибыли 6 июня после полудня.

Части 3-й Заамурской дивизии тотчас же заняли укрепленный хребет 221—208 и, сопровождаемые плетущейся позади бригадой Кавказской туземной дивизии, к полудню после кратковременного боя овладели

северной частью м. Окна, имея правый свой фланг восточнее Зажулиньце, а левый — восточнее отм. 251. Был момент, когда 1-я Донская каз. дивизия и бригада Кавказской туземной дивизии, казалось, могли развить успех 3-й Заамурской дивизии. Однако, никакого стремления к таким действиям они не проявили. К вечеру 6 июня донцы отошли на ночлег[1], частью даже на северный берег Днестра, а кавказцы стали в Самушин.

Если в Сводном и 3-м кон. корпусах положение оставалось без изменений[2], то очищение австро-венгерцами на фронте 9-й армии левого берега Днестра и овладение русскими частью м. Окна должны были создать предпосылки для дальнейшего развития успеха. К этому побуждали и успехи остальных армий юго-западного фронта, особенно соседней 7-й армии. 6 и 7 июня 2-й корпус этой армии овладел участком неприятельской позиции в районе восточнее Язловец, отбросил австро-венгерцев за р. Стрыпа и взял 9000 пленных.

Но непосредственно перед 33-м корпусом севернее Зажулиньце находились р. Днестр и сильное предмостное укрепление г. Залещики[3]. Этот слабый корпус, занимавший не пропорциональный его силам участок, естественно, не был в состоянии форсировать эту речную преграду и овладеть г. Залещики. На направлении же главного удара получившие сильные подкрепления австро-венгерцы стойко держались. С прежними силами сбить их с упоминавшихся высот нельзя было и мечтать. 9-я армия за 4—6 июня потеряла 13 000 чел. Поэтому 7,8 и 9 июня части 9-й армии использовали на закре-

[1] 1-я бригада в Миткеу, 2-я — в Колодрубка. После этого 1-я Донская дивизия была передана в 33-й корпус, где заняла по распоряжению Лечицкого оборонительный участок в районе, прилежащем к Миткеу.

[2] Имела место лишь небольшая газовая атака австро-венгерцев восточнее Черновиц на участке 412-го полка, от которой пострадали 40 русских. В продолжение этих дней австро-венгерская авиация особенно тщательно разведывала район Сводного корпуса. Здесь произошел ряд воздушных боев. Один из них кончился для русских неудачно: русский самолет был сбит, летчик и наблюдатель погибли.

[3] Весь участок севернее Днестра 6 июня перешел в 33-й корпус.

пление своего нового положения [1], на пополнение своих потерь и боевых запасов [2], на подготовку к дальнейшему наступлению, назначенному на 10 июня, и на перегруппировку.

В 7-й русской армии части 16-го и 2-го корпусов в районе Язловец и южнее 8 июня переправились через р. Стрыпа и продвинулись на 2—3 *км*.

Расширение прорыва

(схема 5)

8 и 10 июня Лечицкий получил от Брусилова новые директивы, которыми предписывалось армиям фронта возобновить наступление для обращения достигнутого тактического успеха в стратегический. 9-я армия должна была продолжать выполнение своей задачи. Она могла рассчитывать в случае надобности на 113-ю дивизию, прибывавшую в Проскуров [3].

Приказ Лечицкого от 8 июня [4] в общем правильно оценивал расположение австро-венгерцев: у Залещики одна пехотная дивизия, правый берег Днестра наблюдается конницей; их главные силы для противодействия наступлению 9-й армии сосредоточены между Днестром и лесной полосой, что к югу от Кучурмик и Доброноуц. 9-й армии предписывается прорвать расположе-

---

[1] Не считая ненужных попыток Бачинского взять выс. 272 и частных боев в 32-й пех. дивизии.

[2] 6 июня в распоряжение Баранцева для несостоявшейся атаки выс. 458 были переданы 5 000 шрапнелей, 1 500 гранат, 1 800 осадных бомб, 1 400 легких гаубичных бомб — последний запас Лечицкого. Расход ружейных и пулеметных патронов с 4 по 6 июня втрое превышал все опытные данные за прежние бои. Определить, сколько ружейных и пулеметных патронов расходовалось в предшествовавших боях, не удалось. В бою 4 июня в 9-й армии было израсходовано 2 400 000 патронов. В частности 3-я Заамурская дивизия, по словам нач. штаба этой дивизии (В.И.А., Д. 69—028), с 4 по 14 июня, но вернее с 4 по 9 июня, когда дивизия принимала участие в боях, израсходовала 1 543 264 патрона, т. е. в сутки в среднем по 260 000 на 12 672 винтовки и официально на 39, а фактически, вероятно, на 100 станковых пулеметов.

[3] Кавказская туземная дивизия должна была перейти в 7-ю армию, но фактически оставалась в составе 9-й армии.

[4] № 01580 от 8 июня (В. И. А., Д. 57—019, стр. 83).

ние противника в направлении на фронт Похорлоуц, Юркоуц. При этом 11-й корпус с бригадами 12-й и 19-й дивизий должен, „удерживаясь левым флангом у выс. 458, атаковать противника совместно с 12-м корпусом в общем направлении на Юркоуц, т. е. выс. 458 обходится с севера. 41-й корпус (74-й пех. дивизия; бр. 3-й Заамурской дивизии) атакует вдоль южного берега р. Днестр, два полка 3-й Заамурской дивизии выделяются в армейский резерв, 33-й корпус с 1-й Донской каз. дивизией [1] и Сводный корпус, по смене им 3-го кон. корпуса на участке от р. Гукеу до р. Прут, должны были удерживать занимаемое ими положение, а 3-му кон. корпусу, по предложению его командира, была поставлена задача [2]: „10 или 11 июня переправиться через Прут и захватить Черновиц. Дальнейшие действия корпуса — в зависимости от сложившейся обстановки".

Развертывание обеих сторон

В соответствии с этим приказом части 9-й армии к утру 10 июня развернулись: на северном берегу Днестра на фронте протяжением 46 *км*—33-й корпус, имевший на фронте от м. Латач до Зажулиньце 4 полка Кавказской туземной дивизии [3], 1-ю Заамурскую пехотную и 1-ю Донскую каз. дивизии, последнюю южнее Касперовце.

Южнее Днестра от восточной окраины Зажулиньце до выс. 458 на фронте протяжением около 19 *км* развернулись: 41-й корпус, состоявший из 2-й Заамурской пех. дивизии, расположенной от Днестра до Окна искл. на участке 4 *км*, и двух полков 74-й дивизии, находившихся южнее до выс. 253 на участке в 2 *км*; 11-й корпус: 1-я бригада 12-й дивизии, занявшая участок в ночь на 10 июня до отм. 237 вкл. протяжением около 3 *км*, имея 2-ю бригаду этой дивизии во втором эшелоне, 11-я дивизия до Винокуренного завода на участке

[1] Дополнительным распоряжением 1-ю Донскую каз. дивизию указывалось в случае успеха двинуть на Заставна, Кучурмик.

[2] Директива № 1583 от 9 июня (В.И.А., Д. № 57-019, стр. 85).

[3] В Кавказской туземной дивизии было 6 полков по 6 эскадронов, 2 полка были в 41-м корпусе.

свыше 5 *км* и 32-я пех. дивизия до выс. 458 на участке в 5 *км*. В корпусных и армейском резервах оставались дивизии: 3-я Заамурская по-бригадно в Миткеу и Филипковце и 19-я пехотная по-бригадно близ Охотничьего дома (в резерве ген. Брусилова) и в Ржавинцы [1].

Австро-венгерцы [2] занимали западный берег Днестра от Латач до Дорошоуц на протяжении 46 *км* 6-й и 5-й гонведными кав. дивизиями, имея в Залещикском предмостном укреплении 21-ю ландверную дивизию. Южнее Днестра до выс. 272 вкл. на участке протяжением 11 *км* австро-венгерцы развернули 8-ю кав. дивизию с 305-м гонведным полком, 42-ю гонведную дивизию (восточнее Похорлоуц), 9-ю бригаду 5-й пех. дивизии (на выс. 272) и 30 ю пех. дивизию с половиной 202-й гонведной бригады и частью 51-й гонведной дивизии (южный склон выс. 272 и фл. Влайко). От выс. 272 искл. до выс. 458 вкл. на фронте в 8 *км* позицию занимали: 3-я кав. дивизия и бригада 36-й пех. дивизии (выс. 458). На всем остальном протяжении 7-й армии до румынской границы на фронте в 31 *км* располагались: 24-я пех. дивизия, 80-я бригада 40-й пех. дивизии, половина 202-й бригады, полк 5-й пех. дивизии и группы ген. Паппа и ген. Шольца. При этом войсками севернее выс. 458 командовал ген. Бенигни, а южнее—командир 11-го корпуса ген. Корда.

В резерве были 6 свежих батальонов 51-й гонведной дивизии в районе Похорлоуц, по батальону 42-й гонведной и 30-й пех. дивизий в Юркоуц и 1-й полк 5-й пех. дивизии южнее Доброноуц. Таким образом, на фронте

---

[1] Штабы корпусов располагались: 41-го корпуса—Гермакувка, 11-го корпуса — в Блищадь, Сводного — в Динауцы. Наблюдательные пункты к мандиров корпусов были: 41-го корпуса—на выс. 231, что южнее Миткеу, 11-го корпуса—на высоте юго-восточнее Баламутовка.

[2] Сведения об австро-венгерцах выяснились после боя и изложены в русских разв. сводках (В. И. А., Д. 152—435 и 151—811), крайне противоречивых и путаных. Отчасти это объясняется тем, что в результате боя 4 июня австро-венгерские дивизии были сильно раздерганы, и до 10 июня восстановить и без того сумбурную организацию армии Пфлянцер-Балтин был не в состоянии.

Выше приведены данные „Österreich-Ungarns letzter Krieg", стр. 440 и 441.

в 20 *км* от Дорошоуц до выс. 458 против $4^1/_2$ австро-венгерских пех. и двух кав. дивизий располагались 6 русских пех. дивизий. О готовящемся возобновлении наступления русских австро-венгерцы не знали.

Наступление русских

С 4 час. до 10 час. 10 июня русская артиллерия ведет подготовку, особенно интенсивно с 7 час. по району к югу от м. Окна и по выс. 272. После 10 час. русская пехота разновременно переходит в наступление. Австро-венгерцы открывают сильный огонь.

Полки 2-й Заамурской и 74-й дивизий быстро продвигаются на фронт Дорошоуц, Похорлоуц, неся довольно большие потери. Около 11 час. заамурцы, преследуя отступающий 305-й гонведный полк, подходят к восточной окраине Дорошоуц неожиданно для занимавших ее частей 5-й кав. дивизии и к отм. 203, что западнее Окна, оттесняя части 8-й кав. дивизии, а 74-я дивизия овладевает предварительно обстрелянными 107-*мм*, 152-*мм* и 120-пудовыми пушками ст. Окна и выс. 279.

Свежая 12-я дивизия из района Чарны Поток, поддерживаемая 90 орудиями, в том числе 12 тяжелыми[1], энергично рванулась вперед на 42-ю гонведную дивизию, находившуюся в 350 *м* впереди ее правого фланга, в 600 *м* против центра и в 300 *м* против левого фланга. Взяв всю первую укрепленную полосу австро венгерцев, части 12-й пех. дивизии выходят на фронт искл. выс. 279, отм. 251, выс. 265, приблизившись к Похорлоуц. На выс. 272 части 9-й бригады 5-й пех. дивизии продолжают держаться. Все попытки камчатцев (44-й пехотный полк) взобраться на нее с востока отбиваются.

К этому времени, к 12 час., 48-й полк 12-й дивизии обтекает эту высоту с запада, отвлекая на себя ударные группы полков 9-й австро-венгерской пех. бригады. В первом ее эшелоне видно замешательство. Камчатцы

---

[1] Полки 12-й дивизии имели 2 батальона в первом и 2 батальона во втором эшелонах. Бойцы получили по 200 патронов (В. И. А., Д. 66—216, стр. 18).

пользуются этим благоприятным моментом, идут быстро вперед, несут значительные потери, но все же захватывают высоту с обороняющим ее 54-м австрийским полком 5-й дивизии[1]. Но не успели еще камчатцы устроиться на ней, как из Похорлоуц внезапно показываются 6 батальонов 51-й гонведной дивизии, идущих без выстрела, но при мощной поддержке артиллерии в контратаку в отличном порядке по обоим берегам р. Чарны Поток против правого фланга 12-й дивизии. Отдельные орудия и взводы австро-венгерской артиллерии местами галопом выезжают на открытые позиции для того, чтобы поддержать свою атакующую пехоту и остановить попытки 12-й дивизии продолжать движение вперед.

Артиллерия 11-й и 12-й дивизий[2] импровизирует перед фронтом 12-й дивизии неподвижный заградительный огонь и бьет по появляющимся орудиям противника. Часть последних не может сняться с передков. В других случаях орудийный расчет бросает орудия, успевшие занять позиции, и устремляется бегом в тыл. Но русская огневая завеса оказывается проницаемой. Контратака мадьяр и огонь их так действуют на части 12-й пех. дивизии, что она, а также и левый фланг 74-й дивизии в беспорядке откатываются назад в лощину севернее выс. 265. Здесь командный состав приводит их в порядок. Несколько попыток 12-й дивизии выйти из лощины для возобновления наступления останавливаются огнем австро-венгерской артиллерии и пехоты, который еще больше рассеивает русские полки. Приведение их в порядок производится с трудом.

Австро-венгерская пехота, обстреливаемая огнем русской артиллерии, приостанавливается, не дойдя до отм. 248, но затем неоднократно возобновляет насту-

---

[1] Некоторую роль в стремительном движении вперед камчатцев сыграл начальник 11-й дивизии Бачинский. Видя благоприятно слагавшуюся обстановку и не желая дать возможность пожать лавры соседу, Бачинский с телефонистами покинул свой наблюдательный пункт на высоте севернее Баламутовка и пошел уговаривать подавленных камчатцев возобновить наступление.

[2] В районе Чарны Поток к этому времени развернулась почти вся артиллерия 12-й дивизии.

пление все с меньшим числом бойцов и с меньшим успехом. Наконец, мадьяры окончательно останавливаются в районе отметок 248 и 251 отныне уже упорядоченным огнем русской артиллерии. Взрывы, появляющиеся на ст. Юркоуц, пожар в деревне того же наименования, виднеющийся отход обозов и появление на выс. 272 камчатцев действуют на 12-ю дивизию ободряюще, и она быстро и доблестно идет вперед, видя правее себя передовые части 2-й бригады 19-й дивизии, которая подходит к Чарны Поток. Мадьяры не выдерживают атаки и почти целиком сдаются в плен [1]. 12-я дивизия быстро продвигается восточнее шоссе Похорлоуц, Юркоуц, несмотря на то, что описанный бой чувствительно потрепал и смешал ее части. Некоторые ее роты к вечеру оказались на участке не только 11-й, но и 32-й дивизий.

В то время как в 12-й дивизии происходят описанные события, 11-я дивизия с фронта выс. 272, Винокуренный завод наступает на Юркоуц. По достижении ею линии отм. 246, западная окраина фл. Влайко перед ней внезапно появляются из лощин, находящихся в районе Молочной фермы, что северо-восточнее Юркоуц, густые цепи противника силой до двух полков. То были: 1-й полк 5-й пех. дивизии, направленный из района южнее Доброноуц через Юркоуц в район севернее Похорлоуц в резерв ген. Бенигни, батальон 13-го полка 5-й пех. дивизии и батальон 26-го полка 42-й гонведной дивизии, находившийся в Юркоуц [2]. Они при поддержке сильного артиллерийского огня направляются к выс. 272. Многие русские батареи снялись со старых позиций и в этот момент спешат вперед догонять свою пехоту, но, вынужденные пре-

---

[1] 12-я дивизия за день взяла в плен 100 здоровых офицеров, в том числе командира 26-го гонведного полка 42-й гонведной дивизии, и 4 000 здоровых солдат.

45-й Азовский полк в этот день потерял 1 799 чел., но захватил 16 целых пулеметов, 2 918 винтовок, 20 офицеров и 1 150 солдат (В. И. А., Д. 66—625, стр. 472 и 479), а 48-й пех. Одесский полк потерял 305 чел., а захватил 12 офицеров и 1 500 солдат (В. И. А., Д. 66—216, стр. 19).

[2] Об этом можно судить по захваченным пленным. „Österreich-Ungarns letzter Krieg" на стр. 442 обо всем этом говорит глухо.

одолевать целый лабиринт окопов, ходов сообщения и проволочных заграждений, они сильно отстают. При этих условиях в рядах 11-й дивизии заметно замешательство, которое может плохо кончиться. Генерал Баранцев, израсходовавший к этому моменту весь свой резерв, опасается за исход боя в этом районе и сомневается в возможности удержаться на выс. 272. Единственной свежей частью, находящейся в его распоряжении, является Текинский кон. полк под начальством полк. Зыкова, который о моменте действий должен получить указания от начальника 12-й дивизии. Так как к этому времени его полки уже сломили сопротивление австро-венгерцев, то он отдает распоряжение Зыкову итти вперед для развития успеха [1].

Текинцы, имея 360 всадников на добрых конях, идут в Чарны Поток. Там они проходят через укрепленные полосы, в колонне по одному. Около 13 час. полк развертывается на широком фронте, вследствие наличия в районе многих окопов и проволочных заграждений, и полевым галопом идет восточнее, а частью западнее Похорлоуц и по самому селению на Юркоуц [2], пока в тылу 12-й дивизии, не зная еще, с каким противником придется иметь дело. Миновав 12-ю дивизию, текинцы неожиданно встречают упомянутые густые цепи, внезапно атакуют их в конном строю и создают в их рядах неописуемую панику, захватывают 1 500 пленных и направляются дальше на юг, преследуя остатки 8-й кав., 51-й гонведной и 42-й гонведной дивизий, бегущих на юг, а частью на запад к Валява. Положение их крайне тяжелое, тем более что район Валява был загроможден в панике бегущими обозами. Атаку текинцев отбивает саперная рота, открывающая с северо-восточной окраины д. Валява по ним огонь.

[1] Баранцев и штаб корпуса долго считали, что Зыков пошел в атаку по своей инициативе. О распоряжении начальника 12-й пех. дивизии см. В. И. А., Д. 151—809.

[2] В делах В. И. А. 57—020 и 57—021, стр. 4, имеются документы, говорящие, что текинцы атаковали через Онут только западнее Похорлоуц. Это неверно. Подтверждением этого может служить и то, что Онут находилась в полосе 41-го корпуса, который наступал западнее Похорлоуц, а Текинский кон. полк составлял корпусную конницу 11-го корпуса.

Текинцы, стесненные в своих действиях проволочными заграждениями и окопами тыловой позиции, отбрасываются этим огнем в болотистое пространство северо-восточнее Валява, несут потери и скачут обратно в Похорлоуц [1]. Полки 11-й и 12-й дивизий, ободренные успехом и атакой текинцев, которую все они наблюдали, забывают об усталости, потерях и бодро идут вперед, тесня остатки 9-й бригады 5-й пех. дивизии, отходящие на Боянчук.

К вечеру обстановка для 3-й австро-венгерской кав. дивизии и бригады 36-й пех. дивизии на выс. 458 слагается неблагоприятно. Под угрозой с фронта и обхода со стороны Доброноуц полками 32-й дивизии, после незначительного боя, сопровождаемого взрывом трех австрийских горнов и нескольких малых фугасов, защитники, наконец, оставляют эту высоту — оплот всей позиции противника на фронте 32-й дивизии.

В 41-м корпусе происходят следующие события: 2-я Заамурская дивизия и бригады 74-й и 3-й Заамурской [2] дивизий наступают согласно указаниям ген. Лечицкого на юго-запад, в общем направлении на фронт Заставна, Юркоуц, не встречая большого сопротивления отходящих и потерявших всякое управление австро-венгерцев. При этом 6-й Заамурский полк идет на Заставна. На уровне его цепей следует 2-я батарея 1-го конно-горного дивизиона полк. Ширинкина [3]. В Заставна видны спешно отходящие на запад группы неприятельской пехоты, а на шоссе — батарея, как потом оказалось, 3-я батарея 5-го арт. полка. Ширинкин, зная об отсутствии поблизости нашей конницы и не желая упустить эту добычу, решил направить для преследования ее орудийный расчет своей батареи. 60 конноартиллеристов, имея во главе Ширинкина и всех

[1] Сам Зыков был ранен в ногу. Потери полка во время атаки: убито 2 офицера и 16 всадников, контужено 3 офицера и ранено 42 всадника, лошадей убито 59 и ранено 47, т. е. полк потерял 18% людей и 29% лошадей (В. И. А., Д. 151—809).

[2] Бригада 3-й Заамурской дивизии была выдвинута из корпусного резерва.

[3] Деятельность Ширинкина описана в рапорте Лечицкого Брусилову от 6 июня № 0.773. (В. И. А., Д. 57—570, стр. 89 и Д. 56—571, стр. 60).

офицеров, врываются в Заставна. Отсюда 40 всадников догоняют австрийскую пехоту, а 20 во главе с кап. Насоновым — ускользающую батарею. Первая группа рассеивает отступающих пехотинцев и берет в плен 150 чел. Вторая группа нагоняет австрийскую батарею. Ее личный состав отстреливается из карабинов и револьверов. Но командир ее падает с разрубленной шеей, а ездовые и лошади головного орудия расстреливаются в упор из револьверов. В результате батарея останавливается и сдается [1]. Австрийские пехотинцы, видя гибель своей батареи, открывают по русским конноартиллеристам беспорядочный огонь. Но, несмотря на это, последние увозят захваченную батарею в штаб дивизии.

Между Дорошоуц и Похорлоуц на протяжении 7 *км* в австро-венгерском расположении явный прорыв, однако, русские не сразу его определяют и не используют [2], а продолжают двигаться в точно указанных направлениях.

К наступлению темноты части 41-го корпуса выходят на фронт Дорошоуц, Заставна, выдвинув далее на запад свое охранение; 11-й корпус — на линию ст. Юркоуц, д. Юркоуц (12-я дивизия), Боянчук, Хорошоуц (11-я дивизия), Доброноуц, выс. 458 (32-я дивизия), почти потеряв соприкосновение с противником. В Сводном корпусе 82-я дивизия взяла участок австро-венгерской позиции севернее Коленкоуцы [3], а в 3-м кон. корпусе 10-й гусарский полк переправился через Прут у румынской границы, ворвался в Вама, но был выбит австро-венгерцами обратно на восточный берег реки.

---

[1] Взято в плен 2 офицера, 79 солдат, 4 исправных орудия с 30 лошадьми. Потери русской батареи — 1 убитый, 2 раненых солдата и несколько лошадей.

[2] Начальник штаба 11-го корпуса 10 июня телеграфировал начальнику штаба армии: „Нет ли свободной кавалерийской дивизии под рукой, трофеи могут быть очень большие, противник в полном беспорядочном отступлении и только держится на выс. 458 и южнее. Текинцы работают отлично, но их мало" (В. И. А., Д. 57—020, стр. 31).

[3] В этот день с австрийских самолетов было сброшено безрезультатно 5 бомб в расположение частей 103-й дивизии восточнее Раранче и в аэростат у Санкоуцы.

В 33-м корпусе в 11 час. 1-я Заамурская дивизия безрезультатно атаковала Залещикское предмостное укрепление, а 1-я Донская казачья дивизия приступила к переправе через Днестр у Синькув для преследования группы ген. Бенигни в общем направлении на фронт Заставна, Кучурмик.

Таким образом, 10 июня 9-я армия имела крупный успех. Это был день торжества ее. После тяжелых боев 41-й и 11-й корпуса опрокинули австро-венгерцев, принудили их к беспорядочному отступлению, преследовали их, насколько позволяли их силы, захватили 10 орудий и взяли в плен 1 генерала, 347 офицеров и 18 000 солдат [1].

Отход 7-й австро-венгерской армии и преследование ее 9-й русской армией

(схема 5)

Пфлянцер-Балтин, узнав о неблагоприятном для него ходе боя 10 июня, сначала приказал своему правому крылу — группам ген. Бенигни и ген. Гадфи — отходить в Буковину за р. Прут, куда тотчас же после начала боя стали отводиться обозы этих соединений. Но в 15 ч. 30 м. [2] Пфлянцер-Балтин отдал приказ, изменяющий первоначальные его указания. Отныне главная задача 7-й австро-венгерской армии — прикрытие района Станиславов — Коломыя. Обеспечение Буковины есть вспомогательная задача, возлагаемая на 11-й корпус. Положение корпуса Бенигни, который уже начал отход на юг, было трудным, так как ему, отступавшему под давлением русских, приходилось менять направление своего отхода с южного на западное. 11-й австро-венгерский корпус должен был отходить

[1] Из них 11-й корпус взял 292 офицера, 13 260 здоровых солдат, 4 орудия, 39 пулеметов, 2 бомбомета и 7 минометов, в том числе 11-я пех. дивизия взяла вместе с ранеными 125 офицеров, 6 633 солдат, 20 пулеметов и 5 минометов (В. И. А., Д. 78—107, стр. 684). Некоторые документы указывают на 21 000 пленных, захваченных 9-й армией 10 июня (В. И. А., Д. 57—021, стр. 21 и 45). Эта цифра преувеличена.

[2] „Österreich-Ungarns letzter Krieg", стр. 443.

северным крылом назад за р. Прут к Глиница, а южный фланг — удерживать на месте у Вама на австро-румынской границе. Группа ген. Бенигни сначала должна была отходить на тыловую укрепленную позицию Кадобестие, Валява, а в течение 11 июня занять фронт Ставчаны, Ошехлиб. Севернее ее на фронте Залещики, Ставчаны должна была расположиться группа ген. Гадфи.

Между тем отсутствие каких бы то ни было сил для заполнения прорыва между Дорошоуц и Похорлоуц создало угрозу беспрепятственного движения русских на Заставна и далее на Коцман. Они могли выйти на фронт Кадобестие, Валява, указанный группе ген. Бенигни, раньше чем могли бы подойти сюда его части, пока отходившие на юг, и захватить большие обозы, следовавшие в полном беспорядке в несколько рядов и вперемежку с артиллерией на юг и на запад [1]. В этот тяжелый момент ген. Бенигни, находившийся на наблюдательном пункте восточнее Вербоуц, занял полевыми жандармами все пути, шедшие с поля сражения к р. Прут, чтобы свернуть отступавшие на юг части и обозы его на запад через Валява на Коцман и далее на фронт Ошехлиб, Ставчаны. Прикрытие этого движения с фронта в районе Юркоуц было возложено на остатки 42-й гонведной дивизии (в общем 3—4 батальона) и 1-го полка 5-й пех. дивизии. Особое беспокойство вызывало положение 30-й пех. и 3-й кав. дивизий с 72-й пех. бригадой (36-й пех. дивизии) в районе Доброноуц и южнее. Они обтекались русскими с севера, и возможность их отступления на запад некоторое время казалась сомнительной.

К наступлению темноты к Валява подошли усталые и „затравленные" батальоны 42-й гонведной, 51-й гонведной, 30-й и 36-й дивизий, перемешанные со спешенными частями конницы.

В случае давления русских группы генералов Гадфи и Бенигни должны были отойти еще далее на запад на 20—25 *км* на заблаговременно укрепленную позицию между Нежвиска и Волчковце. Но пока Пфлян-

[1] „Österreich-Ungarns letzter Krieg", стр. 445.

цер-Балтин стремился остановить их на линии ст. Стефанувка, Ставчаны, Ошехлиб. В действительности группа Гадфи после очищения Залещикского предмостного укрепления, о чем речь будет ниже, дотянулась 5-й кав. дивизией лишь до Юзенице. Остатки группы Бенигни расположились на фронте от Хливеште до Орошены, не заняв района Ставчаны, находившегося в стыке этих двух групп. Сюда из Городенка была направлена кавалерийская бригада Флука. 24-я пех. дивизия, включенная в состав группы Бенигни, должна была занять район Шипенце. Западнее его собирались 3-я и 8-я кав. дивизии и отдельная кав. бригада, составившие кав. корпус Брудермана. Таким образом, фронт между рр. Днестр и Прут, казалось, был в известной мере восстановлен. Только 24-я пех. дивизия, своевременно не получив в суматохе приказа об отходе в Шипенце, продолжала оставаться восточнее Шубранец, и движение ее на запад началось только около полудня 11 июня.

Русские не имели более или менее ясного представления о том, что 10—11 июня происходило у австро-венгерцев. По показаниям захваченных русскими пленных и авиации, австро-венгерцы спешно уходили частью на запад на Коломыя, частью на юго-запад за Прут. Вечером 9 июня стал спешно отходить и 11-й австро-венгерский корпус своим северным флангом назад к р. Прут, оставляя пока на месте свой южный фланг. Поэтому ген. Лечицкий, исходя из приказа ген. Брусилова 9-й армии наступать на фронт Станиславов, Коломыя, Куты, наблюдая своей кавалерией левый фланг, решил, прикрываясь со стороны Коломыя 33-м и 41-м корпусами, остальными соединениями армии разбить противника в районе Черновиц и взять этот город [1]. Для преследования противника [2] 41-й корпус был направлен на Коцман, с заслоном в сторону Залещики; 11-й корпус на Кучурмик, Шубранец; Сводный корпус на Махала; 1-я Донская дивизия — на Черновиц.

[1] В. И. А., Д. 57—023, стр. 11 и 85.

[2] Приказы № 01616 и 01627. Когда эти приказы подписаны, выяснить не удалось. Повидимому, 10 июня к вечеру (В. И. А., Д. 57—020, стр. 122).

33-й корпус должен в ночь на 11 июня атаковать Залещикское предмостное укрепление. В армейском резерве оставались 1-я бригада 3-й Заамурской дивизии, которая утром 11 июня должна была перейти в Окна, и 2-я бригада 19-й дивизии в районе Шиловцы, Малинцы[1]. Командир 33-го корпуса должен был выделить в свой резерв бригаду Туземной дивизии. Граница между 7-й и 9-й армиями шла от Латач на Станиславов, оба пункта для 9-й армии вкл. Между 33-м и 41-м корпусами — Василеу, Кисселеу, вкл. для 41-го корпуса; между 41-м и 11-м корпусами — Заставна, Коцман — вкл. для 41-го корпуса, между 11-м и Сводным корпусами — выс. 458, Садагура — вкл. для 11-го корпуса.

Выполняя этот приказ, 11 июня 9-я русская армия возобновила преследование. Успеху его способствовало то, что в ночь на 11 июня 21-я ландверная дивизия, как упоминалось выше, оставила Залещикское предмостное укрепление и ушла вместе с 6-й кав. и частью 5-й кав. дивизий за Днестр на Городенка, прикрывая свой отход арьергардами. 2-я бригада 3-й Заамурской дивизии двинулась на Веренчанка и вышла в район Кисселеу, Шишковце, пройдя за этот день около 25 *км*; 74-я дивизия заняла Коцман после перехода в 12 *км*, 1-я Донская казачья дивизия, идя с большим запозданием и как бы опасаясь перегнать свою пехоту, после незначительного боя с частями 24-й пех. дивизии, отходившими в район Шипенце, захватила восточную окраину Ошехлиб и более 2000 пленных, пройдя за день около 35 *км*[2].

11-й корпус, двигаясь дивизионными колоннами на юг[3] и сбивая разведку противника, прошел за день

[1] 1-я бригада 19-й пех. дивизии со 2-м дивизионом 19-й арт. бригады шла в район Бойян для смены 3-го кон. корпуса.

[2] Часть 24-й австрийской пех. дивизии, охваченная паникой, не удержалась в Шипенце и бежала на южный берег р. Прут в Глиница. Появление 1-й Донской каз. дивизии перед г. Снятын, куда к этому времени прибыл Пфлянцер-Балтин, вызвало вновь панику в частях 30-й и 36-й пех. див., особенно в обозах, наводнивших район Коломыя („Österreich-Ungarns letzter Krieg", стр. 447).

[3] 12-я дивизия шла на Кучурмик, 11-я дивизия — на Васлоуц, 32-я дивизия — на Чернавка. Штаб корпуса перешел в Кучурмик.

11 июня 15 *км* и достиг линии Нова Ляшкувка, Садагура, имея дивизии: на правом фланге в районе Нова Ляшкувка — 12-ю, в Шубранец — 11-ю, а в Садагура и севернее — 32-ю. В корпусном резерве в районе Кучурмик были 2-я бригада 19-й дивизии (передана из армейского резерва) и Текинский кон. полк; Сводный корпус занял очищенные противником Альтзучка и Махала.

Продолжавшееся продвижение русских принудило Пфлянцер-Балтина отдать распоряжение группам генералов Гадфи и Бенигни в ночь на 12 июня отойти на линию Нежвиска, Волчковце. 11-й корпус должен был, оборонять южный берег р. Прут от румынской границы до Глиница. А далее от Глиница до Волчковце между 11-м корпусом и группой Бенигни занял позицию кав. корпус Брудермана, подчиненный ген. Корда (командиру 11-го корпуса). 11-й корпус должен был, в случае если он будет вынужден оставить р. Прут, отходить по этапам в Карпаты. При этом кавалерийский корпус и 40-я гонведная дивизия должны были прикрывать пути на Куты, Визниц и Селетин, а бригада Паппа и сводная 10-я бригада — на юг, на Гура-Гумора.

„Группа Бенигни, — писал Пфлянцер-Балтин вечером 11 июня главному командованию [1], — неспособна оказывать какое-либо сопротивление неприятельскому наступлению до тех пор, пока ей не будет предоставлен кое-какой отдых". Поэтому необходимо отступить группе ген. Гадфи на Оттыня, группе ген. Бенигни — на Коломыя. Стремление удерживать линию Нежвиска, Волчковце, в случае возобновления наступления русских, может привести к неблагоприятным последствиям. „Возможность задержать наступление, — заканчивал свою телеграмму Пфлянцер-Балтин, — в настоящее время абсолютно исключена".

В ночь на 12 июня главные силы группы ген. Гадфи и Бенигни оторвались от русских и к полудню вышли на фронт Раковец, Слобудка Польна, Волчковце. Севернее их 15-я пех. дивизия отошла на западный берег р. Днестр, южнее — 24-я пех. дивизия по-бригадно перешла в Заблотув и Рудники.

---

[1] „Österreich-Ungarns letzter Krieg", стр. 448.

12 июня 1-я Заамурская дивизия форсировала Днестр у Иване и Добровляны[1], сбила арьергарды группы ген. Гадфи, взяла более 400 пленных и, сопровождаемая двумя бригадами Туземной дивизии, переправившимися у Иване, двинулась на Городенка. Кавказцы („туземцы") приняли на себя преследование австро-венгерцев и взяли около 500 пленных. 2-я Заамурская дивизия, возвращенная в 33-й корпус, заняла район Стефанувка, пройдя за два дня около 25 *км.*

41-й корпус своими полутора дивизиями (бригада 3-й Заамурской дивизии и 74-я дивизия) в этот день продвинулся только передовыми частями, и то незначительно, отбросив мелкие части противника на запад.

При дальнейшем незначительном и медленном продвижении на Черновиц 11-й корпус, в состав которого были включены 82-я и 103-я дивизии из расформированного Сводного корпуса, встретил сильное сопротивление 10-й австро-венгерской бригады (13-й полк 5-й пех. дивизии и группа Шольца), занявшей предмостное укрепление близ ст. Зучка. Здесь австро-венгерцы возвели хорошо оборудованную позицию, прикрытую 1 — 2 полосами проволочных заграждений по 4 — 5 рядов каждая. Фланги укрепления упирались в Прут. Попытка частей 32-й дивизии при содействии 54 орудий, из которых 10 тяжелых, под руководством подполк. Кирея 13 июня овладеть этим тэт-де-поном с налета потерпела неудачу. Приходилось организовывать более солидную ариллерийскую подготовку.

На всем остальном участке от Неполокивци до Боян австро-венгерцы (по порядку с запада 24-я пех. дивизия, 80-я бригада 40-й гонведной дивизии, 3 батальона 202-й гонведной бригады, 10-я бригада (на северном берегу реки), бригада Паппа, потеряв до 700 пленных[2], отошли, а местами были отброшены за Прут. При этом все мосты через эту реку они успели уничтожить. Вода в Пруте вследствие сильных дождей поднялась. Все броды закрылись. Понтонные средства

[1] Форсирование реки шло с большими трудностями вследствие недостатка переправочных средств.

[2] Из них 500 было взято 6-й сотней 2-го Екатеринодарского полка (дивизионная конница 32-й дивизии), заскакавшей им в тыл.

русских были далеко. Дороги испортились. Обозы отстали. Снабжение расстроилось. Люди устали. Ощущался недостаток живой силы. Поэтому развитие успеха было приостановлено по достижении авангардами 9-й армии к вечеру 13 июня линии Рашкув, Чернятын, Подвысока (2 пех. дивизии 33-го корпуса на фронте в 35 *км*), Стецова, Ошехлиб ($1^1/_2$ дивизии 41-го корпуса на фронте около 20 *км*), Шипенце, Мамайовце Старе, Садагура, Махала, Бойян ($5^1/_2$ дивизий 11-го корпуса на фронте 38 *км*), имевших впереди 1-ю Донскую каз. дивизию в Ханьковце и части 74-й дивизии в восточной части Снятын. Передовые части армии вступили в непосредственное соприкосновение с противником, местами, в частности на южном берегу Прута, занявшим укрепленные позиции. Русские части выслали вперед разведку, спешно готовясь к возобновлению наступления. В резерве Лечицкого оставались: 3-й кон. корпус (10-я кав. и 2 бригады Туземной дивизии) в районе Коцман[1], 2-я бригада 3-й Заамурской дивизии в Юркоуц, 1-я бригада 19-й дивизии на пути из района Бойян в Валява[2]. Терская каз. дивизия была передана в резерв 11-го корпуса. На левом фланге соседней 7-й армии восточный берег Днестра удерживала 6-я Донская каз. дивизия.

Результаты наступления 9-й армии с 4 по 13 июня

9-я армия, наступавшая на фронте в 90 *км*, в центре на главном направлении за 10 дней продвинулась на 50 *км*, на правом фланге — на 15 *км*, придерживая левый почти на месте.

---

[1] 10-я кав. дивизия была сменена 1-й бригадой 19-й дивизии у Бойян в ночь на 9 июня. Конный корпус был сосредоточен в районе Коцман с целью развивать наступление на Черновиц, которое первоначально было назначено на ночь с 14 на 15 июня. В следующую ночь 1-я бригада 19-й дивизии была сменена частями 103-й дивизии.

[2] 1-я бр. 19-й пех. дивизии шла на присоединение к своей дивизии через Чернавка. С 21 часа 16 июня до 3 час. 18 июня бригада со 2-м дивизионом 19-й арт. бригады совершила переход в 63 *км* по тяжелой дороге и преодолела тяжелый перевал между Чернавка и Васлоуц. Вся 19-я дивизия собралась в Снятын 18 июня.

7-я австро-венгерская армия была сильно потрясена. Она потеряла 52 орудия и 133 600 чел. (свыше 50% числа бойцов, считая и прибывшее укомплектование), в том числе пленными 758 офицеров и 37 852 солдата[1].

В частности в 24-й пех. дивизии вместо 16 000 бойцов осталось только 3 500; в 72-й пех. бригаде (36 й дивизии) — 2 100; в 30-й пех. дивизии 3 500; 42-я гонведная дивизия вместе с приданными ей частями 5-й и 51-й гонведной дивизий насчитывала 5 200 винтовок; 1-й пех. полк потерял 1 000 чел. Многие батареи, расстрелявшие или растерявшие свои снаряды, ушли в тыл. Все тыловые учреждения перемешались и находились в состоянии паники. Ясно было, что восстановление боеспособности армии, и особенно группы ген. Бенигни, в короткий срок было невозможным. Русские захватили 49 орудий, 120 пулеметов, 32 миномета и бомбомета.

Ни один солдат 7-й австро-венгерской армии не мог быть отправлен на помощь другим армиям, подвергшимся русским ударам. Наоборот, на высшее австро-венгерское командование наступление армии Лечицкого произвело столь сильное впечатление, что оно решило поддержать Пфлянцер-Балтина двумя дивизиями с других отдаленных фронтов. Вместе с тем последний, по одобрению свыше, предусматривал, в случае наступления русских, дальнейший отход северным своим крылом на фронт Тысьменица, Оттыня.

Если еще принять во внимание, что энергичный натиск 9-й армии ослабил силу противодействия наступлению русской 7-й и других армий юго-западного фронта, то можно смело сказать, что результаты первого этапа операции Лечицкого были хорошими. Однако, они были достигнуты не сразу, а после жестокой борьбы и не без неудач. При этом одержанная

[1] В числе пленных были 1 генерал и 3 командира полка. 3 орудия, потерянных австро-венгерцами, русскими не были найдены. Русские оценивали потери 4-й (сражавшейся с 8-й русской армией) и 7-й австро-венгерских армий в 204 800 чел., в том числе пленными 150 000 чел. 8-я русская армия 4 — 9 июня на фронте в 85 *км* проникла вглубь австро-германского расположения на 48 *км* и захватила 45 000 пленных (В. И. А., Д. 57 — 023 и „Österreich - Ungarns letzter Krieg", стр. 410 и 464).

победа была не только материального порядка. Австро-венгерцы потеряли веру в себя, в свои так долго и тщательно укреплявшиеся позиции, в своих начальников. Если русские тотчас же после крупного успеха 10 июня не пытались его в полной мере использовать, то это отнюдь не было заслугой австро-венгерского командования, среди которого начались распри, разговоры о вмешательстве дипломатии и об ограничении целей войны. Вместе с тем надо признать, что результаты действий 9-й армии стоили ей много крови и больших трудов. 11-я и 32-я дивизии потеряли до 40% состава пехоты, 3-я Заамурская дивизия — до 70%, 12-я и 19-я — до 10%, 2-я Заамурская и 74-я — по 5%. Иначе говоря, 9-я армия потеряла, учитывая потери и остальных дивизий, не менее 30 000 чел., т. е. около 17% общего числа бойцов.

Пфлянцер-Балтин ожидал активных действий 9-й русской армии, и притом в районе Доброноуц. На это указывает прибытие сюда бригады 40-й гонведной дивизии. При ее помощи он надеялся легко остановить русское наступление, и притом в самом его начале. По крайней мере, об угрожающем ему положении он ничего не доносил своим начальникам.

Крупные результаты действий 9-й русской армии явились следствием, главным образом, неожиданности наступления ее (занятие частями 40-й гонведной дивизией промежутка между высотами 272 и 458 только накануне русского наступления), равно как и остальных армий Брусилова, а главное — относительной мощи размеров этого наступления.

Высшее австро-венгерское командование было отвлечено наступлением в Тироле и начавшимися контратаками итальянцев, поставившими австро-венгерцев в тяжелое положение. Их армии на востоке не уловили изменений в расположении русских войск, просмотрели тщательную подготовку операции и переоценили силу своих позиций.

В результате, по словам начальника германского генерального штаба Фалькенгайна[1], „4 июня в Гали-

[1] Фалькенгайн, Верховное командование, стр. 223 и 224.

ции, как гром из ясного неба, разразилась беда... Уже 5 июня со стороны австрийцев последовал в немецкую главную квартиру настоятельнейший зов о помощи".

Разбор действий обеих сторон

Причины успеха русских войск

Русское наступление явилось для австро-венгерцев внезапным вследствие скрытной и умелой подготовки его, и притом на всем фронте от Пинских болот до румынской границы. Предположение Брусилова о возможности ввести австро-венгерцев в заблуждение наступлением на фронте каждой из его армий оправдалось.

Учет русскими предшествовавшего опыта и вся огромная предварительная работа их для создания такой обстановки, которая предоставила бы пехоте возможность 4 июня выйти из окопов и выполнить возложенную на нее задачу, дала в общем неожиданно большие результаты. При этом в этот день ничего не приходилось импровизировать, да и вряд ли это было возможно. Все было предусмотрено, взвешено, и все возможное сделано заблаговременно.

В то время как 11-й корпус был поддержан сильной артиллерией, 3-я Заамурская дивизия имела 4 июня крупный успех при содействии лишь 36 орудий. Относительно легкий успех заамурцев можно объяснить более благоприятными местными условиями, более слабыми проволочными заграждениями севернее Молочной фермы, худшим инженерным оборудованием расположения австро-венгерцев перед фронтом 3-й Заамурской дивизии, относительно большим превосходством сил ее и, наконец, свежестью этой дивизии и умелым использованием тех незначительных артиллерийских средств, которые были ей приданы. Зато изолированные наступательные действия этой дивизии 5 июня не могут быть оправданы.

Как и предвиделось всеми, высоты 272 и 458 явились непреодолимым препятствием для дальнейшего

продвижения пехоты и крайне затруднили борьбу с австро-венгерскими резервами. Овладение этими высотами с фронта, несмотря на большое число снарядов, выпущенных по ним, оказалось непосильной задачей. Причинами этого было то, что, во-первых, они упорно оборонялись австро-венгерцами, понимавшими их значение; во-вторых, сами по себе и по своему инженерному оборудованию они являлись весьма солидными центрами сопротивления; в-третьих, помощь русской артиллерии атаковавшей эти высоты пехоте была хуже организована, чем при атаке промежутка между ними. Они пали только тогда, когда были глубоко охвачены с обоих флангов, как высота 272, или только с северного фланга, как высота 458.

С этой точки зрения непростительны действия 11-й пехотной дивизии, настойчиво атаковавшей выс. 272 в период с 5 по 9 июня. Командование 11-го корпуса на своем собственном опыте не могло не знать печальных последствий атаки в лоб хорошо укрепленной полосы без основательной подготовки вообще и артиллерийской в особенности. Затем, к чему было возобновлять атаку ее с фронта и 10 июня? Ведь эта высота глубоко обходилась 41-м корпусом и 12-й дивизией, успешно наступавшими на юго-запад, и все равно должна была пасть. А между тем каждый выход бойцов из окопов сопровождался жертвами, подчас значительными.

Развертывание русских к 10 июня на направлении главного удара было произведено искуснее, чем 4 июня. Участок севернее Днестра к 10 июня никаких опасений уже не вызывал. Оттуда смело можно было взять 2-ю Заамурскую и 74-ю дивизии. В результате на участке от Зажуличьце до выс. 458 протяжением 19 *км*, составлявшем 21% протяжения всего фронта армии, ген. Лечицкий развернул в своем первом эшелоне (не считая пехоты 19-й пех. и 3-й Заамурской дивизий) около 42% общего числа пехоты своей армии (50% общего числа батальонов), 68% артиллерии, 91% общего числа тяжелых орудий и около 50% общего числа пулеметов, не говоря уже о том, что в качествен-

ном отношении здесь были, впрочем так же, как и 4 июня, лучшие части армии. К тому же, если 4 июня в первом эшелоне армии были развернуты на всем фронте от Миткеу до выс. 458 только три пех. дивизии, то 10 июня на фронте почти того же протяжения их было уже пять, из которых три свежих. Это дало возможность дать им участки по фронту меньшие и соответственно усилить насыщение боевого порядка огневыми средствами. В то же время эшелонирование пехотных дивизий сделалось глубже, управление ими и полками, а также и питание боя стало легче. Однако, совсем не были введены в первый эшелон бригада 19-й пех. дивизии и 3-я Заамурская дивизия. Если вторая, потрепанная в предшествовавших боях, и не могла принести большой пользы, то предоставление хотя бы небольшого участка бригаде 19-й пех. дивизии облегчало положение 11-го корпуса и 12-й дивизии. В этом случае получил бы свой участок и командир 12-го корпуса, все еще остававшийся не у дел.

Таким образом, на решительном участке была создана выгодная группировка сил, которая могла при содействии подвижных сил армейской конницы привести к окружению и уничтожению противника по частям.

Действия австро-венгерских войск

Пфлянцер-Балтин к 10 июня сосредоточил к угрожаемому району также большую часть своей армии за счет оголения второстепенных участков и очищения района восточнее Залещики. В резерве на линии Похорлоуц, Юркоуц, Чернавка, в 2—5 *км* от переднего края, была в общем одна пехотная дивизия. Свежих же австро-венгерских частей на всем участке от Зажуличьце до выс. 458, как и в резерве, было мало (конница, части 51-й гонведной дивизии, части 202-й гонведной бригады и несколько полков 5-й и 30-й дивизий). Остальные понесли крупные потери и не успели еще получить достаточные пополнения. По приблизительным подсчетам можно считать, что на этом участке русские превосходили австро-венгерцев, учитывая

армейские резервы обеих сторон, почти в 2 раза (80 000 русских винтовок, 335 орудий, из которых 43 тяжелых, около 500 станковых пулеметов и 28 эскадронов против 40 000 австро-венгерских винтовок, 300 орудий, из которых около 30 тяжелых, до 450 станковых пулеметов и около 40 эскадронов). К тому же части 7-й австро-венгерской армии были раздерганы и утомлены, а их моральное состояние подавлено как вследствие собственных неудач, так и из-за отступления армий, находившихся севернее. Надежд на подкрепление 7-й армии в скором времени не было. Собственных резервов армия имела мало. Если учесть также и то, что русские интенсивно обстреливали сопротивлявшиеся части, что они имели еще неиспользованные силы и проявляли настойчивость при попытках овладеть высотами 272 и 458, что они занимали угрожающее положение, то все это, казалось, должно было к 10 июня показать Пфлянцер-Балтину безнадежность сопротивления, а потому и бесцельность его на линий этих высот.

В тылу на линии западнее Дорошоуц, Юркоуц, Хорошоуц, Чернавка, в 4—7 *км* от переднего края, была подготовлена укрепленная позиция. Закончить ее оборудование при наличии хороших путей в тылу смогли бы быстро части, состоявшие в резервах, при содействии местного населения. При этих условиях несравненно выгоднее было в одну из ночей 7—10 июня, а еще лучше в ночь на 10 июня произвести внезапный, хорошо замаскированный отскок назад на участок упомянутой только что позиции Дорошоуц, Хорошоуц. Этим командующий 7-й австро-венгерской армией, конечно, не создал бы выгодного исходного положения для перехода его армии в широкое контрнаступление с целью восстановить утраченное ею положение. Но, несомненно, этим он поставил бы свои части в более удовлетворительные условия для успешного сопротивления дальнейшему продвижению русских, сберег бы свою пехоту от лишних жертв и выиграл бы время, необходимое для организации обороны и укомплектования своих частей. Всего этого Пфлянцер-Балтин мог достичь тем более легко, что русские не имели в достаточном количестве ни снарядов, ни свежих войск, чтобы

позволить себе еще один прорыв новой укрепленной полосы австрийцев, во всяком случае в близком будущем.

Однако, Пфлянцер-Балтин не учел обстановки и не уловил момента, когда такой отскок был необходим [1]. Вместо него дивизии и сборные соединения 10 июня, как и ранее, расходуются в разрозненных и разновременных контратаках, производимых к тому же без достаточной подготовки. Результаты всех этих контратак были плачевны для австро-венгерцев и окончательно их расстроили. А между тем хорошо организованные активные действия не мелких подразделений и сборных частей, а крупных австро-венгерских соединений и частей даже оттуда, откуда они в действительности производились, могли в большей или меньшей мере предотвратить серьезные последствия боя 10 июня. Австро-венгерцы все равно были вынуждены или сдаваться, или очищать свою первую укрепленную зону и отходить, но уже при невыгодной обстановке и под давлением русских. Если до утра 10 июня они могли спокойно занять позицию Дорошоуц, Юркоуц, Хорошоуц, то к полудню этого дня это было уже совсем невозможно.

Данный пример достаточно отчетливо показывает, что упорство, переходящее в упрямство, отнюдь не является добродетелью в военном искусстве. Вообще говоря, не следует думать только о том, чтобы не быть разбитым противником. Наоборот, надо смело итти на риск, всегда иметь страстное желание разгромить врага. Но в данном случае средств у Пфлянцер-Балтина для этой цели не имелось. И упорство его, а также увлечение боем австро-венгерских частей принесли последним больше вреда, чем пользы, так как

[1] Австрийцы объясняют свою неудачу, главным образом, тем, что Пфлянцер-Балтин был болен „инфлюэнцей и лежал в постели“(?) „Österreich-Ungarns letzter Krieg“, стр. 423 и Schwarte, т. V, стр. 230. В оперативном смысле для 7-й австро-венгерской армии, пожалуй, еще выгоднее был отскок не на несколько километров, а на 1—2 перехода на один из многочисленных рубежей, находившихся в ее тылу. Но севернее Днестра австро-венгерцы еще держались, а, с другой стороны, резкое приближение фронта к Венгрии повлекло бы понижение морального состояния венгерских частей, составлявших большую часть 7-й австро-венгерской армии.

по существу с 10 июня они перестали существовать как боеспособные соединения, и путь для русской 9-й армии был надолго расчищен. Этому способствовало и то, что высшее австро-венгерское командование не прислало для поддержки 7-й армии ни единого солдата, кроме маршевых батальонов, и лишь обещало поддержать ее двумя дивизиями.

Нельзя сказать, чтобы командующий 7-й австро-венгерской армией совсем не маневрировал своими резервами. Для быстрого и внезапного развертывания своих резервов он использовал не только автотранспорт, но и железную дорогу, что, конечно, достойно подражания. Но уловить целеустремленность в использовании резервов не представляется возможным. По мере прибытия они тотчас же направлялись в пекло боя для заполнения возникавших то здесь, то там прорывов. Думается, правильнее было бы, особенно 10 июня, прочно занять ими позицию Дорошоуц, Юркоуц, Хорошоуц, для того чтобы не допустить распространения русских в тыл австрийских войск и окружения их по частям.

Вместе с тем необходимо отметить искусное эксцентрическое отступление австро-венгерцев. Оно в значительной мере способствовало сокрытию намерений австро-венгерского командования и затруднило преследование со стороны русских, которые вынуждены были расходиться веерообразно.

Здесь, как видно из описания боев, имело место повторение того, что происходило нередко и раньше в боях с австро-венгерцами. Они дрались с большим ожесточением, особенно в составе мелких подразделений, стреляли до тех пор, пока русские войска не подходили к ним вплотную, наносили им огромные потери, а затем бросали ружья и относительно легко массами сдавались в плен.

Сдаче австро-венгерских бойцов способствовало следующее обстоятельство. На каждые 1 000 винтовок в 7-й австро-венгерской армии к 4 июня было, примерно, 5 орудий. А русскими к 11 июня были захвачены в плен свыше 38 000 чел. и только 49 орудий, т. е. последних было взято соответственно раза в четыре

меньше, чем пленных. Объясняется это тем, что австро-венгерская артиллерия, несомненно, хорошо знавшая свое дело, не имела достаточно мужества с опасностью для себя выполнить до конца свой долг перед пехотой. Австро-венгерские батареи уходили в тыл в большинстве случаев много раньше и поспешнее, чем следовало бы, и покидали свою пехоту на произвол судьбы в самый критический для нее момент. Причину таких действий австро-венгерских артиллеристов можно видеть в недоверии, которое они питали по отношению к своей пехоте. С другой стороны, и русские, особенно их конница, не всегда улавливали удобный момент для того, чтобы воспрепятствовать увозу неприятельских орудий. Однако, австро-венгерское командование извлекло и некоторую пользу из излишней поспешности в отходе своей артиллерии. Последняя ставилась на вновь занятые позиции, прочно подпирая остатки пехоты, так как имела к этому моменту значительно большее число орудий по отношению к числу винтовок, чем то имелось обычно в австро-венгерских вооруженных силах.

Работа артиллерии

Прорыв австро-венгерского расположения 4 июня в значительной степени был обусловлен хорошо проведенной артиллерийской подготовкой. Правда, снарядов на подготовку было израсходовано немало — от одного до полутора комплектов, но они были выпущены спокойно и с большой пользой для русских. Это надо приписать исключительно тому, что все было предусмотрено, взвешено, расписано, условлено. Конечно, в современных условиях при вдвое, а то и втрое большем числе пулеметов в стрелковых полках наших вероятных противников и при значительно увеличившемся числе орудий рассчитывать на такой же эффект при расходе 30 000 снарядов, примерно, на 4 *км* укрепленной полосы трудно, но на данном примере все же есть чему поучиться.

Внезапные, неравномерные перерывы в ведении огня и его постепенные переносы вглубь австрийского распо-

ложения, возможность наблюдения за глубиной неприятельской оборонительной зоны на главном направлении, а, следовательно, и меткий ее обстрел сберегли много русских жизней и дали возможность без остановок преодолеть смертоносную зону.

Кратковременность артиллерийской подготовки не давала австро-венгерцам времени для переброски всех сил, которыми могло распоряжаться австро-венгерское командование, к угрожаемому участку. Кратковременная, хотя и достаточно интенсивная артиллерийская подготовка (один снаряд в 75—120 сек., не считая пристрелки) сберегла много снарядов и материальную часть. Однако, такая экономия не всегда желательна, так как там, где артиллерия произвела надлежащую подготовку атаки, проделав проходы в проволочных заграждениях, разрушив часть неприятельских окопов и подавив живую силу противника, наступление пехоты шло относительно легко; там же, где потрясение неприятельской обороны и пробитие проходов в заграждениях было невозможно, наступление пехоты немедленно захлебывалось.

Час атаки был назначен заблаговременно, исходя из ожидаемых результатов артиллерийской подготовки. Но вместе с тем командование предвидело возможность некоторого продления работы артиллерии, что видно из назначения особых пехотных наблюдателей, которые должны были следить за результатами артиллерийской стрельбы. Это надо считать совершенно правильным, так как право разрешить вопрос, расчищен ли путь пехоте, конечно, в первую очередь должно быть предоставлено тем ротным и батальонным командирам, которые поведут свои роты и батальоны вперед.

Расположение 107-*мм* батарей в 3 *км* от неприятельских окопов позволило им 4 июня достаточно метко обстреливать с. Окна и ст. Окна, находившиеся в 4 *км* позади окопов, и тем оказать существенную помощь пехоте при овладении ими. Быть может, было бы еще правильнее расположить свою тяжелую артиллерию еще ближе к неприятельским окопам, что по условиям местности было безусловно выполнимо.

Русские ложные батареи принесли большую пользу. Они отвлекли внимание австро-венгерской артиллерии, израсходовавшей на них много снарядов.

Действия русской пехоты

Только благодаря инженерному плацдарму, при всех невыгодных его свойствах, пехота могла быстро преодолеть зону, обстреливавшуюся австро-венгерцами действительным перекрестным огнем пулеметов.

Избежать возведения плацдарма, повидимому, можно было лишь при более мощной, чем то было в 9-й армии, артиллерийской подготовке. Только такая подготовка дает возможность произвести выдвижение пехоты на дистанцию атаки во время ее, если это не удалось сделать в темноте до открытия артиллерийского огня и внезапно. При наличии танков этот вопрос решается относительно просто.

Русская пехота 4 июня при атаке укрепленной позиции имела крупный успех, но сама она в короткий срок понесла значительные потери от уцелевших пулеметов противника и его артиллерийского огня и быстро выдохлась. Ее расположение растянулось. Боевой порядок, при котором подразделения стояли плечом друг к другу, потерял первоначальную плотность. Он разбился на группы, что считалось тогда русскими, а также и их противниками совершенно ненормальным. Рассчитывать на упорство, стойкость или маневренные способности пехоты при этих условиях нельзя было. Надо было или сменить ее в тот же или на следующий день, или влить в нее свежие силы, чтобы удержать захваченное, тем более, если существовала надежда на выход их из лабиринта окопов для маневренных действий в поле. Усиление первого эшелона 11-го корпуса 19-й дивизией было проведено кстати и своевременно. Но если бы в первом эшелоне корпуса к утру 4 июня были развернуты все три дивизии — 11-я, 32-я и 19-я — с соответственным сокращением участков и с увеличением глубины эшелонирования первых двух, то можно было бы избегнуть перемешивания частей. В данном случае в 11-ю и 32-ю

дивизии были влиты полки 19-й дивизии. Начальник же последней, человек энергичный и способный, оставался со своим штабом не у дел. Тем не менее и в такой форме полки 19-й дивизии принесли большую пользу. Без них части 11-й и 32-й дивизий, вынесшие огромную работу до наступления, наносившие затем главный удар, потрясенные сильным сопротивлением австрийцев при атаке, а затем и при отбитии неоднократных контратак свежих австро-венгерских сил, вряд ли были в состоянии удержаться в новом районе 4—7 июня, и особенно в первый день русского наступления. Недостаточная глубина эшелонирования русского боевого порядка на главном направлении могла быть чревата для русских серьезными последствиями, особенно если принять во внимание чрезвычайно выгодное для австро-венгерцев направление их контратак из лесного района у Доброноуц на север при мощном содействии частей, уцелевших на высотах 272 и 458. Эта малая глубина русского боевого порядка легко объясняется тем, что операция была предпринята с ограниченной целью и что на пехоту не была возложена даже задача захватить главную массу неприятельской артиллерии.

Большие потери русской пехоты 4 и 5 июня, и особенно в первый день наступления, можно объяснить, помимо метода обороны австро-венгерцев, тремя причинами. Во-первых, русской группе ДД не удалось нейтрализовать австро-венгерскую артиллерию даже во время самой атаки. Если местонахождение многих австро-венгерских батарей и было известно русским артиллеристам, то, очевидно, 27 орудиями, из которых было только 3 тяжелых, никак невозможно было заставить замолчать 165 орудий противника, хотя бы на короткое время. Помимо слишком малого числа орудий в группе ДД, здесь играло роль и то, что точное место расположения тех батарей, которые оказались наиболее опасными для русских, до атаки не было известно. При наличии достаточной артиллерийской авиации и звуко-светометрической разведки борьба с артиллерией противника в будущем, конечно, станет легче. Во-вторых, несмотря на солидное разру-

шение неприятельских окопов русской артиллерией, очень многие пулеметы, скрывавшиеся во время артиллерийской подготовки в убежищах, уцелели. В момент атаки они стали косить русские ряды, пользуясь переносом русского артиллерийского огня в тыл. Ясно, что рассчитывать на уничтожение или подавление всех пулеметов во время артиллерийской подготовки или их нейтрализацию во время атаки нельзя было. Но, естественно, за тот же срок большее число орудий успешнее справилось бы с подавлением пулеметного огня противника. Наконец, в-третьих, русская пехота атаковала в слишком густых построениях, что показывает на не изжитое еще убеждение в возможности побороть технику массой бойцов, вместо противопоставления технике противника своей, и более сильной, техники.

Стремление в исходном положении перед атакой быть возможно ближе к противнику с целью сократить время перебегания через смертельно опасную зону, разделявшую обе стороны, и в известной мере избавить себя от артиллерийского огня противника, который большей частью бил по задним окопам, вызвало переуплотнение плацдарма. В этом плотном боевом порядке стрелки вышли одновременно и побежали вперед, пренебрегая ходами сообщения. Между тем последние позволяли ротам и батальонам второго и последующих эшелонов полков и дивизий постепенно, скрытно, но быстро подходить в ближайший к противнику окоп и оттуда уже итти на штурм. При постройке плацдарма и при производстве репетиций занятия плацдарма, кстати сказать, принесших большую пользу, такой метод наступления собственно и предполагался. Он, несомненно, сберег бы много жизней, если бы удалось провести его. Желание командиров полков и батальонов иметь во время атаки плотный боевой порядок и инстинктивное стремление каждого стрелка иметь в бою в непосредственной близости соседей было сильнее, чем сознание, что такой плотный боевой порядок будет благодарной целью для огня противника. В данном случае, конечно, сказалось и мало удовлетворительное обучение полков,

незадолго до боя получивших необученные пополнения, и отсутствие соответственного и в достаточном числе командного состава. Русская пехота своей кровью заплатила и за недостаток артиллерии и за слабую свою подготовку.

10 июня русским, развернувшим на главном направлении около пяти пехотных частично свежих дивизий за счет резервов и второстепенных участков, удается добить 4 австро-венгерские пех. и 2 кав. дивизии, большей частью уже потрясенные, неуверенные в себе и занимавшие менее выгодное расположение, чем 4 июня. Работа русской артиллерии и в этот день заслуживает всяческого внимания. Она действует, как и с полудня 4 июня, гибко, в соответствии с быстро меняющейся обстановкой, которую в точности предвидеть было нельзя. Управление огнем от старших артиллерийских начальников переходит к командирам дивизионов, а иногда и батарей. Их искусству, инициативе, энергии и мужеству пехота в значительной степени обязана своим успехом. Но и австро-венгерская артиллерия поддержки пехоты 10 июня проявляет чрезвычайную активность. Результаты ее деятельности, однако, были незначительны, отчасти потому, что управление ею общевойсковыми командирами и поведение пехоты были слабыми. Русская пехота, ободренная предшествовавшей удачей, выявила много своих достоинств. Однако, ударные ее качества были много выше огневых и маневренных. При большем умении использовать свои пулеметы, при более искусном управлении и маневрировании, вероятно, не было бы кризисов, подобных тем, которые переживали 4 июня 11-я и 32-я дивизия, 5 июня 3-я Заамурская дивизия и 10 июня 12-я дивизия. К тому же в последней роты и батальоны и даже полки при первом же сопротивлении противника перемешались. Надо думать, что при современном глубоко эшелонированном боевом порядке сохранить организацию частей при кризисах будет еще труднее, особенно во время выхода вторых и третьих эшелонов на уровень первого.

Предосторожности, принятые для непрерывного поддержания связи, сказались на управлении боем и со-

гласованности действий пехоты и артиллерии весьма благотворно. Связь, и то лишь местами, и притом на короткое время, нарушалась лишь во время продвижения пехоты 4 июня.

Заблаговременная заготовка рогаток, ежей и земляных мешков и быстрая доставка их войскам, очутившимся 4 июня в тяжелом положении, принесли большую пользу пехоте, прорвавшей австрийское расположение. Без них настроение ее было бы много хуже, и трудно сказать, чем бы без них закончились австро-венгерские контратаки, особенно ночная.

Химическая атака способствовала успеху русских. Но отравление газами своих бойцов показывает, что не все меры предосторожности были приняты.

Действия русской конницы

Много можно сказать о действиях русской конницы. К началу операции в 9-й армии, как указано выше, имелось в общем 5 кав. дивизий (считая и дивизионную конницу) численностью 17 700 винтовок. Вся эта конница, казалось, могла принять самое деятельное участие при преследовании 10 июня сильно надломленных австрийцев, особенно группы ген. Бенигни, или в стыке между ней и группой ген. Гадфи, для нарушения системы управления противника, для окружения и разгрома его по частям. До этого дня коннице делать было нечего. 4 июня 3-я Заамурская дивизия и 11-й корпус имели успех, но не такой, который позволил бы успешно действовать не только массам конницы, но и небольшим ее частям. Но 10 июня создалась обстановка как раз для блестящей тактической и оперативной ее деятельности. Но, кроме Текинского кон. полка и конно-артиллеристов, с пользой для дела развивших успех, но не имевших возможности по своей слабости достичь крупных оперативных результатов, вся армейская конница — 4 кав. дивизии — бездействовала. Какие же причины этого? Где она была в это время? Какие задачи она выполняла?

На 1-ю Донскую каз. дивизию 4 июня возлагались большие надежды. Но так как этих надежд, несмотря

на ряд понуканий, она не оправдала, то она была передана из 11-го в 33-й корпус, выполнявший пассивную задачу. Зато взамен ее на активный участок фронта к югу от Днестра была переброшена 2-я Заамурская пех. дивизия. Правда, 1-ю Донскую каз. дивизию сам ген. Лечицкий приказал поставить на левом фланге 33-го корпуса, с тем чтобы в случае необходимости развития ожидавшегося успеха она могла быть немедленно направлена вперед. Но когда австро-венгерцы 10 июня сдали, то оказалось, что донцы не позаботились о подготовке скорейшей переправы через Днестр, действовали излишне осторожно, неумело и поэтому к полю боя пришли поздно.

Туземная дивизия частью занимала позицию на правом берегу Днестра, частью располагалась за пехотой 33-го корпуса. 6 июня одна бригада ее была придвинута к Окна в ожидании прорыва в австрийском расположении, но так как пехота его не сделала, то эта бригада отошла в тыл. 10 июня дивизия почти себя не проявила.

Что касается 3-го кон. корпуса, то в начале операции, не обещавшей крупных результатов, он простоял на позиции в 30 *км* от места прорыва. Активные действия он предпринял лишь 10 июня, атакуя без достаточной артиллерийской подготовки и, конечно, неудачно укрепленную полосу, находившуюся притом за рекой, вместо того, чтобы быть готовым развить в этот день успех пехоты, вышедшей из лабиринта окопов в поле. Между тем в этот день имелись достаточные основания надеяться на успех наступления пехоты.

Некоторым показателем неудачного управления конницей, которая редко бывала там, где по обстановке ей следовало быть, являются успешные атаки текинцев и орудийного расчета конногорной батареи. Результат их действий, особенно последних, в ходе операции был незначительный. Но представить себе, что могло бы получиться, если бы здесь были кавалерийские дивизии, нетрудно. Плана использования армейской конницы не было, командование не предугадало место успеха, и из всей многочисленной конницы на

месте оказались только незначительные ее части. Кавалерийские дивизии все время передавались из одного армейского корпуса в другой, как будто с тем, чтобы чем-нибудь ее занять. А сам ген. Лечицкий оставался в Каменец-Подольске, в 50 *км* от поля боя, и потому не мог влиять на использование армейской конницы в подходящий момент. Результаты получились самые плачевные.

При современных огневых средствах и плотных боевых порядках использование коня, как главного оружия всадника, как была воспитана русская конница к началу войны, не может иметь места. Тем не менее в данном случае конницей распоряжались действительно неумело. Отчасти это можно объяснить отсутствием у общевойсковых начальников веры в способность конницы при современных условиях серьезно влиять на ход операции. Во всяком случае в описанном примере конница могла дать больше, чем дала, для уничтожения живых сил врага по частям.

Не лучше действовали и 4 австро-венгерские кав. дивизии. Вместо того чтобы, жертвуя собой, прикрыть отход своей пехоты, эти дивизии, пользуясь быстротой коней, ушли с поля сражения первыми, предоставив пехоте самой отбиваться от наседавших русских. Способность конницы задерживать продвижение неприятельских сил здесь использована не была.

Развитие операции

Отсутствие у русских предварительной подготовки к продвижению армии на запад сказалось на первом же этапе операции. 9-я армия продвинулась вперед своим центром максимально на 50 *км*, но о немедленном дальнейшем наступлении ее никто и помышлять не мог, хотя перед этой армией стояли австро-венгерские части, потерявшие до 50% своего личного состава, и часто на слабо подготовленных позициях. Без сомнения, незамедлительному возобновлению наступления препятствовали дождливая погода, испортившиеся дороги, вздувшиеся рр. Днестр и особенно Прут и многочисленные их притоки. Однако, в еще большей мере

наступательный порыв армии сдерживался отсутствием переправочных средств, неподготовленностью гужевого транспорта к подвозу грузов, хотя бы только по неповрежденным шоссе, к войскам, удалившимся от станций снабжения максимально на 100 *км*, и отсутствием заблаговременной организации восстановления грунтовых путей.

Наступление 9-й армии показало, что при наличии достаточных огневых и технических средств и при соответствующей подготовке войск главным залогом успеха являются личные качества общевойсковых и артиллерийских начальников, от искреннего желания, энергии, труда, добросовестности, знаний и умения которых зависит почти все. Крупный успех в боях 9-й армии надо было немедленно использовать для достижения цели операции. Но в чем она заключалась—этого никто в начале наступления достаточно ясно себе не представлял. Несомненно только то, что 9-я армия должна была сковать противника, т. е. она имела ограниченную цель действий. Но крупный успех 9-й армии 10 июня и успешные действия остальных армий юго-западного фронта требовали постановки более обширной цели. К такому решению — немедленно развивать наступление, используя первый успех — и пришло русское командование. Но если использование выгодной обстановки на поле сражения, которая возникает часто на короткое время, чтобы найти наилучший выход из создавшегося на поле боя положения, есть обязанность частных начальников, то предвидение будущего, постановка далекой цели действий составляет задачу старшего начальника. Этой своей прямой обязанности командование 9-й русской армии не выполнило. Возник ряд затруднений, часть которых можно было предвидеть и устранить, чтобы не давать противнику никакой передышки.

V

ФОРСИРОВАНИЕ р. ПРУТ И ОВЛАДЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ БУКОВИНОЙ

Исходное положение сторон (схема 6)

Русские

К вечеру 17 июня 10 пех. и 4 кав. дивизий 9-й армии после незначительного продвижения и перегруппировки располагались: 33-й корпус (2-я и 1-я Заамурские дивизии)—от Днестра у Корнюв до Тышковце на фронте протяжением 15 *км*; далее до Задубровце на участке 22 *км* 3 дивизии 3-го кон. корпуса [1]; 41-й корпус (бригада 3-й Заамурской дивизии и 74-я дивизия) — до Иванковце на фронте протяжением в 20 *км*; авангарды корпуса занимали Белелуя, Снятын [2]; 12-й корпус — 12-я дивизия — северный берег Прута до Лужаны искл. на фронте в 15 *км*; 11-й корпус [3] — 11-я дивизия — до Приват-Камераль (Ленкоуц) на участке в 10 *км*; 3 полка 32-й дивизии [4], овладевшей в этот день предмостным укреплением у ст. Зучка до Альт-зучка вкл., — 7 *км*; бригада 82-й дивизии до Махала —

---

[1] Туземная—в районе Чертовец, Тышковце, 10-я кав.—Сороки, 1-я Донская — Ханьковце, Задубровце.

[2] Весь этот город был очищен австро-венгерцами в ночь на 16 июня.

[3] 11-й корпус базировался отныне на Новоселица. Самая дальняя 11-я дивизия оторвалась от нее на 54 *км*.

[4] В состав ее 16 июня была включена чехо-словацкая рота, сформированная во внутренних областях России из военнопленных.

4 *км*; 3 полка 103-й дивизии — до румынской границы — 10 *км*. В армейском резерве находились: бригада 3-й Заамурской дивизии — в Кливодин и 19-я дивизия — в Коцман [1]; в резерве 11-го корпуса — бригада 82-й дивизии и полк 32-й дивизии в Садагура, полк 103-й дивизии — в Бойян, 1-я бригада Терской дивизии — в Хорошоуц [2] и Текинский кон. полк — в Чернавка [3].

Таким образом, на фронте протяжением в 103 *км* располагались в первом эшелоне армии $7^1/_2$ пех. и 3 кав. дивизии, а во втором — $2^1/_2$ пех. и 1 кав. дивизии. Иначе говоря, на 1 *км* фронта, не считая перечисленных резервов, в среднем приходилось 1,3 батальона с 5 орудиями. При этом участки дивизий во всех корпусах были почти одинаковы. И лишь при учете четырех пех. полков резерва 11-го корпуса последний располагался несколько плотнее. В армии числилось около 140 000 бойцов.

Австро-венгерцы

7-я австро-венгерская армия к этому времени занимала позиции [4]: группа ген. Гадфи — 14 батальонов, 72 эскадрона и около 80 орудий — на участке в 25 *км* восточнее деревень Нежвиска, Обертын, Виногруд, имея охранение в 1—5 *км* впереди; остатки группы ген. Бенигни — до 30 батальонов и около 100 орудий —

---

[1] 1-я бригада 19-й дивизии, смененная к этому времени частями 103-й дивизии, присоединилась к своей дивизии.

[2] 2-я бригада этой дивизии составляла резерв 12-го корпуса в Суховерхув.

[3] Штабы корпусов были: 33-го — Залещики, 12-го — Ставчан, 3-го кон. — Тарговица, 11-го — Чернавка, 41-го—Заставна.

[4] „Österreich-Ungarns letzter Krieg", стр. 448, Schwarte, т. V, стр. 230, и русские разведывательные данные. О составе 7-й армии в этот период имеются исключительно противоречивые данные. Эта армия была в таком состоянии, что не только русские, но и сами австрийцы не могли тогда и даже теперь более или менее ясно представить себе ее организацию и состав. Русские очень плохо знали, как были расположены ее части. В состав групп входили: ген. Гадфи — 21-я пех. дивизия, 5-я и 6-я кав. дивизии и кав. бригада Флука; ген. Бенигни — 30-я, 42-я, главные силы 51-й, часть 5-й дивизии, бригада 36-й пех. дивизии и половина 202-й бригады.

от Виногруд до Волчковце на фронте протяжением около 18 *км*; за ней в резерве восточнее Коломыя располагались бригада 24-й пех. дивизии и остатки 5 — 6 полков 36-й, 42-й, 5-й и 30-й пех. дивизий; участок в 30 *км* от Волчковце до Глиница был занят кав. корпусом ген. Брудермана (всего 2400 винтовок) с бригадой 24-й пех. дивизии—всего 6—8 батальонов, около 16 эскадронов и 50 орудий, имея в резерве за левым флангом у Русская Банила отдельную кав. бригаду полк. Кранца. Далее от Глиница до румынской границы на протяжении 30 *км* по южному берегу р. Прут и на предмостной позиции севернее Черновиц располагался 11-й корпус — около 30 батальонов и 140 орудий. В ближайшие дни армия ожидала прибытия двух ландштурменных батальонов.

Проволочных заграждений между рр. Днестр и Прут австро-венгерцы почти не имели.

За период с 13 по 16 июня армия получила укомплектования и к 17 июня насчитывала в своем составе 80 000 винтовок [1].

Таким образом, в среднем на 1 *км* фронта приходился один батальон (770 винтовок) с 5 орудиями. Но между рр. Днестр и Прут и по обе стороны Черновиц австро-венгерцы располагались много плотнее, чем на других участках. Станциями снабжения 7-й австро-венгерской армии были Коломыя и Черновиц.

Местность

Река Прут шириной 50—70 *м* отделяла русских от австро-венгерцев на всем фронте от румынской границы до Снятын. Дно реки каменистое. Долина, местами болотистая, покрыта камышом и кустарником в рост человека. Ее ширина доходит до 240—500 *м*. Южный берег Прута на участке от Плешница до Альтзучка в 26 *км*, против которого находились левый фланг 12-й, вся 11-я и 32-я русские дивизии, представляет собой ряд отдельных вершин высотой 80—200 *м*,

[1] „Österreich-Ungarns letzter Krieg", стр. 506. Русские оценивали численность 7-й австро-венгерской армии к 17 июня в 60 000 винтовок.

с крутыми склонами к реке и в стороны. Эти вершины командуют над всей местностью севернее реки. Однако, у их подножья, обращенного к реке, местами имеются мертвые пространства. На фронте 12-й дивизии имелись три глубоких орода. Будучи весьма сильным по своим естественным свойствам, австро-венгерское расположение на южном берегу Прута было солидно оборудовано искусственными сооружениями.

Планы действия сторон (схемы 6 и 7)

Русские

Результаты наступления 9-й армии с 4 по 13 июня, успехи остальных армий юго-западного фронта, и в частности соседней 7-й армии [1], и, наконец, продолжавшаяся эвакуация Черновиц создавали предпосылки для возобновления наступления, как только войска отдохнут и будут подтянуты вперед тыловые учреждения.

13 июня ген. Брусилов приказал [2] всем армиям 14 июня продолжать наступление: 8-й — на фронт Ковель, Милятин; 11-й — на фронт Дружкополь, Поморжаны; 7-й — Поморжаны, Станиславов искл.; 9-й — Станиславов вкл., Коломыя, Куты, наблюдая левый свой фланг конницей (схема 1).

Ген. Лечицкий, прежде чем приступить к выполнению этой новой задачи, решает, с молчаливого одобрения Брусилова, сначала обеспечить себя с юга, т. е. осуществить тот план, который у него созрел при организации преследования: выставить заслон против Коломыя и форсировать Прут на участке Ревакивцы—румынская граница с целью отбросить укрывшихся за него австро-венгерцев за р. Серет [3]. В качестве

---

[1] К середине июня 8-я армия овладела г. Луцк и продолжала наступление на запад, 11-я армия взяла Дубно, 7-я форсировала р. Стрыпа (схема 1).

[2] Приказ № 1677 от 13 июня (В. И. А., Д. 57—023, стр. 11).

[3] В. И. А., Д. 56—565, стр. 69. Алексеев рекомендовал отбрасывать австро-венгерцев не за р. Серет, а на румынскую территорию, для чего 11-й и 12-й корпуса должны были развернуться в районе Ревакивцы, Лужаны для развития удара в юго-восточном направлении, демонстрируя на остальном протяжении р. Прут (В. И. А., Д. 67—566, стр. 6).

заслона в направлении на фронт Коломыя, Куты назначаются 33-й, 41-й, а затем и 3-й кав. (1-я Донская каз. и 10-я кав. дивизии) корпуса. 41-й корпус, кроме того, должен обратить особое внимание не только на удержание в своих руках Снятын, но и частью сил переправиться через р. Прут в его районе и атаковать противника севернее Залуче с целью прикрыть 12-й корпус с запада, со стороны Заблотув, Драгасымув. Коннице 41-го корпуса — бригаде Кавказской туземной дивизии — поручалось наблюдение за дорогой от Вашкивцы на Визниц. 12-й корпус, наблюдая на фронте Орошены, Пиодикивцы, форсирует р. Прут на участке Ревакивцы, Лужаны искл. и отбрасывает противника на Сторожинец. 11-й корпус (4 пех. и Терская каз. дивизии) форсирует реку между Лужан и Бойян, стремясь отбросить противника за Серет в направлении на Хлибока, находящееся в 15 *км* от румынской границы, т. е. здесь выявлено желание оттеснить 11-й австро-венгерский корпус на румынскую территорию.

Сначала форсирование Прута было назначено в ночь с 14 на 15 июня. Однако, отсутствие достаточного числа переправочных средств, отставание тыловых учреждений, невозможность своевременно подвезти снаряды, стремление произвести тщательную разведку сильной позиции австро-венгерцев на командующих высотах правого берега р. Прут заставили ген. Лечицкого отложить переправу на 3 дня [1]. В дальнейшем предполагалось: для преследования противника за Серет направить Терскую каз. дивизию; в районе Черновиц возвести сильный тэт-де-пон, для чего оставить там 2 дивизии; остальным же силам наступать на фронт Станиславов, Коломыя, Куты.

Австро-венгерцы

Австро-венгерское командование полагало, что перед 7-й армией находились, помимо сильной конницы, 8 русских пех. дивизий, из которых четыре против ген.

[1] В. И. А., Д. 65—163, стр. 3, 5, 12.

Бенигни, две перед ген. Гадфи и две вдоль р. Прут. Иначе говоря, об обстановке австро-венгерцы имели смутное представление. Возможность отражения ожидавшегося наступления русских на фронт Станиславов, Коломыя при создавшейся обстановке представлялась более чем сомнительной.

Между тем еще 11 июня начальник германского генерального штаба Фалькенгайн сообщил начальнику австро-венгерского генерального штаба Конраду свое решение усилить 7-ю австро-венгерскую армию 105-й германской дивизией из Македонии, но потребовал решительных изменений в командовании 7-й армией. Конрад отказался отчислить от должности командующего 7-й армией ген. Пфлянцер-Балтина, но вынужден был согласиться на назначение начальником штаба ее германского ген. Сект[1], до того бывшего начальником штаба армии германского ген. Макензена (на Балканском фронте). Получение ген. Пфлянцер-Балтиным извещения о следовании в его армию по железной дороге Корошмезо-Делатынь 105-й германской и 48-й австро-венгерской (из Италии) дивизий побудили его высказать ген. Конраду надежду на возможность перехода с их помощью в контрнаступление. Осуществить его намечалось таким образом: группы генералов Гадфи и Бенигни, насчитывавшие вместе около 28 000 винтовок, в случае наступления трех русских корпусов (33-го, 41-го и 12-го) в западном направлении, должны были отводиться в район Березув, Делатынь, Ланчик. Так как занять прочно фронт между Березув и Надворна протяжением в 34 *км* эти группы были бы не в состоянии, то на 13-й корпус возлагалась задача занять район Надворна, а на 2-ю кав. дивизию — линию Надворна, Галич. По прибытии указанных выше двух свежих дивизий, головы которых должны были начать высадку 19 июня, главные силы 7-й армии должны были предпринять контрнаступление во фланг главной группи-

[1] Известный фашистский генерал и военный писатель, в продолжение нескольких лет бывший командующим рейхсвером, затем начальником германской военной миссии в Китае, организовавшей борьбу против Красной армии Китая. Умер в декабре 1936 г.

ровки русских, в случае удара ее на северо-запад на Станиславов или на юго-запад.

При этом группа ген. Гадфи должна была отходить на фронт Тысьменица, Оттыня, а ген. Бенигни — в район Коломыя. Главные силы 13-го корпуса, подчиненного отныне командующему южной армией, должны были отойти к г. Станиславов. 105-я германская и 48-я австро-венгерская дивизии (72 и 59 поездов)[1] должны были перевозиться через Стрый в Станиславов, где должны были выгрузиться 17—23 июня. Однако, по настоянию ген. Фалькенгайна эти обе дивизии получили задачу выгружаться в Подгайце[2] и поступить в распоряжение командующего южной армией ген. Ботмер. Последний должен был перейти по решению ген. Фалькенгайна в наступление в юго-восточном направлении или во фланг русским в случае наступления их против северного крыла 7-й австро-венгерской армии и этим самым наилучшим образом помочь Пфлянцеру-Балтину.

Против группы ген. Корда (11-й и кав. корпус) на р. Прут, по данным Пфлянцер-Балтина, находились 2 русских корпуса (11-й и Сводный). Получив от воздушной разведки сведения о движении 12 июня сильных русских колонн на Шипенце (12-й корпус) и ожидая вследствие этого главного удара русских на фронте Снятынь, Дюбоуц ген. Пфлянцер-Балтин приказал генералу Корда главную массу его резервов (куда должны были быть отведены часть 40-й гонведной дивизии и бригада ген. Паппа) иметь за его западным флангом. Тем не менее, расположение группы ген. Корда не внушало опасений. Форсирование р. Прут русскими считалось

---

[1] Обычно германская дивизия в этот период войны вмещалась, примерно, в 50 железнодорожных эшелонов. Предоставление 105-й германской дивизии 72 поездов надо объяснить тем, что эта дивизия была усиленной и отдельной, т. е. не входившей в состав корпуса.

[2] Фалькенгайн считал, что эти две дивизии, в случае включения их в состав утратившей способность к серьезному сопротивлению 7-й армии не будут в состоянии изменить обстановку, но могут быть вовлечены последней в отступление на запад. Ни в Станиславове, ни в Подгайце обе дивизии не высадились. „Österreich-Ungarns letzter Krieg", стр. 458 и 505.

невероятным вследствие значительного командования австро-венгерской позиции над русской и высокого уровня воды в реке.

Однако, результаты воздушной разведки, наблюдение с высот, подслушивание телефонных разговоров русских, энергичная разведка русских разведывательных партий и развертывание по р. Прут 12-го русского корпуса, кроме двух корпусов, бывших здесь ранее, дали основание считать, что ген. Лечицкий центр своих усилий решил направить против группы ген. Корда и овладеть г. Черновиц. Генерал Пфлянцер-Балтин, придавая большое значение удержанию в своих руках г. Черновиц, отдал распоряжение генералу Корда стойко оборонять р. Прут, хотя и ген. Пфлянцер-Балтин, и ген. Сект пессимистически оценивали обстановку, о чем последний и донес Конраду. В то же время командование 7-й армии, основываясь на опыте предшествовавших боев, указало своим войскам первую линию окопов занимать лишь постами. Главные же силы должны располагаться позади для производства контрударов.

Овладение г. Черновиц (схема 6)

Во всех дивизиях 11-го корпуса форсирование р. Прут начинается ровно в 24 часа 17 июня. Все предосторожности для того, чтобы переправа была произведена внезапно, приняты. Внушает опасение только полная луна, хорошо освещающая спокойную поверхность воды. Противовоздушной обороны не имеется. Австро-венгерская авиация с некоторого времени почти не проявляет признаков своего существования. Главная надежда русских — на ночь, внезапность и быстроту действий.

11-я дивизия получила задачу [1] по форсировании реки передовыми пехотными частями подойти к Сторожинец с севера. В первом ее эшелоне — 41-й и 43-й полки, во втором — 44-й и 42-й. Батальон 43-го полка с ко-

[1] В. И. А., Д. 57—023, стр. 23—29 и Д. 289—794, стр. 14 и 16.

мандами разведчиков около 23 час. производит посадку в понтоны[1], заблаговременно и скрытно спущенные в приток р. Прут — р. Валувка в северо-восточной части Мамайовце Старе, пользуясь кустами, прикрывающими южный берег этой речки. В 24 часа понтоны бесшумно и незаметно для австро-венгерцев начинают скользить по ручью. В то же время в Мамайовце Старе под прикрытием кустов на северном берегу р. Прут в полной тишине производится посадка в понтоны батальона 41-го полка[2]. Около 1 часа понтоны 43-го полка выходят в р. Прут. Противник начинает обстреливать их, Мамайовце Старе, где почти вся артиллерия и штаб 11-й дивизии, а также полуразрушенный мост через р. Прут неистовым артиллерийским и пулеметным, но весьма беспорядочным огнем. Это обстоятельство, а также последовавший затем огонь 46 русских орудий, частью открывших огонь без предварительной пристрелки по целям, засветло вскрытым разведкой, засечкам и пр., позволяют понтонам 43-го полка сравнительно с малыми потерями пристать к неприятельскому берегу у восточной окраины Стрелецки Кут. Отсюда стрелки 43-го полка бегут на юг. Пробежав шагов 400—500 до подножия высот и оказавшись в мертвом пространстве, они вынуждены приостановиться.

Батальон 41-го полка пользуется своим артиллерийским огнем, чтобы переправиться через реку и высадиться на ее южном берегу. Батальон доходит до северной окраины Стрелецки Кут, но дальше продвинуться также не может. Однако, высадка этих батальонов и захват небольшого плацдарма на южном берегу реки позволяют приступить к наводке понтонных мостов у восточной окраины Стрелецки Кут и Мамайовце Старе. Понтонеры работают в тяжелых условиях, обстреливаемые огнем всякого рода, и несут потери[3];

---

[1] Полку была придана 1-я рота 1-го понтонного батальона.

[2] Полку была придана 2-я рота 15-го понтонного батальона.

[3] 2-я рота 15-го понтонного батальона потеряла 2 убитыми и 17 ранеными; 16 полупонтонов были пробиты ружейными пулями; 3 снаряда попали в постоянный мост, затруднив его восстановление.

их офицеры руководят работами, находясь по горло в воде. В результате около 4 час. оба понтонных моста после, примерно, полуторачасовой работы готовы. Тотчас же роты 41-го и 43-го полков по-взводно пробегают по сильно обстреливаемым и повреждаемым мостам для поддержки уже переправившихся подразделений этих полков. Селенгинцам удается пройти через Стрелецки Кут, но дальнейшее наступление на кручи, занятые австро-венгерцами, невозможно.

32-я дивизия, как уже выше упоминалось, в этот день овладела тэт-де-поном у ст. Зучка. Атаке двух ее полков [1] предшествовала вместе с пристрелкой четырехчасовая артиллерийская подготовка 60 орудиями, из которых семнадцать — 152-*мм* гаубиц, руководимая подполков. Киреем. Его батареи громили преимущественно фланговым огнем австро-венгерские позиции и мосты. В результате ни одного целого дома в Денисивка не осталось, а окопы северного фаса тэт-де-пона были так исковерканы, что не могли уже служить прикрытием для его защитников, многие из которых погибли под их развалинами. Как раз 32-я дивизия туда направляет около 17 час. главный удар, который наносит 127-й полк. 126-й и 128-й полки располагаются против западного и восточного фасов укрепления и готовы оказать помощь 127-му полку. Русская артиллерия организует неподвижный заградительный огонь в тылу защитников тэт-де-пона, для того чтобы отрезать их от мостов и резервов. Потеряв одного раненого, 127-й полк захватывает 1 449 пленных 13-го полка 5-й австро-венгерской дивизии, 1 орудие, 16 пулеметов, лесной и инженерный склады с парком узкоколейной железной дороги. Часть уцелевших бойцов бросается на мосты и вплавь через Прут; последние тонут. Мосты — железнодорожный и шоссейный — австрийцы успевают взорвать, а остальные два повредить. Но

---

[1] Эти полки в период времени с 13 по 16 июня возвели небольшой плацдарм, приблизивший их к австро-венгерской позиции (В. И. А., Д. 13—340, стр. 5).

Австрийцы в своей официальной истории говорят об этом бое глухо, явно искажая истину („Österreich-Ungarns letzter Krieg", стр. 507).

переправа по ним пехотинцев после незначительных работ все же возможна, тем более что противник на время прекращает стрельбу. 127-й полк, несмотря на категорические требования начальника дивизии, никакого стремления переправиться на южный берег реки не проявляет. Как потом выяснилось, полк не имел сил пройти мимо винного склада у ст. Зучка и водку предпочел выполнению своей боевой задачи. Весь полк перепился [1]. Время было упущено. После же того как этот случай стал известным и были приняты меры для замены полка, южный берег Прута оказался сильно занятым противником. Наступила ночь.

Переправа 32-й дивизии, которая должна была взять Черновиц, протекает в тяжелых условиях. На участке Приват-Камераль, ст. Зучка австро-венгерцы освещают впереди лежащую местность прожекторами и не дают возможности спустить понтоны. Последние разбиваются огнем с карнизов горных уступов и из садов. Это вынуждает ген. Баранцева двинуть из Садагура свой корпусный резерв — 1-ю бригаду 82-й дивизии к Любигореча для переправы здесь совместно со 2-й бригадой этой дивизии и для наступления затем во фланг австро-венгерцев, сопротивляющихся 32-й дивизии. Форсирование реки 82-й и 103-й дивизиями облегчается тем, что австро-венгерцы восточнее Черновиц уже начали отход, оставив на позициях только свои арьергарды. Батальон 82-й дивизии после 24 час. переправляется через реку севернее Любигореча и захватывает передовой окоп. За ним следуют и остальные части дивизии. С помощью второго переправившегося батальона удается овладеть выс. 253, после чего наводка моста затруднений уже не встречает. Вместе с тем под влиянием наступления 82-й дивизии противник на фронте 32-й дивизии сдает. 126-й полк в Приват-Камераль сначала переправляет десант, а за-

[1] Об этой массовой выпивке в архивных материалах не упоминается. Но этот факт тогда же стал известным командному составу и был записан бывшим начальником штаба 32-й дивизии В. Л. Барановским.

тем наводит там мост [1]. За ним перебрасываются на южный берег реки и роты 125-го полка.

В 103-й дивизии у Вама удается переправить на понтонах 2 роты. На рассвете они подкрепляются еще 3 ротами. Эти 5 рот атакуют австро-венгерскую бригаду ген. Паппа и захватывают часть ее позиции. Одновременно с этим 409-й полк, переправившись у Острица, сбивает слабые части противника и начинает продвижение на запад. Опасаясь обхода с тыла, австро-венгерский арьергард, занимающий Вама, после 5 час. начинает отход [2]. К 7 час. 18 июня обнаруживается отступление австро-венгерцев на всем фронте 12-го и 11-го корпусов. Командир 11-го австро-венгерского корпуса ген. Корда, по приказанию ген. Пфлянцер-Балтина, расположивший свой резерв в 15 *км* западнее г. Черновиц, решил, что оборона р. Прут стала невозможной. В 3 часа 18 июня он приказал своему корпусу начать отход на р. Серет без каких бы то ни было остановок с сосредоточением центра усилий на новой позиции на ее левом фланге. Кавалерийский корпус Брудермана отходил на позицию Тучаны, Лукавец; в случае нужды он должен был занять линию Козув, Куты, Бергомет, прикрывая кавалерийской бригадой направление на фронт Пистын, Козув и имея бригаду 24-й пех. дивизии южнее р. Прут.

Настроение русских войск поднимается. Однако, в 82-й и 103-й дивизиях из-за отсутствия переправочных средств может быть построено всего лишь по одному мосту. Это обстоятельство в связи с растянутыми участками этих дивизий приводит к тому, что переправа их задерживается на много часов. В 11-й и 32-й дивизиях происходит задержка в переправе

[1] В полупонтон садилось 25 чел. С 2 час. до 2 ч. 45 м. успели переправиться на 4 полупонтонах четыре взвода до острова. Дальше люди шли вброд. Как только австро-венгерцы открыли огонь по месту переправы, понтонеры (11-й понтон. батальон) разбежались. Прапорщик Беликов собрал их (В. И. А., Д. 13—311, стр. 28).

[2] Здесь при ведении боев неоднократно имели место случаи перехода русских на территорию Румынии, что каждый раз опротестовывалось румынскими военными властями (В. И. А., Д. 55—713, стр. 1 и Д. 55—709, стр. 4).

артиллерии[1], отчасти вследствие трудности подняться на южный берег реки. Поэтому пехота двигается вперед с очень небольшим числом орудий. Остальные заканчивают переправу только к 16 час. 18 июня.

В 12-м корпусе днем 17 июня у Завале на участке 3-й австро-венгерской кав. дивизии переправились вброд через Прут 3 роты 47-го полка. Тотчас же против них австро-венгерцы перешли в контратаку с охватом обоих флангов. Роты при содействии артиллерии, а с наступлением темноты и при помощи 48-го полка, также приступившего к форсированию реки, удержались на правом берегу р. Прут. 18 июня к 12 ч. 15 м. на южном берегу р. Прут была почти вся 12-я дивизия, которая переправилась вброд и по только что наведенному понтонному мосту, сбила противника на берегах р. Черемош и заняла Завале[2]. Противник уходил от Чарториа на юго-запад, а от Глиница на юг. Артиллерия 12-й дивизии преследовала его огнем, а затем преследование продолжалось бригадой Терской каз. дивизии, за которой на Сторожинец пошел авангард 12-й дивизии. В то же время 19-я дивизия перешла в Снятын.

---

[1] В Мамайовце Старе 2-й ротой 21 сап. батальона, приданной 11-й дивизии, постоянный мост был окончательно восстановлен тотчас же по отходе австрийцев при помощи материалов, заготовленных до начала форсирования Прута.

[2] 12-я дивизия в предшествовавшие дни обучалась форсированию реки. 1-й понтон. батальон навел мост через р. Прут в 30 мин. К 4 ч. 30 м. был закончен постоянный мост (В. И. А., Д. 66—216, стр. 26 и 27).

К югу от Орошены имели место такие случаи: за 47-м полком ночью переправился через р. Прут 48-й полк, 47-й полк продвигался вперед с беспорядочной стрельбой во все стороны, и в частности обстреливал 48-й полк. Роты последнего без выстрела (стрелять ночью было воспрещено) двинулись вперед с криками „ура" и к своему удивлению столкнулись с подразделениями 47-го полка. При перестрелке 48-й полк потерял 1 убитого, 5 раненых и 3 пропавших без вести (В. И. А., Д. 66—216, стр. 27 и 28).

О другом случае говорит телеграмма начальника штаба 12-го корпуса: „Комкор приказал принять немедленно энергичные меры против прекращения пьянства в с. Вашкивцы на правом берегу р. Черемош. Там имеются громадные запасы спирта, и замечены многие нижние чины 41-го корпуса и 19-й дивизии, набросившиеся на них" (В. И. А., Д. 65—163, стр. 39.)

Для преследования австро-венгерцев, отступающих перед фронтом 11-го русского корпуса, выдвигается бригада Терской каз. дивизии, Текинский кон. полк и сотня кубанцев. В районе Кучурмаре бригада захватывает 400 пленных бригады Паппа, 2 тяжелых орудия, свыше 1 000 груженых повозок и пр. Пройдя 18 июня около 30 *км*, она приостанавливается в районе Михучены. Сотня кубанцев у Сторожинец настигает части 10-й австро-венгерской бригады и берет в плен 2 офицеров, 85 солдат и 1 пулемет. Вслед за казаками на юг спешит вся пехота корпуса, предшествуемая авангардами. Дивизии идут дивизионными колоннами: 11-я — на Михальче, 32-я — на Волока, 82-я — на Молодна, 103-я — вдоль румынской границы на Лукавица.

К вечеру 18 июня 12-я дивизия, захватив за два дня 91 пленного, занимает район Барбивцы, выслав авангарды, каждый в составе полка, на Станивцы Дольны и Сторожинец. 11-й корпус главными силами выходит на фронт Бабешти, Кучурмаре, Лукавица. Его авангарды после оттеснения арьергардов 202-й гонведной бригады находятся севернее линии Сторожинец, Дымка, Превороке, всюду встретив сопротивление противника. 41-й корпус переправился через Прут своим левым флангом в связи с 12-й дивизией и вступил в соприкосновение с противником на фронте устье р. Чернява, Тучаны. 33-й корпус, сменив 3-й кав. корпус, частью еще в ночь на 18 июня, продолжил свой левый фланг до Сороки.

В Черновиц одновременно вошли части 32-й и 82-й дивизий. Город оказался эвакуированным [1]. Магазины, наполненные товарами, были заколочены. Населения осталось мало. Подвижной состав был угнан. Водоснабжение и стрелки на всех захваченных железнодорожных станциях были испорчены. Железнодорожные и шоссейные мосты были взорваны, а деревянные

[1] Эвакуация проходила с осложнениями: ко времени входа в город бригады Паппа и 10-й пех. бригады все улицы оказались загроможденными обозами. Две батареи так и не могли пробиться на запад и попали в руки русских.

сожжены. Для поддержания порядка в городе там были оставлены 125-й полк и сотня казаков.

На следующий день, 19 июня, по приказу ген. Лечицкого [1], 11-я и 32-я дивизии, а также и 12-й корпус, утомленные ночным боем, переправой через Прут и переходом в 12—20 *км* по сильно всхолмленной местности, продолжали выдвижение к р. Серет только своими авангардами. Выполнение задачи оказалось легким, так как 11-й австро-венгерский корпус в ночь на 19 июня очистил северный берег этой реки, уничтожив все мосты. 12-й корпус с приданной ему 1-й Донской каз. дивизией направил авангарды на Вашкивцы (19-й дивизии) и Жадова [2]. Они дошли до восточной окраины первого селения и до Комарешти-Слободзиа и отбросили части 8-й кав. и 24-й пех. австро-венгерских дивизий. 82-я дивизия заняла Кичера, имея авангард в Хлибока, а 103-я дивизия — Превороке с авангардом в Опришены [3].

К вечеру 19 июня, несмотря на самую благополучную перспективу в отношении обстановки на фронте и взятие 18 июня 3000 пленных, преследование противника пришлось почти прекратить. Помимо растяжки фронта армии и корпусов, утомления их, перенесенных потерь, дождей и грязи, главной причиной приостановки наступления явилось расстройство тыла. В этом отношении характерен разговор 19 июня по прямому поводу между ген.-квартирмейстером армии Кельчевским и начальником штаба 11-го корпуса Черемисовым [4]. Первый, между прочим, говорил: „... Обстановка такова, нам до зарезу нужно было бы двинуться на запад и покончить с группой, которая стоит между Нежвиска и Заблотув. Но, к сожалению, мы не в состоянии двинуться ни шагу вперед, пока не будет восстановлена дорога от Новоселица через Зучка на

---

[1] Приказ № 01769 В. И. А., Д. 56—569, стр. 98.

[2] 1-я Донская каз. дивизия 20 июня должна была выдвинуться в район Куты.

[3] По упомянутому приказу и дополнительным распоряжениям 82-я и 103-я дивизии должны были прикрывать район Черновиц. Но в тот же день это распоряжение было отменено.

[4] В. И. А., Д. 56—570, стр. 29.

Залещики. Иначе корпуса будут голодать...“ Черемисов в ответе сообщает: „...Вчера командир 9-го железнодорожного батальона запросил меня, не разрешу ли я ему исправлять дорогу Новоселица, Черновиц. Меня этот вопрос удивил. Я ему ответил, что не только разрешаю, но прошу сделать это как можно скорее... Если тылы не налажены, то, конечно, двигаться нельзя. Тогда лучше пришлите нам скорее укомплектования и дайте отдых. Есть полки, потерявшие до 2000 человек...“

В тот же день ген. Лечицкий отдал приказ[1], в котором указывается на большое удаление фронта армии от снабжения станций впредь до выноса одной из таковых (из Новоселица в Зучку) и даются задачи корпусам (схема 7): 33-му корпусу с Туземной дивизией, а также 41-му корпусу выполнять прежнюю задачу; 12-му корпусу с 1-й Донской каз. дивизией занять район Неполокивцы, Барбивцы, выдвинув авангарды в Вашкивцы и на Жадова; 11-му корпусу две дивизии — 11-ю и 32-ю сосредоточить в районе Кучурмаре и укомплектовать их прибывающими пополнениями; остальным двум дивизиям — 82-й и 103-й — под начальством Промптова продолжать преследование противника за Серет, отбросить его за р. Сучава и загнать в горы; 3-й кав. корпус (10-я кав. и Терская дивизии[2]) должен оказать содействие Промптову и преследовать противника дальше на Кимполунг, Дорна-Ватра.

Таким образом, приказ, учитывая трудности снабжения, лишь закреплял создавшееся положение. Главные силы армии приостанавливали наступление, и лишь 82-я и 103-я дивизии и 3-й кав. корпус должны были продолжать преследование частей 11-го австро-венгерского корпуса, уходивших к Карпатским перевалам.

11-й австрийский корпус (32000 винтовок), удерживая свой левый фланг (кав. корпус Брудермана) у Лукавец на месте, южным крылом должен был от-

---

[1] № 01775, В. И. А., Д. 56—570, стр. 91.

[2] 25 июня 1-я Донская каз. дивизия снова была включена в 3-й кав. корпус.

ходить, в случае наступления русских, на фронт Молдавская Банилла, Страза, Кимполунг, а затем на линию Кирлибаба, Якобени. К этому времени ген. Корда получил 5 батальонов ландштурма, из которых 3 венгерских, перевозимых с Салоникского фронта, бригаду из 13-го корпуса и находившиеся ранее на северном берегу р. Прут бригаду 24-й пех. дивизии и полк 202-й бригады. 20 июня русские дивизии переправляются через р. Серет на фронте Хлибока, Опришени и главными силами пехоты занимают район севернее Радауц, а конницей — Радауц. 22 июня пехота занимает Фалькей, а 3-й кав. корпус — Гура-Гумора. В ночь на 23 июня она входит в Кимполунг, пройдя за 3 дня 100 *км*, но пехоты главных неприятельских сил не догоняет. За время преследования отряд Промптова и 3-й кав. корпус взяли свыше 2 000 пленных, 27 пулеметов и разное имущество бригад Паппа, 10-й пех. и 202-й гонведной [1] дивизий.

25 июня 3-й кав. корпус, в состав которого была включена бригада 103-й пех. дивизии [2], получает задачу: „Выбить противника из района Якобени, где прочно закрепиться. Вести разведку на фронте Леордина, Быстриц. Выслать сильные партии для разрушения железных дорог и мостов на шоссе". Но проникнуть в Венгрию русской коннице, впрочем, так же как и пехоте, так никогда и не удалось. Части 7-й австро-венгерской армии, подкрепленные сначала австро-венгерскими, а затем и германскими частями, стойко обороняли перевалы через Карпаты в Венгрию.

На фронте 12-го корпуса части кав. корпуса Брудермана с 20 июня постепенно, под давлением наших передовых частей стали отходить на запад и к 23 июня оставили г. Куты, который в тот же день был занят 1-й Донской каз. дивизией.

---

[1] С 4 по 23 июня 9-й армией взяты и захвачены: 1 генерал, 3 командира полка, 1 242 офицера, 54 659 солдат, 66 орудий 172 пулемета, 22 бомбомета и 11 минометов (В. И. А., Д. 56—572, стр. 62).

[2] А затем вся 103-я дивизия была оставлена северо-восточнее Якобени для наблюдения за Румынией и прикрытия левого фланга главных сил армии.

В дальнейшем с 28 июня до 11 августа 9-я армия продолжала наступление на запад, сосредоточивая главные усилия на своем правом фланге в общем направлении на фронт Галич, Станиславов с целью оказать содействие наступлению 7-й армии и повлиять на положение дел правого фланга юго-западного фронта, против которого немцы успели развернуть значительные силы, не позволявшие русским продвинуться на запад от г Луцк.

9-я армия за этот период нанесла 7-й австро-венгерской армии целый ряд серьезных поражений. С 11 августа 9-я армия стала топтаться на месте: сама она истощилась и растянулась; 7-я австро-венгерская армия получила сильные германские и австро-венгерские подкрепления; наступление к Карпатским перевалам, в Венгрию, было безрезультатным.

С 4 июня по 11 августа 9-я армия продвинулась максимально на 120 *км*, т. е. в сутки в среднем менее чем на 2 *км*.

VI

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАЦИЙ 9-Й АРМИИ С 4 ПО 23 ИЮНЯ И РАЗБОР ДЕЙСТВИЙ ОБЕИХ СТОРОН С 14 ПО 23 ИЮНЯ

Результаты развития прорыва

При продвижении 9-й русской армии на запад в результате удачного прорыва ею австро-венгерского расположения 4—10 июня, левое крыло ее было задержано р. Прут и осталось позади (схема 5). Форсирование этой реки и овладение Черновиц, главным городом Буковины и крупным узлом путей, обеспечили занятие всей армией выгодного исходного положения для возобновления наступательных действий против еще более ослабленной и потрясенной 7-й австро-венгерской армии.

9-я армия в составе юго-западного фронта играла бóльшую роль, чем ее соседи — 11-я и 7-я армии. За 19 дней, с 4 по 23 июня, 9-я армия продвинулась на запад на 50 *км* дальше, чем не только эти две армии, но и 8-я армия, наносившая главный удар.

9-я армия с 14 по 23 июня по приблизительным подсчетам захватила 8 000 пленных, 11 орудий и 50 пулеметов, что вместе с трофеями, взятыми с 4 по 13 июня составило свыше 46 000 пленных, 60 орудий и 170 пулеметов.

Одновременная, почти неожиданная атака четырех армий, прорыв позиций, считавшихся неприступными, и развитие ими, и в особенности 9-й армией, успеха создали на австро-венгерском фронте ряд кризисов,

приостановку 16 июня, а 24 июня и отход австро-венгерцев на итальянском фронте, с которого уже с 6 июня стали перевозиться войска на восток в 7-ю австро-венгерскую армию, угрозу Венгрии, перемену настроений в Румынии в пользу Антанты и тяжелое положение Австро-Венгрии. Австро-венгерское и германское высшее командование считали наступление армий ген. Брусилова, и в частности 9-й армии, угрожающим самому существованию Австро-Венгрии. Бывший начальник германского генерального штаба ген. Фалькенгайн о действиях 9-й русской армии в начале июня говорит:[1] „Наступление в Буковине имело огромные результаты... 7-я австро-венгерская армия... хлынула назад на всем фронте; первое время нельзя было и предвидеть, когда и где удастся ее остановить..., а по отношению ко всем австро-венгерским силам, сопротивлявшимся натиску армий ген. Брусилова, и особенно находившимся против 8-й и 9-й русских армий...— когда 7 июня стали известны потери союзников людьми и материалом, а также ближайшие данные о поведении частей в боях, нельзя было уже сомневаться в том, что без сильной немецкой поддержки в близком будущем всему фронту в Галиции грозит полный разгром". Так сложившаяся обстановка заставила германское высшее командование начать переброску на восток на помощь союзнице, терпевшей бедствие, и в частности 7-й австро-венгерской армии, германских войск из Франции и из Македонии. Ход военных действий во Франции вследствие этого претерпел крупные изменения. В Галицию стали перевозиться и турецкие дивизии. Так была вырвана русским наступлением инициатива у австро-венгерцев и германцев, так была скована их свобода действий.

27 августа на стороне Антанты выступила Румыния. Однако, все эти результаты стоили много русской крови. 9-я армия потеряла с 4 по 23 июня 35 000 чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести, из них около 5000 чел. при форсировании реки и связанных с ним действиях.

---

[1] Фалькенгайн, стр. 224 и 225.

Планы сторон

Возобновление наступления правым крылом армии на фронт Станиславов, Коломыя против уже потрясенной группы ген. Гадфи обещало крупные оперативные результаты и в наилучшей степени содействовало остальным армиям ген. Брусилова, и в частности 7-й. Но, с другой стороны, удаление 33 го, 41-го и 3-го кон. корпусов от своего головного склада на 100 *км*, отсутствие достаточных транспортных средств и подготовки для быстрого восстановления железнодорожных линий, хотя бы от ст. Залещики или ст. Юркоуц на запад, если нельзя было использовать участок по северному берегу Прута, делали такое наступление невозможным. Но и при благоприятном и быстром разрешении вопросов снабжения основной группировки 9-й русской армии, если бы она развертывалась севернее р. Прут, окончательный разгром групп генералов Гадфи и Бенигни представлялся невыполнимой задачей: лучше сохранившийся 11-й австро-венгерский корпус укрылся за Прут в районе Черновиц, узла путей с юга и юго-запада; там он занял позиции, сильные по своим природным свойствам и инженерному оборудованию; его расположение здесь являлось фланговым по отношению к операционному направлению на фронт Станиславов, Коломыя. Если бы командующий 9-й армией ген. Лечицкий центр своих усилий направил именно в этом последнем направлении, сначала не обеспечив надежно с юга свои главные силы, а прикрываясь лишь заслоном по северному берегу Прута, то ген. Корда, вероятно, не упустил бы благоприятного момента, чтобы сбить этот, естественно, слабый заслон и оказаться в тылу главных сил 9-й русской армии.

Это имело тем больше оснований, что ген. Лечицкий мог ожидать прибытия к противнику как раз в район Черновиц свежих подкреплений с других фронтов и что действия более или менее сохранившейся конницы 7-й австро-венгерской армии при появлении войск ген. Корда в районе Коцман могли иметь неприятные последствия для русских корпусов, двигающихся на запад. Надо принять во внимание еще и

следующие обстоятельства. Наступать в важнейшем направлении — на Станиславов — все равно нельзя было вследствие отсутствия соответствующей предварительной подготовки для снабжения продвигающейся на запад армии. От Черновиц австро-румынская граница на 90 *км*, почти до Фельтичени[1] (Румыния), шла к югу; с востока на запад, до подножия Карпат, этот плацдарм имел протяжение 25—40 *км*, и туда стекались пути из Венгрии и Румынии; плацдарм находился на фланге всего русского фронта. Овладение русскими главным городом Буковины и территорией в непосредственном соседстве с Румынией могло создать в последней более благоприятные настроения по отношению к Антанте. При этих условиях оставление Буковины в руках австро-венгерцев и перенесение центра тяжести усилий 9 й русской армии на заманчивый фронт Станиславов, Коломыя являлось достаточно рискованным. Поэтому намерение ген. Лечицкого раньше всего овладеть г. Черновиц и районом к югу опорочить трудно, хотя отсрочка наступления в важнейшем направлении на Станиславов имела первым результатом отправку намеченной для усиления 7-й австро-венгерской армии 61-й австрийской дивизии на главное для русского юго-западного фронта луцкое направление.

Австро-венгерское командование, претерпев возмездие за недооценку своего противника и переоценку своих возможностей и укрепленных позиций, растерялось: действительно, положение было грозным. После катастрофы, постигшей 7-ю армию, можно было ожидать немедленного возобновления наступления русских и в направлении на Станиславов и на юго-запад — в Буковину. Сил и средств, чтобы в самом начале остановить активные действия русских, австро-венгерцы не имели. А между тем задача, выпавшая на ген. Пфлянцер-Балтина, имела весьма важное значение для всего австро-германского фронта. Его армия обороняла подступы к Венгрии, к нефтяным источникам Галиции. Дальнейшее ее отход не мог не повлиять в неблагоприятном для центральных государств смысле на линию

[1] См. схему 7.

поведения Румынии с ее продовольственными и нефтяными богатствами, до сих пор охотно продаваемыми и в Германию, и в Австро-Венгрию. Да и сама Буковина с г. Черновиц и Южная Галиция представляли большую ценность для Австро-Венгрии, будучи сельскохозяйственными производящими районами с черноземной почвой. Если еще принять во внимание то, что 7-я армия находилась на крайнем южном фланге австро-германского фронта и каждый ее отскок неблагоприятно повлиял бы на положение дел к югу от р. Припять и значительно удлинял бы протяжение этого фронта, то не удивительно, что сюда, на юг, устремились взоры не только австро-венгерского, но и германского верховного командования. Но так как свежие подкрепления могли прибыть в 7-ю армию еще не скоро, то на направлении к Станиславов пришлось наметить рубежи, на которые эта армия должна была отходить в случае возобновления наступления русских.

В то же время надо было оборонять Буковину. При изложенных обстоятельствах австро-венгерскому командованию ничего другого и не оставалось делать. Человек же склонен верить в то, во что ему хочется верить. С этой точки зрения понятна вера ген. Пфлянцер-Балтина в силу действительно мощной позиции его войск на правом берегу р. Прут, оборонявшейся самыми свежими его войсками. Но история почти не знает случаев неудачи форсирования реки, раз произведена хорошая подготовка к этой операции. Поэтому командованию 7-й армии надо было принять все меры для своевременной подготовки в Буковине тыловых позиций, для разведки и систематического наблюдения за русскими и для сбора резервов за западным флангом 11-го корпуса. Нельзя сказать, чтобы австро-венгерцы совсем пренебрегли этими возможностями. Но, например, распоряжение о расположении резерва Корда за западным его флангом к началу форсирования реки осуществлено почти не было.

Развертывание русских и австро-венгерцев

Развертывание 9-й русской армии к 17 июня не в полной мере соответствовало плану ее действий: на

главном направлении, на фронте от Снятын до Вама протяжением 46 *км*, были развернуты в первом эшелоне 72 батальона, около 250 орудий и около 200 пулеметов, а во втором эшелоне — 24 батальона, 36 орудий, 24 эскадрона[1] и около 50 пулеметов против 24—30 австро-венгерских батальонов, 200 орудий, 150—200 пулеметов и около 32 эскадронов, т. е. на каждый 1 *км* линии фронта приходилось в первом эшелоне в среднем на обеих сторонах 1,6 (русских) и около 0,7 (австро-венгерских) батальонов, 5,5 и 4,4 орудий, 4,4 и 3,3—4,4 пулеметов.

Можно считать, что здесь русские значительно превосходили австро-венгерцев только в пехоте, так как русские части, находившиеся во втором эшелоне, не могут учитываться, вследствие того, что в самом форсировании они не могли бы принимать участия.

Русский заслон с запада на фронте от Нежвиска до Снятын протяжением около 57 *км* имел в своем составе в первом эшелоне 56 батальонов, около 200 орудий, около 200 пулеметов и 84 эскадрона, а во втором — 8 батальонов с 30 пулеметами — всего около 50 000 винтовок против 33—38 австро-венгерских батальонов, 220 орудий, 160 пулеметов и 32 эскадронов в первом и до 20 батальонов, 8 эскадронов и 80 пулеметов во втором эшелонах — всего 28 000 винтовок, т. е. на каждый 1 *км* линии фронта приходилось в первой линии в среднем на обеих сторонах 1 (русский) и около 0,5 (австро-венгерских) батальона, 3,5 и 4 орудий, 4 и 4,2 пулеметов.

Следовательно, на второстепенном участке русские имели свыше чем полуторное численное превосходство. В отношении же числа орудий и пулеметов обе стороны на обоих участках находились более или менее в одинаковых условиях.

Таким образом, русские развернули в районе Черновиц абсолютно больше сил, чем на своем правом крыле, обращенном фронтом на запад. Соотношение же сил русских с силами противника на главном и на второстепенном направлениях было почти одинаковым.

---

[1] Не считая дивизионной конницы.

Отчасти это можно объяснить тем, что русские войска были не мобильны, их маневренные способности были весьма ограничены, а надо было готовиться к наступлению основной группировкой армии на северо-запад. К тому же маневрирование было стеснено испортившимися от дождей дорогами. Такое не совсем удачное развертывание 9-й армии не имело неблагоприятных последствий только потому, что 11-й австро-венгерский корпус не оказал большого сопротивления на р. Прут и преждевременно ушел.

Можно было ожидать, что ген. Лечицкий будет стремиться оттеснить 11-й австро-венгерский корпус на румынскую территорию. Это было бы, конечно, совершенно правильно, если нельзя было рассчитывать на его окружение. Но группировка дивизий 11-го и 12-го корпусов не соответствовала такому предположению. Казалось, было бы более правильным развернуть в районе Ревакивцы, Лужаны большую часть этих корпусов, демонстрируя незначительными частями на всем остальном фронте до румынской границы, а по форсировании Прута главными силами наступать на юго-восток, прикрываясь с запада р. Серет. При этом условии 11-й австро-венгерский корпус вряд ли мог так благополучно уйти из-под занесенного над ним удара. Но на северном берегу р. Прут дивизии получили почти одинаковые участки, а резерв командира 11-го корпуса располагался не за правым флангом корпуса, как бы следовало, а за центром. Конечно, трудно было перегруппировывать корпуса вдоль фронта уже после выхода их на Прут: части утомились, днем передвигать их нельзя было, а ночи стали короткими. Если бы все же перегруппировка производилась, то вряд ли можно было приступить к форсированию реки в назначенный срок: части прибывали бы в новый район, надо было производить разведку впереди находившегося противника и заново подготавливать форсирование. Группировку сил, соответствовавшую упомянутой идее, надо было создать при преследовании австро-венгерцев после 10 июня. Для этого никаких препятствий, в том числе и снабженческих, не было. Но это не имело места. Преследование было

организовано без хорошо продуманной перспективы дальнейших действий.

Рассчитывая на упорную оборону австро-венгерцев, что было совершенно правильным, Лечицкий форсирует реку на широком фронте в 46 *км* сразу пятью дивизиями, в исходном положении уже несколько охватившими противника. Это должно было рассеять внимание наземного и воздушного наблюдения и отвлечь австро-венгерские резервы от главного направления, на котором форсировали реку наиболее надежные 11-я и 32-я дивизии, получившие более сильную артиллерию.

Форсирование р. Прут

Из двух способов форсирования реки вообще—внезапного ночью и после мощной артиллерийской подготовки днем — Лечицкий мог выбрать, естественно, только первый.

Само форсирование Прута было организовано удачно. К окружению 11-го австро-венгерского корпуса оно не привело, хотя относительно слабые силы, оборонявшие южный берег реки, являлись фактором, облегчавшим решительные действия русских. Но австро-венгерцы занимали такие сильные позиции, что при неумелых действиях русских они легко могли их удержать. Одним из важнейших обстоятельств, заставивших ген. Корда слешно уходить от Прута на юго-запад, было неожиданное для него форсирование реки. Внезапность была достигнута следующими мероприятиями русских: форсирование было проведено ночью (правда, луна в конце концов выдала переправу русских); разведка расположения противника, реки и местности была произведена тщательно и скрытно; места для переправ были намечены удачно; 11-я и 32-я дивизии форсировали реку каждая в двух местах; движение днем по дорогам, отлично видневшимся с южного берега реки, со времени подхода к ней русских не производилось; все части 11-го и 12-го корпусов искусно маскировались в селениях, изобилующих растительностью; посадка десанта производилась тихо и быстро, благодаря заблаговременно и скрытно прове-

денному подвозу и подносу понтонов к самой реке; в 11-й дивизии, кроме того, была удачно использована р. Валувка: русская артиллерия частью открыла огонь на поражение без предварительной пристрелки.

Кроме внезапности, успеху русских способствовали непрерывное и твердое управление, быстрая переправа десантов и выдвижение их в мертвые пространства, ловкая работа понтонер, в короткий срок наведших мосты, безостановочная и энергичная затем переправа по ним пехоты, предрассветный туман над рекой, окутавший русских, и, наконец, полная пассивность австро-венгерцев.

Слабыми местами русских были недостаток переправочных средств в 83-й и 103-й дивизиях, позволивший противнику легко уйти, и тяжелый инцидент в 127-м полку.

Что касается быстрого выдвижения 3-го кав. корпуса к перевалам, то оно свидетельствует скорее о скорости отступления австро-венгерцев, чем об энергии преследования их русской конницей. Она двигалась почти без помехи со стороны противника, лишь несколько опережая свою пехоту, стычки происходили с отставшими арьергардными частями австро-венгерцев. Трудно оспаривать храбрость личного состава 3-го кав. корпуса[1], но деятельность его и при этом выдвижении ничем особо полезным и эффектным отмечена не была.

Выполнение задачи 9-й армией

На вопрос, выполнила ли 9-я армия за эти 9 дней возложенные на нее задачи, надо ответить, что она выполнила их и формально, и по существу.

На нее возлагалась вспомогательная роль отвлечь внимание противника от ковельского, а косвенно и от молодечненского направлений. Начальником штаба верховного командующего на нее, как и на остальные

[1] Командир корпуса был ранен в одной из стычек.

армии юго-западного фронта, была возложена задача лишь тревожить противника, а Брусилов в своей директиве подчеркивал, что главный удар наносила 8-я армия. При этом 9-я армия начинала операцию без каких-либо перспектив, без надежд на крупные успехи после прорыва австро-венгерского расположения. Тем не менее ей удалось скоро так потрясти живые силы 7-й австро-венгерской армии, что остатки ее вынуждены были оставить всю Буковину и часть Южной Галиции. Успехи 9-й армии, несомненно, в немалой степени и повлияли на перелом настроений в Румынии в пользу Антанты.

Если еще принять во внимание то, что 9-я армия опережала все армии Брусилова, чем, естественно, оказала им большое содействие, и что южный фланг всего русского фронта такими действиями армии Лечицкого был обеспечен наилучшим образом, то надо признать, что она в полной мере выполнила возложенную на нее задачу.

9-я армия вела в продолжение этих 9 дней собственно не одну операцию, а две последовательных: 1) прорыв укрепленной полосы и 2) форсирование Прута. Перед каждой из них 9-я армия совершала перегруппировку в соответствии с тем, куда направлялся центр ее усилий. При этом на главном направлении Лечицкий стремился развертывать и абсолютно и по сравнению с противостоящими силами противника максимальные силы, что, впрочем, при форсировании Прута ему не совсем удалось.

Что касается действий Пфлянцер-Балтина, то, помимо вышесказанного о его ошибках, можно отметить положение, в котором он постоянно находился. Его войска были явно неустойчивы и недостаточно хорошо обучены. При этих условиях трудно было достичь необходимых результатов даже при выгодном соотношении сил и материальных средств.

ЧИСЛЕННОСТЬ РУССКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ВЕСНОЙ 1916 Г.

Всего на русском вооруженном фронте, включая кавказский фронт и 6-ю армию, располагавшуюся в Ленинграде, Финляндии и на побережьи Финского залива, к 14 мая 1916 г. находились 67 арм. и 8 кав. корпусов, 159 пех. и 47 кав. дивизий, 10 отдельных пех. и 9 отдельных кав. бригад и около 7 200 орудий (Военно-исторический архив (ВИА), дело (Д) 239).

Начальник штаба верховного главнокомандующего Алексеев в своем докладе от 4 апреля 1916 г. определял численность армий юго-западного фронта в 593 батальона и 573 000 штыков (винтовок). На всем фронте против Германии и Австро-Венгрии к этому дню было 1 732 000 русских винтовок, а у австро-германцев — 1 061 000, т. е. русские имели перевес в 671 000 винтовок. По пополнении русских батальонов до штата, что было проведено до начала наступления, перевес мог достичь 877 000 винтовок. Юго-западный фронт к 4 июня имел перевес в 100 000, если не считать запасные части, включенные в состав австро-венгерских армий (Алексеев определял перевес в 132 000 чел.). Таким образом, северный и западный русские фронты по отношению к противнику в численном отношении были в более благоприятных условиях, чем юго-западный фронт. Северный фронт к 14 мая имел 42 пех. дивизии и около 2 800 орудий, из которых 417 тяжелых; западный — 55 пех. дивизий и 2 569 орудий (сколько из них тяжелых — неизвестно); 9 пех. дивизий были в резерве верховного главнокомандующего, большая часть конницы — на западном фронте [1].

---

[1] „Луцкий прорыв", стр. 185 и Фалькенгайн, Верховное командование, стр. 267.

СНАБЖЕНИЕ РУССКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ТРАНСПОРТ

1. Штаб верховного главнокомандующего весной и летом 1916 г. определял, что ежемесячно требуются: 200 000 винтовок, 600 пулеметов, 240 000 000 ружейных и пулеметных патронов, 668 легких и 83 тяжелых орудий, 300 000 выстрелов для легких и 225 000 для тяжелых гаубиц.

Производство всех этих предметов, резко увеличившееся в течение войны, все же сильно отставало от потребности. Так, в августе 1914 г. в России было изготовлено 10 300 винтовок, 112 пулеметов и 59 000 000 ружейно-пулеметных патронов, а в январе 1916 г. соответственно 88 400 560 и 109 000 000 (летом 1916 г.—120 000 000), причем рост русского патронного производства превосходил рост производительности французских патронных заводов. Легких орудий и снарядов для 76-*мм* пушек в январе 1915 г. в России было изготовлено 68 и 124 200, а в январе 1916 г. соответственно 232 и 1 931 400, т. е., примерно, по 350 выстрелов на пушку, причем действительная потребность в выстрелах для 76-*мм* пушки превысила расчеты мирного времени в 6—7 раз. Производство же тяжелых орудий и тяжелых снарядов в России не налаживалось. В январе 1916 г. у нас было изготовлено только 5 тяжелых орудий и за всю войну только 23% общего числа тяжелых снарядов. Вместе с ввозом последних из-за границы вооруженный фронт получал летом 1916 г. в месяц для тяжелых и легких гаубиц вместе 90 000—100 000 выстрелов (для легких гаубиц снаряды вырабатывались только в России). Всего в 1916 г. снарядов было послано на фронт в три раза больше, чем в 1915 г. (В.И.А., Д. 266 — 649).

2. В 1916 г. ежемесячно требовались 2 200 000 пар сапог. В 1916 г. военное министерство получило от русских предприятий 15 400 000 пар сапог, из-за границы 5 700 000 пар сапог и 4 000 000 пар башмаков (В.И.А., Д. 266 — 649).

3. Работа транспорта к весне 1916 г. возросла по сравнению с мирным временем на 40—50%. В связи с этим в феврале 1916 г. на станциях скопилось 150 000 груженых вагонов, из них 50 000 со срочными грузами (Р. Клаус, Война и народное хозяйство России 1914 — 1917 гг., стр. 95). Заводы, работавшие на оборону, получали не более 50 — 60% необходимых им транспортных средств („История гражданской войны в СССР", т. I, стр. 29).

СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ АВИАЦИИ ВЕСНОЙ 1916 г.

К началу войны в русской армии состояли 39 авиаотрядов, в составе которых фактически имелись 263 самолета системы Фарман-XVI, XXII, Ньюпор-IV, Моран-Ж и Моран-Парасоль, снабженные моторами „Гном" или „Рон" в 70 и 80 *л. с.*, 8 воздухоплавательных рот с 47 привязными аэростатами и 4 дирижабля, из которых один („Парсеваль") мягкий.

Самолеты не имели вооружения. В составе каждого из отрядов были самолеты разных систем. Летный состав был обучен слабо. Летчиков нехватало. Бензин был плохого качества. Начальники общевойсковых соединений имели смутное представление об использовании этой примитивной, как и в армиях других государств, авиации. Она предназначалась исключительно для разведки.

С начала военных действий сразу же выявилось огромное значение авиации, и стали определяться перспективы ее развития. Протокол заседаний „верховной комиссии для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снабжения армий", имевших место в январе — мае 1916 г., говорит: „В видах осуществления возможности выполнять более сложные задачи, например, совершать массовые полеты вглубь неприятельского расположения с целью производства разрушения важных сооружений посредством бомбометания, обстрела и т. п., было решено приступить к формированию армейских авиационных отрядов, снабдив их аппаратами большой мощности". Возникла также необходимость иметь и истребители.

С начала войны до июня 1916 г. военное ведомство получило за счет значительно большего числа заказанных самолетов и моторов от семи русских самолетных заводов 1 512 самолетов и из Франции 358 самолетов. В действующую армию отправлены 1 344 русских самолета и 316 французских. Самолеты, посланные на фронт во время войны, принадлежали к типам Вуазен, Ньюпор, Моран-Парасоль, Фарман-XXX, Моран-Солнье, „Лебедь-XII", Анатра, Моска и Дюпердюссен. Эскадра „воздушных кораблей" — „Илья Муромец" — 9 самолетов — подчинялась непосредственно начальнику штаба верховного главнокомандующего.

Авиационных моторов за это время было изготовлено: семью русскими заводами — 578 (было заказано им 1 720) и за границей (преимущественно во Франции, затем в Англии и Италии) — 1 160.

Отправлено в армию: русских моторов 471 и заграничных 1 131. Таким образом, самолетов, изготовленных в России, было 73%, за границей — 27%, моторов соответственно 30% и 70%. Производство самолетов и моторов на русских заводах систематически возрастало, но не удовлетворяло потребностям (в январе 1916 г. было сдано ими 77 самолетов, а в июне 159). Мощность мотора была увеличена до 250 *л. с.*

Ежемесячная убыль самолетов составляла 37%.

К 1 января 1916 г. в составе русских вооруженных сил числились 42 корпусных отряда, 8 армейских отрядов и 11 дивизионов, отрядов и крепостных рот, всего 505 самолетов (действующих, запасных и в ремонте).

К половине 1916 г. на фронте состояли 77 авиаотрядов и 13 авиадивизионов. Каждый из последних включал все отряды, входившие в состав армии.

В последующем было решено посылать в действующую армию по 290 самолетов в месяц. К 1 января 1917 г. там должно было быть 598 действующих самолетов, из которых 102 армейских, 290 корпусных и 206 истребителей. Армейские самолеты должны были совершать полеты продолжительностью 5 час. при наименьшей скорости 130 *км* в час, корпусные — 3—4 и 130 *км*, истребители — $1^1/_2$ часа и 150 *км*.

„Илья Муромец" совершал боевые полеты продолжительностью 5 ч. 17 м. и сбрасывал бомбы в 240 *кг*, а с учебными целями — до 400 *кг*.

Для вооружения самолетов было выслано с начала войны до 1 июля 1916 г. около 72 000 бомб (2—10-*кг*, снаряженных тротилом или динамитом), около 1 800 000 стрел и пуль и 113 000 зажигательных снарядов. Вопрос о вооружении самолетов пулеметами в полной мере разрешен не был, но авиация получала пулеметы Льюиса, Мадсена, Виккерса и Кольта, и несколько французских самолетов Вуазен, вооруженных легкой пушкой.

Цена самолетов с мотором до войны: Фарман-XXII бис — 12 000 рублей, Моран-Парасоль — 10 200 рублей, „Илья Муромец" — 150 000 рублей и пр.

К 1 января 1916 г. в армию были отправлены 98 привязных аэростатов, а в 1916 г.—152 (неизданные материалы „Верховной комиссии для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снабжения армии", составленные в январе — мае 1916 г. В.И.А., Д. 265—144, стр. 167; Д. 266—649, стр. 7; Д. 420—622

РАСЧЕТ РАСХОДА СНАРЯДОВ В 9-Й АРМИИ 4 ИЮНЯ

За 4 июня в армии было израсходовано снарядов: 69 000 легких пушечных (половина гранат), т. е. по 194 снаряда на пушку (в 11-м корпусе свыше чем по 500 снарядов на пушку, в остальных корпусах меньше), 12 000 горных, т. е. по 190 на пушку (в 11-м корпусе и 3-й Заамурской дивизии свыше чем по 300) 9 700 легких гаубичных, т. е. по 404 на гаубицу (все в 11-м корпусе), 2 100 тяжелых гаубичных, т. е. по 175 на гаубицу (в 11-м корпусе по 220), 8 500 тяжелых пушечных 107-*мм*, т. е. по 283 на пушку, 4 500 тяжелых осадных, т. е. по 187 на пушку, 450 — Кане, т. е. по 112 снарядов на пушку, и 2 400 000 винтовочных и пулеметных патронов. Следовательно, подошли к концу лишь бомбы для легких гаубиц и тяжелых осадных пушек (ко 2 июня в армии легких гранат на пушку было 895, на горную пушку — 457, бомб на легкую гаубицу — 396, полевую тяжелую гаубицу — 1 105, осадную пушку — 170).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. „История гражданской войны в СССР", т. I, Огиз, 1935 г.
2. В. И. Ленин. „Собр. соч.", т. 13-й.
3. „Военно-исторический архив". №№ дел:

Ставки (штаба верховного главнокомандующего):

233 265-144 420-622
887 266-649

Штаба 9-й армии:

52-696 56-569 56-599
55-770 56-570 57-017
55-821 56-571 57-018
55-822 56-572 57-019
55-824 56-573 57-020
55-825 56-574 57-021
55-826 56-575 57-022
56-565 56-576 57-023
56-566 56-577 106-068
56-567 56-578
56-568 56-579

Штаба 11-го корпуса:

151-441 151-810 152-436
151-809 151-811

Штаба 12-го корпуса:

65-162 65-164 78-107
65-163 78-101

Штаба 11-й пех. дивизии:

289-794 24

Штаба 32-й пех. дивизии:

150-036

Штаба 19-й пех. дивизии:

55-708 55-713 289-874
55-709 74-144 289-877
55-712

Штаба 3-й Заамурской пограничной пех. дивизии:

68-494	68-553	69-397
68-541	68-558	69-015
68-562	68-566	69-026
		69-027

43-го пех. Охотского полка:

56-890

45-го пех. Азовского полка:

66-216 66-222 66-225

46-го пех. Днепровского полка:

65-882
65-890 — полевая книжка прапорщика Пузино
65-992 — „ „ „ „

48-го пех. Одесского полка:

66-214 66-215 66-216

125-го пех Курского полка:

170-723

126-го Рыльского полка:

13-295
13-301 — полевая книжка подпоручика Микульского и затем прапорщика Геркуль — командиров 9-й роты.
13-303 — полевая книжка командира 3-го батальона.
13-311 — полевая книжка подпоручика Балдиса — командира 3-й роты.

127-го Путивльского полка:

13-340 13-352

128-го пех. Старооскольского полка:

170-343 (реляция о боях 4—5 июня 1916 г. у с. Ржавинцы)

10-го Заамурского погран. пех. полка:

75-118 (журнал военных действий).

4. „Монархия перед крушением", составлена Соменковским, „Центроархив", Москва 1928 г., стр. 250.
5. А. Брусилов, Мои воспоминания, Гиз, 1929 г., стр. 250.
6. А. Литвинов, Майский прорыв 9-й армии в 1916 г. Военное издательство Ленинградского военного округа, Ленинград 1923 г., стр. 87.
7. В. Ф. Кирей, Артиллерия атаки и обороны. Выводы из применения артиллерии на русском фронте в 1914—1917 гг. Воениздат, Москва 1926 г., стр. 121.
8. Фалькенгайн, Верховное командование, перев. с немецкого ВВРС, Москва 1923 г., стр. 279.

9. Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., перев. с немецкого ВВРС, Москва 1923 г. т. I, стр. 321.
10. Клембовский, Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. 5-я ч. Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг., Москва 1920 г., стр. 123.
11. „Луцкий прорыв", изд. ВВРС, Москва 1924 г., стр. 271.
12. Р. Клаус, Война и народное хозяйство в России (1914—1917) перев. с немецкого, Военгиз, Москва — Ленинград 1926 г.
13. Е. В. Тарле, Европа в эпоху империализма 1871—1919 гг. изд. 2-е, Гиз, 1928 г., стр. 511.
14. Котляревский, Австро-Венгрия в годы мировой войны, Гиз, Москва 1922 г., стр. 110.
15. „Военно-исторический сборник", вып. 2-й и 3-й, Москва 1920 г. Использованы: в выпуске 3-м статья Бельковича „Заметки о майском прорыве 1916 г." и в выпуске 2-м приложения.
16. Маниковский, Боевое снабжение русской армии 1914—191 гг., ч. 3-я.
17. „Боевое расписание австро-венгерской армии", третье и четвертое издания штаба главнокомандующего армиями юго-западного фронта 1916 г.
18. „Россия в мировой войне 1914—1918 гг." (в цифрах), изд. Центр. статист. управления, Москва 1925 г., стр. 103.
19. Журнал „Война и революция", кн. 10 за 1928 г. Статья Барсукова об артиллерийском снабжении русской армии.
20. „Кто должник". К вопросу о франко-советских отношениях, Авиаиздательство, Москва 1926 г.
21. „Личные заметки и воспоминания быв. начальника штаба 11-й пех. дивизии полковника Базаревского".
22. „Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914—1918 гг. 4-й том, изд. австрийского военного министерства и военного архива. Вена 1933 г.
23. Schwarte. Der grosse Krieg 1914—1918. Band V. Der österreichisch-ungarische Krieg. Лейпциг. 1922 г.

СПИСОК СХЕМ

1. Общее положение на русском фронте к 4 июня 1916 г.
2. Положение 9-й русской и 7-й австро-венгерской армий к началу июня 1916 г.
3. Общая обстановка в 9-й русской и 7-й австро-венгерской армиях 4—9 июня.
4. Наступление 9-й армии 4—9 июня.
5. Расширение прорыва 10 июня
6. Форсирование р. Прут 17—19 июня
7. Овладение Буковиной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

I. ПОЛОЖЕНИЕ И ПЛАНЫ ДЕЙСТВИЙ СТОРОН К ВЕСНЕ 1916 г. 5

Общее состояние русских вооруженных сил. План действий русского командования. — Общее состояние австро-венгерских вооруженных сил. — План действий австро-венгерского командования.

II. ОБСТАНОВКА НА ФРОНТЕ 9-й РУССКОЙ И 7-й АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ АРМИЙ 12

9-я русская армия. — 7-я австро-венгерская армия. — Район предстоящих действий. Позиции обеих сторон. — Выбор участка для прорыва. — План действий 9-й русской армии.

III. ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ 34

Русские. — Разведка — Меры скрытности подготовки. — Организация артиллерийской подготовки. — Инженерная подготовка. — Обучение войск. — Мероприятия против контрподготовки противника. — Состояние людского запаса, вооружение и снабжение армии. — Срок начала наступления. — Австро-венгерцы. — Разбор планов действий и подготовки обеих сторон.

Стр

IV. БОЙ 61

Развертывание сторон к утру 4 июня на участке от Днестра до высоты 458 вкл. — Разбор развертывания сторон. — Газовая атака. — Артиллерийская подготовка. — Атака. — Расширение прорыва. — Развертывание обеих сторон. — Наступление русских. — Отход 7-й австро-венгерской армии и преследование ее 9-й русской армией. — Результаты наступления 9-й армии с 4 по 13 июня. — Разбор действий обеих сторон.

V. ФОРСИРОВАНИЕ р. ПРУТ И ОВЛАДЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ БУКОВИНОЙ 119

Исходное положение сторон. — Местность. — Планы действий сторон. — Овладение г. Черновиц.

VI. РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАЦИЙ 9-й АРМИИ С 4 ПО 23 ИЮНЯ И РАЗБОР ДЕЙСТВИЙ ОБЕИХ СТОРОН С 14 ПО 23 ИЮНЯ 137

Результаты развития прорыва. — Планы сторон. — Развертывание русских и австро-венгерцев. — Форсирование р. Прут. — Выполнение задачи 9-й армией

Приложения 1—4 147

Список источников 152

Список схем 1—7 155

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

★

К ПЕЧАТИ ПОДГОТОВИЛИ

Редактор *В. Белолипецкий*
Технический редактор *Е. Вольф.*
Корректор *О. Руднева*
Выпускающий *Б. Астафьев*

Сдано в производство 2.11.36
Подписано к печати 5.2 37

Формат бумаги 82×110/32
Объем 10 печ. л., +1,5 п. л. вкл. 9,05 авт. л.
В бумажном листе 131 200 знаков

Г—100099
Издательский № 375. Заказ № 3667
Тираж 20.000 экз.

Цена книги 1 р. 80 к., переплета 40 к.

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3

Отпечатано во 2-й типографии
Государственного военного изд-ва НКО СССР
им. К. Ворошилова,
Ленинград, ул. Герцена, д. 1

★

Книжный магазин
[illegible]ства
[illegible] „Сказатель“
[illegible]
№ [illegible]

Цена 2 руб. 20 коп.

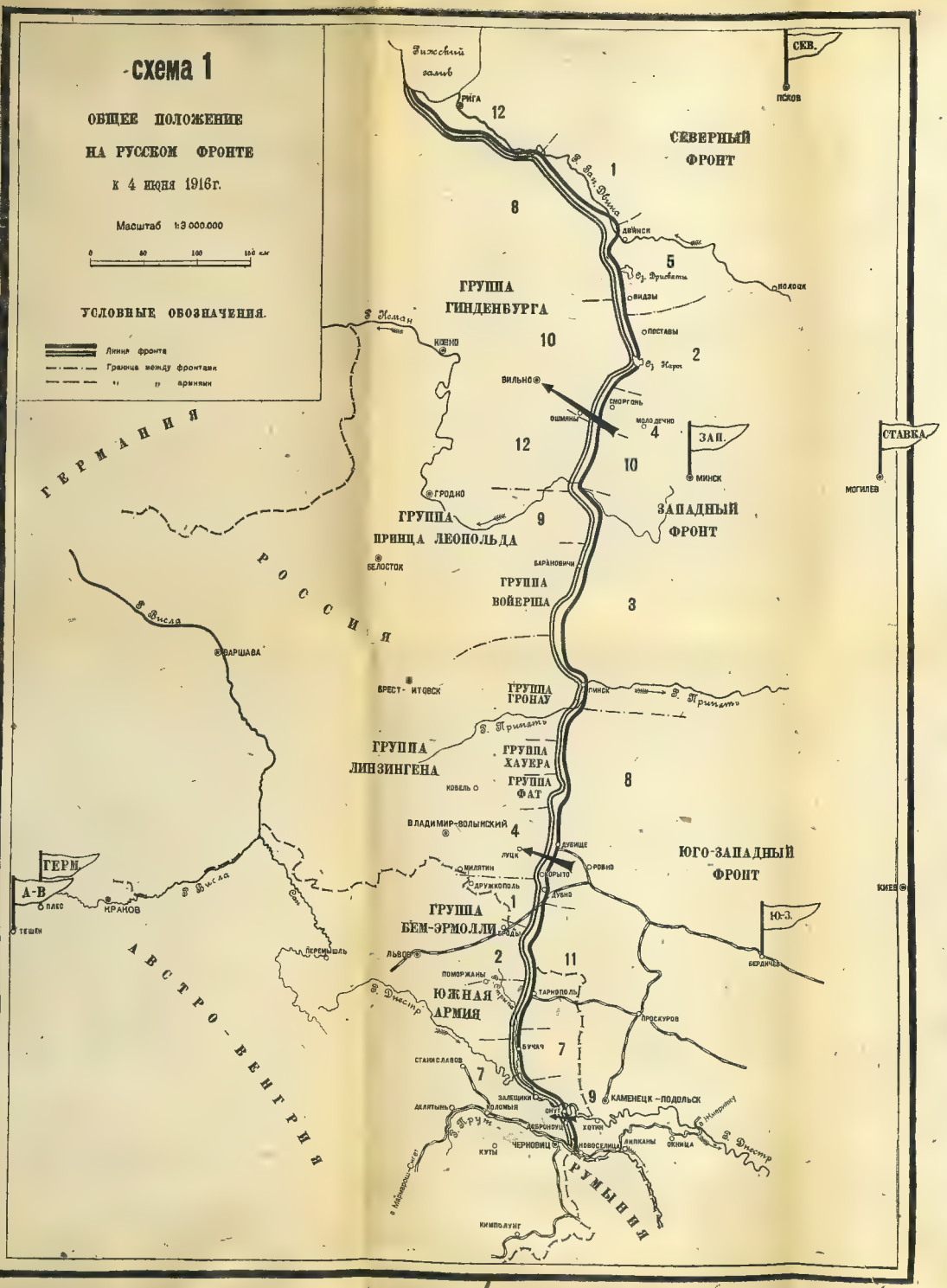


схема 1
ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ
НА РУССКОМ ФРОНТЕ
к 4 июня 1916г.
Масштаб 1:3 000.000
0 50 100 150 км
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ.
Линия фронта
Граница между фронтами
" " армиями
Рижский залив
РИГА
СЕВ.
ПСКОВ
СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ
р. Зап. Двина
ДВИНСК
Оз. Дрисвяты
ВИДЗЫ
ПОЛОЦК
ПОСТАВЫ
Оз. Нарч
ГРУППА ГИНДЕНБУРГА
р. Неман
КОВНО
ВИЛЬНО
СМОРГОНЬ
ОШМЯНЫ
МОЛОДЕЧНО
ЗАП.
МИНСК
СТАВКА
МОГИЛЕВ
ГЕРМАНИЯ
ГРОДНО
ГРУППА ПРИНЦА ЛЕОПОЛЬДА
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
БЕЛОСТОК
БАРАНОВИЧИ
ГРУППА ВОЙЕРША
РОССИЯ
р. Висла
ВАРШАВА
БРЕСТ-ЛИТОВСК
ГРУППА ГРОНАУ
ПИНСК
р. Припять
ГРУППА ЛИНЗИНГЕНА
ГРУППА ХАУЕРА
ГРУППА ФАТ
КОВЕЛЬ
ВЛАДИМИР-ВОЛЫНСКИЙ
ДУБИЩЕ
ЛУЦК
РОВНО
ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
МИЛЯТИН
КОРЫТО
ДРУЖКОПОЛЬ
ДУБНО
КИЕВ
ГЕРМ.
А-В
ПЛЕС
КРАКОВ
ТЕШЕН
ГРУППА БЕМ-ЭРМОЛЛИ
БРОДЫ
Ю-З.
БЕРДИЧЕВ
ПЕРЕМЫШЛЬ
ЛЬВОВ
ПОМОРЖАНЫ
ТАРНОПОЛЬ
ЮЖНАЯ АРМИЯ
р. Днестр
ПРОСКУРОВ
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
БУЧАЧ
СТАНИСЛАВОВ
ЗАЛЕЩИКИ
КАМЕНЕЦК-ПОДОЛЬСК
ДЕЛЯТЫНЬ
КОЛОМЫЯ
ОНУТ
ДОБРОНОУЦ
ХОТИН
р. Прут
ЧЕРНОВИЦ
НОВОСЕЛИЦА
ЛИПКАНЫ
ОКНИЦА
КУТЫ
РУМЫНИЯ
КИМПОЛУНГ

Схема 2
ПОЛОЖЕНИЕ 9ой РУССКОЙ
И 7ой АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ
АРМИЙ
К НАЧАЛУ ИЮНЯ 1916г.
Масштаб 1:750.000
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
Линия фронта
Тыловые позиции группы ген. Бенигни и 11-го австро-венгерского корпуса
Шоссе
Государственная граница
Границы между армиями
Границы между корпусами
7армия
ТРЕМБОВЛЯ
МОНАСТЕРЖИСКА
БУЧАЧ
СТАНИСЛАВОВ
ОТТЫНЯ
НАДВОРНА
ДЕЛАТЫНЬ
КОЛОМЫЯ
ГРУППА ГАДФИ
ГОРОДЕНКА
ЗАЛЕЩИКИ
ВЫГОДА
СИНЬКУВ
КОЛОДРУБКА
УСЬЕ БИСКУПЕ
МЕЛЬНИЦА
ОЛЬХОВЕЦ
ВЕРЕНЧАННА
ОКНА
НУТ
БАЛАМУТОВКА
ЮРКОУЦ
СКЯТЫН
ГРУППА БЕНИГНИ
КУЧУРМИК
ДОБРОНОУЦ
РЖАВИНЦЫ
ХОТИН
ЖВАНЕЦ
КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСК
ШИПОВЦЫ
КАЛИНКОВЦЫ
САДАГУРА
ЧЕРНОВИЦ
ДОЛЖОК
КОРОШМЕЗО
ВОРОХТА
КУТЫ
ВИЗНИЦ
УСТЬЕ-ПУТИЛЛА
СТОРОЖИНЕЦ
НОВОСЕЛИЦА
МАМАЛЫГА
ЛИПКАНЫ
МАРМАРОШ-ГЕТ
СЕЛЕТИН
РАДАУЦ
КИРЛИБАБА
СУЧАВА
КИМПОЛУНГ
ГУРА-ГУМОРА
ЯХОВЕНИ
ДОРНА-ВАТРА
БЫСТРИЦ
ГАЛИЦИЯ
БУКОВИНА
БЕССАРАБИЯ
РУМЫНИЯ
ЛЕСИСТЫЕ КАРПАТЫ
ВЕНГРИЯ
6к
22к
16к
13к
2к
33к
41к
11к
12к
3кк
7
9

СХЕМА 3

Общая обстановка в 9-й русской и 7-й австро-венгерской армиях 4—9 июня

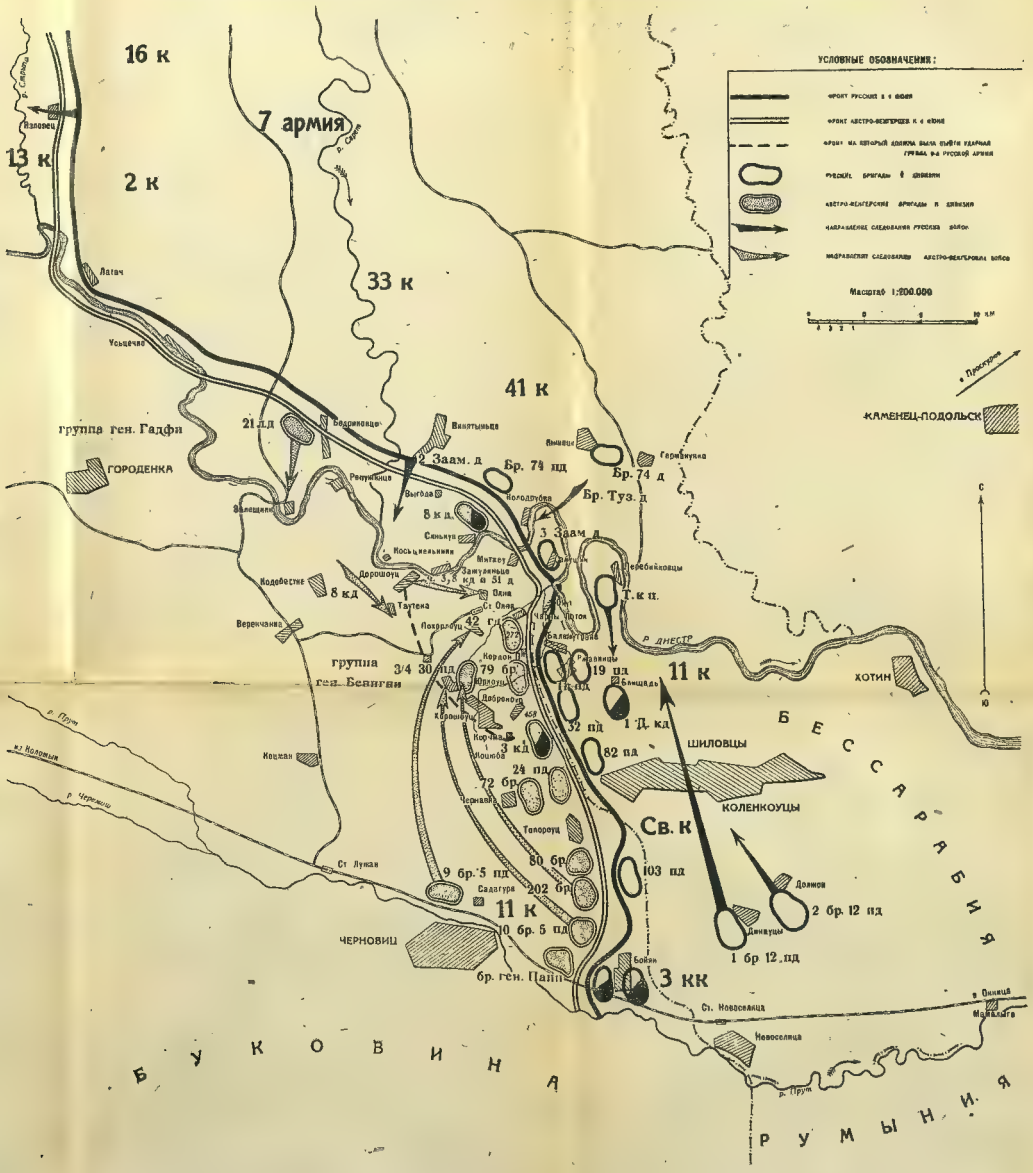
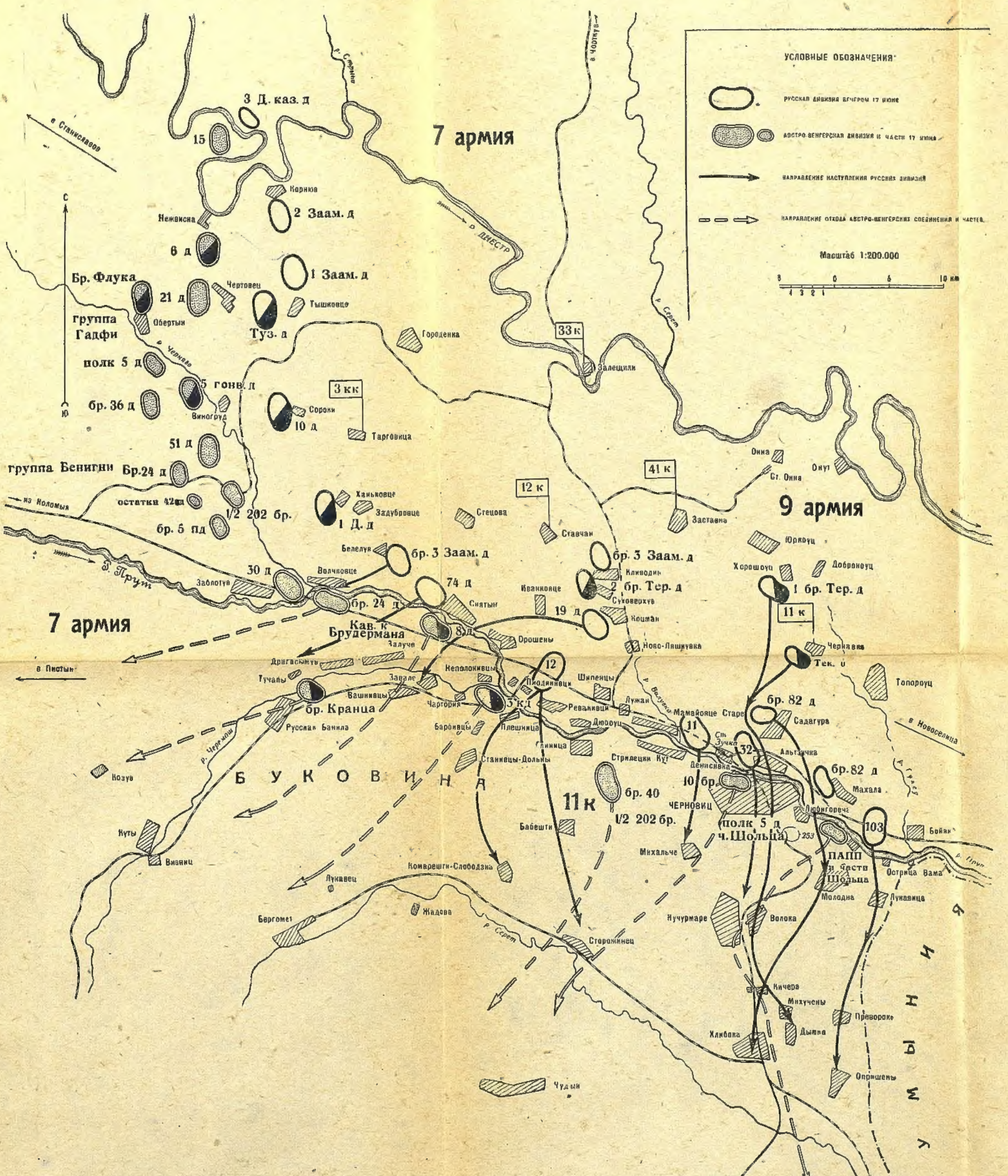


СХЕМА 4
Наступление 9-й армии 4—9 июня

СХЕМА 5
Расширение прорыва 10 июня
МАСШТАБ
0 2 4 6 8 10 12 14 16 км
условные обозначения.
Русские дивизии и бригады к утру 10 июня
Австро-венгерские дивизии и бригады к утру 10 июня
Направление следования русских 10 июня
Направление следования австро венгерцев 10 июня
Фронт русских к утру 11 июня
Фронт австро-венгерцев к утру 11 июня
Направление следования русских 11 июня
Направление следования австро-венгерцев 11 июня
Направление следования русских 12 июня
Направление следования австро венгерцев 12 июня
Русские дивизии и бригады вечером 11 июня
Русские дивизии вечером 13 июня
Фронт австро-венгерцев к утру 13 июня
16 к
Бучач
Ст Монастерниска
Ст Копычинце
Ст Гусятин
Ст Выгнанка
Ст Бяла Чертлув
7 армия
Язловец
2 к
6 д
Сьцянка
Канк. Туземн. д
Ст Тересин
Р. Днестр
Р. Серет
Латач
Тлумач
В Станиславов и Тысьменица
15 пд
Езерany
Подверьбце
Раковец
Корнюв
6 к
Туземн. д
Группа Гадфи
Нижнюв
Харасымув
Жабокруки
6 кд
В Оттыня
Тышковце
Ранкув
1 Заам. д
Городенка
21 ландв. д
Иване
1 Заам д
21 ландв д
Доброваяны
Касперовце
Залещики
5 гонв кд.
33 к
Чернятын
ч. 36 д
5 кд
2 Заам. д
Кав. бр Фаук
Ст Стефанувка
5 гонв. кд
2 Заам.
Надобестие
Кисселеч
Слободзия Польна
51 гонв. д
ч. 42 д
ч. 202 гд
1 д
Подвысока
2 Бр. 3 Заам. д
Шишковце
Ханьковце
Задубровце
Стецова
Юзенице
Веренчанка
Заставна
ч. 5 д
Коломыя
Р. Прут
Бр. 24
30 д
3 Заам. д
Группа Бенигни
Ставчаны
Хливеште
Волчковце
Заблотув
Бр. 3 Заам. д
3 кк
Юрковце
Дорошоуц
Сиеькув
Митков
12 д
Онут
4 к
Филипковце
Бр. 3 Заам. д
Иване Пусте
Збруч
11 к
Р. Днестр
Баламутовка
Блищадь
Ржавинцы
2 бр
19
Охотин
1 бр
Добронауц
Хорошоуц
2 бр 19
Ивановце
Снятын
Коцман
74
Ошехлиб
1 д
Валява
Васлоуц
Нова Лешкувка
12
Чернавка
Шубранец
82
24
Волейкоуцы
Малинцы
Шиловцы
Бессарабия
Св. к
Исиас
Дебеславце
Глиньце
Рудники
Драгасымув
Кав. к-с Брудермана
Орошень
Неполоковцы
Шипенцы
Завале
11
32
Садагура
Топороуц
80 бр и 1/2 202 бр
Чарторив
Вашковцы
Лужан
Макайовце Старе
Барбивцы
Р. Прут
Р. Черемош
Пистын
Рожнув
Карапчиу
Станивци Дольны
3 кд
Глиница
Стрелецкий Кут
Бр. 24
80 бр. и 1/2 202 бр.
Ст Зучка
Раранче
82
Альтзучка
Махала
Панн
103
Саинкоуцы
Св.
Динауцы
Бойян
3 кк
Косув
Костешти
11 к
Черновиц
10 бр. (13 п. и ч. Шольцы)
Шольц
Вама
Ст Новоселица
В Окница
Р. Прут
Маршинцы
Кути
Визниц
В Селетин
Лукавец
Ст. Жадова
Румыния
В Гура Гумора
Кучурмаре

СХЕМА 6
Форсирование р. Прут 17—19 июня



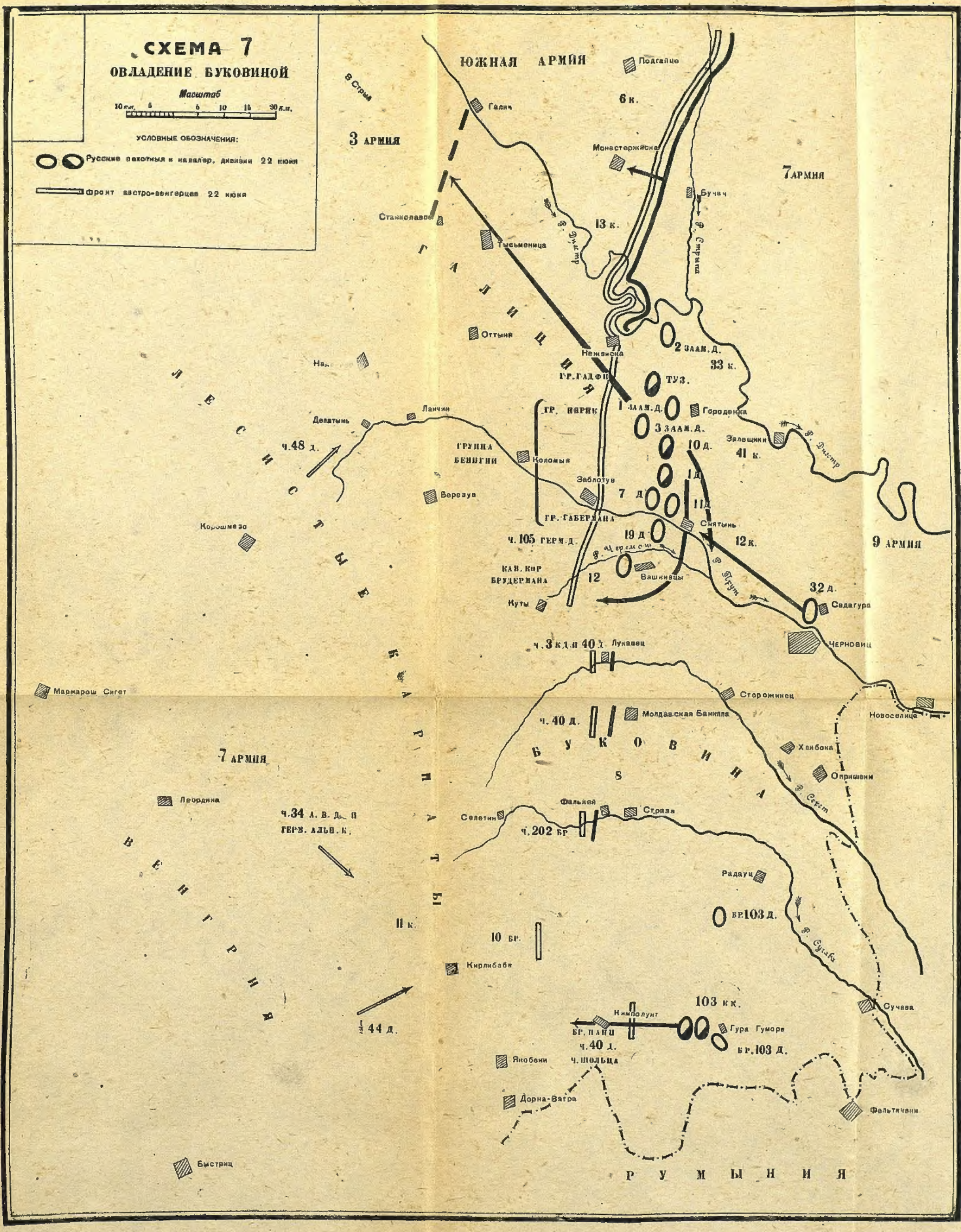


СХЕМА 7
ОВЛАДЕНИЕ БУКОВИНОЙ
Масштаб
10 к.м. 5 5 10 15 20 к.м.
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
Русские пехотныя и кавалер. дивизии 22 июня
Фронт австро-венгерцев 22 июня
ЮЖНАЯ АРМИЯ
Подгайце
6 к.
В Стрый
Галич
3 АРМИЯ
Монастержиска
7 АРМИЯ
Бучач
р. Стрыпа
Станиславов
13 к.
р. Днестр
Тысьменица
Г А Л И Ц И Я
Оттыня
Нежвиска
2 ЗААМ. Д.
33 к.
ГР. ГАДФИ
ТУЗ.
ГР. НЯРИК
1 ЗААМ. Д.
Городенка
3 ЗААМ. Д.
Делатынь
Ланчин
ГРУППА БЕННИГИ
Коломыя
Залещики
10 Д.
41 к.
р. Днестр
ч. 48 д.
Березув
Заблотув
7 Д.
1 Д.
11 Д.
ГР. ГАБЕРМАНА
Снятынь
12 к.
9 АРМИЯ
Л Е С И С Т Ы Е К А Р П А Т Ы
Корошмезо
ч. 105 ГЕРМ. Д.
19 Д.
р. Черемош
КАВ. КОР БРУДЕРМАНА
12
Вашкивцы
р. Прут
32 Д.
Садагура
Куты
Черновиц
ч. 3 К. Д. и 40 Д.
Лукавец
Мармарош Сигет
Сторожинец
Новоселица
ч. 40 Д.
Молдавская Банилла
Б У К О В И Н А
8
Хливока
Опришени
7 АРМИЯ
р. Серет
Леордина
Фалькеу
Селетин
Страза
ч. 34 А. В. Д. и ГЕРМ. АЛЬП. К.
ч. 202 БР
В Е Н Г Р И Я
Радауц
БР. 103 Д.
р. Сучава
11 к.
10 БР.
Кирлибаба
103 К. К.
Сучава
Кимполунг
½ 44 Д.
Гура Гуморе
БР. ПАПП
ч. 40 Д.
БР. 103 Д.
Якобени
ч. ШОЛЬЦА
Дорна-Ватра
Фальтичени
Быстриц
Р У М Ы Н И Я